

той поры, по-
идный немец-
«эта умная и
лько дней все-
ую Нёмку».
оятно, и дру-
дений на тему
и немецкой
льный вывод
ть быть фор-
полу-русского,
то «трудно со-
дномъ славян-
». Но благо-
къ Россіи со-
езонирующіи
авторомъ со-
тъ еще не ду-
али мы; Нём-
орошо знаемъ,

в. ю. б.
воринъ.
Суворина—

ГОДА
о горяще
НАРИ
АЯ, 33.
БРЪТЕНІЙ.

ового Времени
НЪ
Арсена Любэна
Цена 50 коп.

КИКА".
КНИГА 2-ая.

ЩЕНИЕ
БОЛЕЙ,
гамъ врачей.
безвреденъ.
дѣлокъ.

АЗКИ",

КАГО.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14337

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 6 (19) ФЕВРАЛЯ 1916 ГОДА.

№ 14337

НА ОКРАИНАХЪ НАШЕГО СЪВЕРА.—Нѣ постройтѣ Мурманской желѣзной дороги. (См. №№ 14321—14323 «Новаго Времени»).

1. Норвѣтскій заливъ Блага моря у ст. Чула. Сколо 60 вер. длины и 5 вер. ширины.

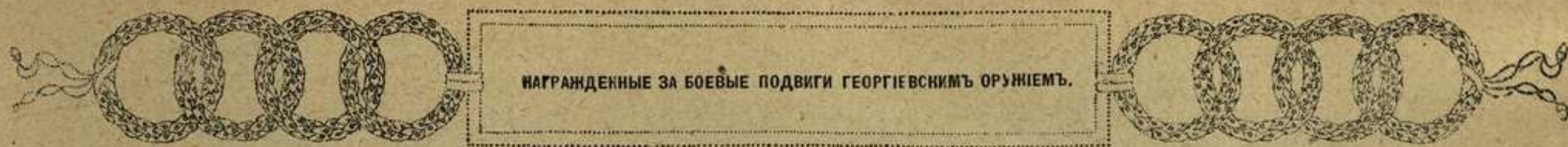
2. Пороги на рѣкѣ Нивѣ, на Нольскомъ полуостровѣ.

3. Надвоичій водопадъ, близъ дер. Надвоицы и жел. дор. станціи того же названія. По мощности (около 30 тыс. лошад. силъ) не уступаегъ Нивачу на Сунѣ.

4. Становище изыскателей. Снимокъ показываетъ, при какихъ условіяхъ нашимъ изыскателямъ приходилось прокладывать путь на сѣверъ. Работало срубятъ лѣса прожсдидлась на лыжахъ. Справа видны фигуры провалившихся въ снѣгъ рабочихъ.

5. Паровозъ, доставленный на берегъ озера Имандры спеціальной барней. Въ свою очередь этому паровозу пришлось везти барню по желѣзнодорожн.

Пралорщ. С. Н. Вознесенскій.

Поручикъ А. Г. Шумилинъ.

Шт.-кап. В. А. Бориславскій.

Поручикъ А. А. Чехутовъ.

Поручикъ Н. Н. Моисеенко-Великій.

Полковн. Н. Л. Яновскій.

Подпоручикъ Б. А. Чиковъ.

Ген.-м. И. И. Гаштовъ.

Капитанъ А. Н. Складенчичъ.

Полковн. Н. И. Козуновъ.

Ротмистръ С. Н. Великопольскій.

Подполковн. И. П. Грейсманъ.

Ген.-м. А. Г. Ушаковъ.

Шт.-кап. Н. В. Щикаренко.

Капитанъ В. Н. Лебедевъ.

Полковн. Л. М. Сатурновъ.

Полковн. Е. А. Родзевичъ.

Подполковн. Л. Н. Сколовъ.

Полковн. С. Ф. Зубовскій.

Полковн. Н. М. Чаплигъ.

НА ВОЙНѢ.

Взятие германской пулеметной двуколки казанами Уральского полка.

Рис. А. Пржецлавский (участник войны).

У.

Боря Пепловъ хохоталъ, какъ сумасшедшій.

— Ну, вотъ-вотъ, тебѣ, конечно, смѣшно, и я даже нисколько не обижаюсь. Я не имѣю права обижаться... Я бы тоже, конечно, смѣялся, если бы это рассказывалъ кто-нибудь другой...

— Какъ? Какъ ты говоришь? Вся женщины чрезвычайно нравственны?

— Ну да, да... я не смѣю на этомъ настаивать

принципально, но мой личный опытъ... те, или я чего-то тутъ не улаживаю, не чести мнѣ утверждать: «Я нравственная и порядочная женщина». Вѣдь не могу же я понять...

— Съ madame Чернольцовой? — Не только съ нею... а и съ другими. Ну, возьми, напримеръ, Фимочку... неудержимаго хохота.

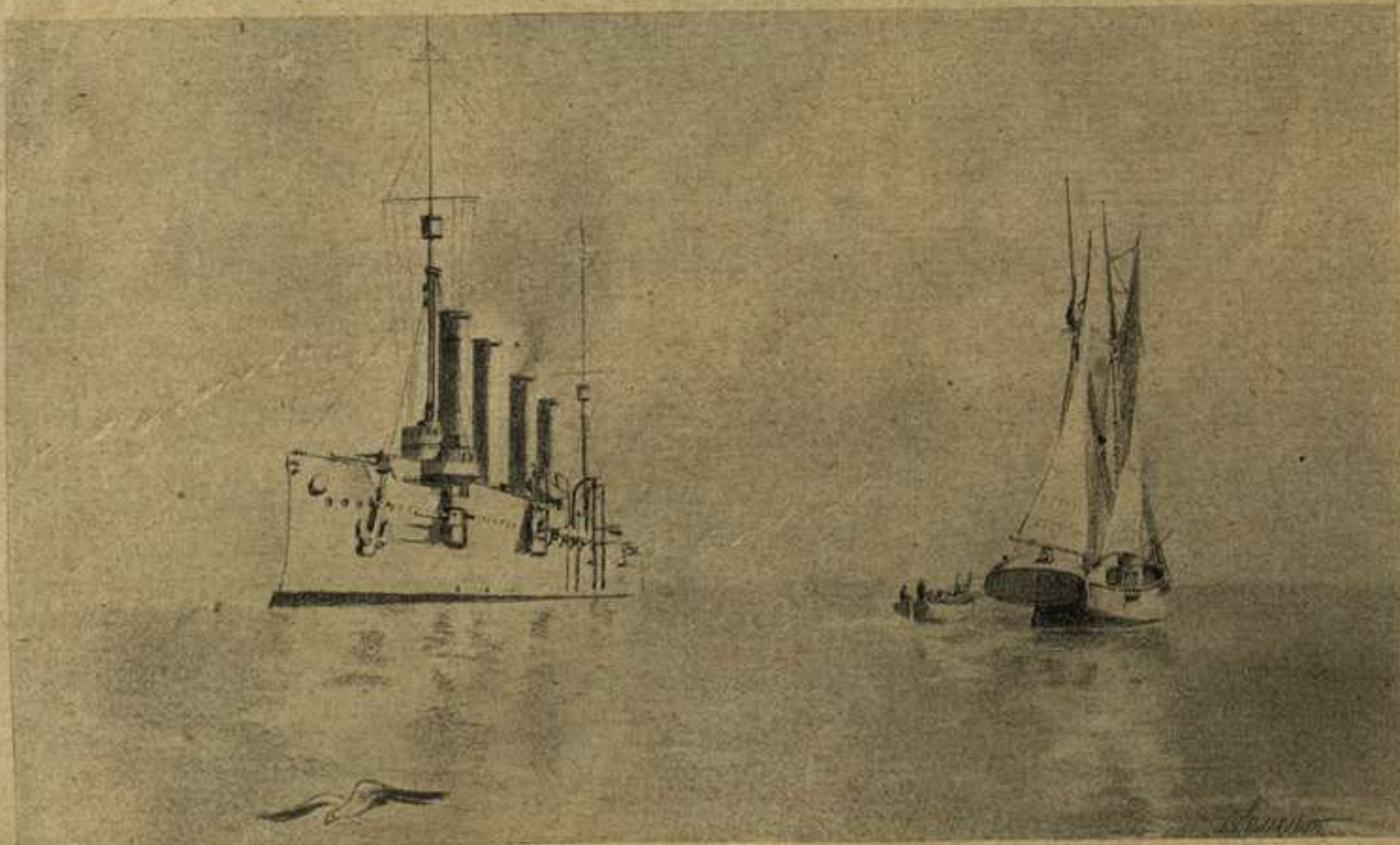
Что она такое? И вдругъ—представь себѣ: протестъ... и даже весьма мотивированный протестъ. Я такъ часто слышалъ, и я тебе очень прошу: когда ты перестанешь смѣяться, то сдѣлай мнѣ въ качествѣ условий, то вѣдь я рискую повести за это тѣрдишь, что женщины берутъ смѣло-бывалаго человѣка и въплоть исполнѣ заслуженное оскорбленіе. И я ни-смысла, но почему-то, когда я хочу быть разъясненія. Ну, хотя бы Нина Чернольцовой-скалько не сомнѣваюсь, что она скажетъ смѣлымъ, изъ этого рѣшительно ничего сова... Пре нее рассказываютъ очень мно-мужу, устроить мнѣ цѣлый скандалъ, не выходятъ... Или вы, господа, все же-гое, ты самъ говорилъ, но она категори-

воинъ... Пепловъ закатился новымъ варывочъ и въ самомъ дѣлѣ ей отвѣтить: «Нѣтъ, вы женщина безнравственная, и потому я дѣлаю вамъ соответствующую провозацію».

— Смѣйся, смѣйся, это даже очень смѣшное положеніе... Но мнѣ-то каково! А если я захочу быть съ нею просто смѣшнымъ, безъ всякихъ предварительныхъ условий, то вѣдь я рискую повести за это тѣрдишь, что женщины берутъ смѣло-бывалаго человѣка и въплоть исполнѣ заслуженное оскорбленіе. И я ни-смысла, но почему-то, когда я хочу быть разъясненія. Ну, хотя бы Нина Чернольцовой-скалько не сомнѣваюсь, что она скажетъ смѣлымъ, изъ этого рѣшительно ничего сова... Пре нее рассказываютъ очень мно-мужу, устроить мнѣ цѣлый скандалъ, не выходятъ... Или вы, господа, все же-гое, ты самъ говорилъ, но она категори-

Воля твоя, а я начинаю безусловно думать,

ВОЙНА НА МОРѢ.

Дозорный крейсеръ осматриваетъ парусное судно.

Рис. лейтенантъ Александръ Оскаръ Ламкертъ.

что на нее
женщина д
— Тѣмъ
поймалъ
вдвоемъ съ
— Болж
ваютъ! Вѣ
это мнѣ
l'active tou
уже къмъ-
жать. Но
случается?
какъ потом
ангажиров
даже въ д
гдѣ это он
не понимаю
ря,—ты х
Пепловъ
того его д
— Да ч
всѣхъ элм
— Какъ
прось... То
всѣмъ... Я
романъ...
— Да в
— Какі
чу жить
Ползовать
не жалитъ
предложені
на кузниц
— Разъ
— Ну
— Такъ
изомьсь...
— Ты
кой убьжд
не испыта
обольщеній
такъ добр
— Позв
викантъбе
ты говори
— Ты
быть, ты
валъ онъ
— Да
Если бы
я бы не к
ливецъ, т
твоя кузи
граціи, из
щина.
— Чар
какъ дума
— А о
рилъ?
— Я е
Разумьете
а мой дру
статься со
— Да

«АДРИАТИЧЕСКИЙ» ГИБРАРТАРЬ.

ГОРА ЛОВЧЕНЬ — «страхъ Черногоріи» (Видъ съ Которской бухты).

что на нее просто клеветают, что это женщина действительно нравственная...

— Тьмъ не менѣе я ее вчера вечеромъ поймалъ въ отдѣльномъ кабинетѣ— вдвоемъ съ Вилевымъ.

— Боже мой, когда это они всѣ усаживаютъ! Вѣдь остается предположить, что это мнѣ такъ отчаянно не везетъ— j'arrive toujours trop tard. Естъ женщины уже кѣмъ-то заняты, кому-то принадлежатъ. Но почему, Бори, это всегда такъ случается? Стоитъ мнѣ начать ухаживать, какъ потомъ оказывается, что женщина уже ангажирована,—я опоздалъ. Вѣдь Вилева даже въ домѣ у нихъ никогда не видно, гдѣ это онъ усаживается? Я рѣшительно ничего не понимаю. Объясни мнѣ хоть ты, Бори,—ты ходокъ, ты—бывалый человекъ...

— Поплывъ не сразу могъ говорить,—до того его душенька смѣхъ.

— Да что тебѣ собственно нужно отъ всѣхъ этихъ дамъ?

— Какъ, что нужно? Странный вопросъ... То же самое, что и тебѣ и вообще всѣмъ... Я хочу имѣть своего рода интригу, романъ...

— Да на что тебѣ?

— Какіе удивительные вопросы!.. Я хочу жить жизнью холостого человека... Пользоваться своей свободой, пока я еще не женатъ... А яичко я сегодня же сразу предложенье маманъ и завтра же женюсь на кузинѣ Катенькѣ...

— Развѣ это предполагается?

— Ну да,—и маманъ, и tante Aline...

— Такъ въ чемъ же дѣло? Разумѣется, жениться...

— Ты это говоришь серьезно? Ты? такой убѣжденный холостякъ? Но вѣдь я же не испытывалъ еще холостой жизни, всѣхъ ее обольщений... Кузиночка—это такъ прѣсно, такъ добродѣтельно...

— Повѣрь мнѣ, что твоя кузина гораздо интереснѣе всѣхъ твоихъ дамъ, о которыхъ ты говорилъ... Она обворожительна.

— Ты такъ думаешь?... или, можетъ быть, ты надо мной смѣешься?—прибавилъ онъ нерѣшительно.

— Да вѣдь же, совершенно серьезно. Если бы такое предложеніе сдѣлалъ мнѣ, я бы не колебался ни минуты. Ты—счастливчикъ, ты ей не стоишь. Она прелестна, твоя кузина: въ ней столько кокетства, граціи, изъ нея выйдетъ чарующая женщина.

— Чарующая женщина? Неужели? Ты такъ думаешь?

— А она согласна? Ты съ ней говорилъ?

— Я еще не говорилъ... Но отчего же? Разумѣется, она будетъ согласна... Только мой другъ, все-таки колеблюсь... разстаться со своей свободой...

— Да на что она тебѣ?

— Неужели же у меня не будетъ ни одного романа!

— Вотъ и заведи романъ съ кузиной.

— Но это все уже заранѣе рѣшено...

— Это такъ неинтересно...

— А хочешь, я тоже начну за ней ухаживать? Вотъ тебѣ и романтическая обстановка, соперничество...

— Да вѣдь я только такъ, безъ серьезныхъ цѣлей...

— C'est une idée... Пожалуй... Мы будемъ съ тобой спорить... А?.. Только знай...

— Только знай...

VI.

— Васъ, правда, выдаютъ замужъ?

— Меня нельзя выдать... Выйду сама, когда захочу.

— А вы хотите?

— Вамъ-то какое дѣло!

Катенька засмѣялась.

— Или, можетъ быть, васъ послалъ Кеня? Это на него похоже!

— Кеня мой близкій другъ, а вы... вы его кузина... промѣ того, я слышалъ...

— Конечно, отъ самого Кени... Онъ, пожалуй, даже съ вами совѣтовался... А скажите: Кеня, правда, вашъ очень близкій другъ? Я этому не вѣрю.

— Почему?

— Потому что вы совсѣмъ не такой.

— Это, какъ? Комплиментъ или наоборотъ?

— Комплиментъ, комплиментъ, даже очень большой комплиментъ! И такъ и быть—знайте: замужъ за Кеню я никогда не выйду.

— Но вѣдь это, кажется, уже рѣшено?

— Кто рѣшилъ? Мама? Тетя? Кеня?

Всѣ ихъ три мнѣнія, если сложить вмѣстѣ, не стоятъ моего одного.

— Bravo! Bravo!

— Это вы чему аплодируете, Борисъ Петровичъ: моей самостоятельности или моему рѣшенію?

— И тому, и другому.

— Ну, вотъ видите: какой же вы послѣ этого его другъ? Я такъ и думала. И неужели вы такъ мало на меня обращали вниманія, что могли повѣрить, будто я стану женою Кени?

— Я и не очень повѣрилъ...

— Мама и тетя меня готовы выдать,—это правда, я знаю. Только имъ никогда не удастся. Развѣ Кеня можетъ аргументъ?

Развѣ онъ кому-нибудь нравится? Скажите мнѣ откровенно, Борисъ Петровичъ: развѣ онъ гдѣ-нибудь имѣетъ успѣхъ?

— Вкусы такъ различны, Екатерина Давыдовна...

— Смѣетесь, смѣетесь, по глазамъ вижу, что смѣетесь... Это только у насъ въ семьѣ думаютъ, будто Кеня можетъ быть чѣмъ-нибудь героемъ. Вадоръ! Такихъ мужичковъ женщины не любятъ...

— Екатерина Давыдовна!

— Что? васъ удивляетъ? Удивляетъ, что я понимаю, что я такъ говорю? Да вы действительно меня совсѣмъ игнорировали, совсѣмъ на меня раньше не смотрѣли, развѣ вы удивляетесь! Это даже обидно! Ужъ не такая маленькая, чтобы всего этого не понимать...

— Вы прелестъ, Екатерина Давыдовна...

У НАШИХЪ СОЮЗНИКОВЪ.

БЪ АНГЛІИ. Группа молодежи, явившаяся въ главную квартиру по набору добровольцевъ. Въ настоящее время добровольцы стеноются всюду огромными толпами.

ВДАЛИ ОТЪ РОДИНЫ.

Сербскіе гимназисты въ одномъ изъ Парижскихъ лицеевъ, гдѣ они будутъ продолжать свое образование, пока не вернутся въ освобожденный родной край.

Сенатор Дмитрий Иванович Янов. Недавние назначения в Сенат Д. И. Янов получил, пройдя длинный ряд должностей в судебном ведомстве. В 1910 году он был назначен товарищем обер-прокурора Гражд. Кассы. Департ. Сената.

ницам книги пробьгаешь как бы по почтовым листочкам, написанным тебе и специально для тебя. Это рождает интимность между читателем и автором, и в высшей степени согревает самое чтение. Оно легко: а между тем предметы чтения, самые темы писем—безчисленны, важны, непрерывно волнуют ум и обогащают сведениями. «Вычитываешься» без труда, «созавываешься» без отягощения.

Умь или, точнее, душа Тэна не совсем адекватна предмету. Лтвиная, роскошная и в несколько разращенная Италия,—разращенная уже нескончаемым историческим опытом,—стоя перед зеркаломъ этого ума в высшей степени упорядоченного, корректного, строгого, вооруженного всеми знаниями конца второй половины XIX века («Письма» от 1864 года)—естественно не «надышала» в книгу некоторых своих закулисных тайн, некоторых своих знойных секретов... Тэнь никогда не был «гулякой праздных», а это необходимо для полного восприятия Италии. Онъ всегда трудился, изучал, размышлял. Онъ аналитикъ и буржуа-библиотекаръ XIX века. Это, конечно, не вполне достаточно. Онъ в своемъ путешествии дбляет «смотреть» этой старой ханжѣ, богомолкѣ и развратницѣ: и старушка скорѣе «убьгаетъ» отъ него, нежели «распускается» перед нимъ. А хорошо, если бы она немножко «распустилась» и приблизилась своими «воспоминаниями», изъ которыхъ многи довольно интересны... Ахъ, Пушкина бы туда... Онъ бы все воспринял, полную гамму Италии, и увѣковѣчил... Но... ограничимся Тэномъ.

Лучшия, по крайней мѣрѣ съ наибольшимъ интересомъ читаемая, страницы книги тѣ, гдѣ онъ говорит о странѣ и ея «ландшафтѣ», связывая это съ историей городовъ и отдѣльных «мѣст» Италии; гдѣ онъ говорит о населении, его праздности и трудѣ «сейчасъ». Для насъ уже все в Италии половины XIX века передвинулось в прошлое, и занимательно видѣть и слышать итальянцевъ накануне ихъ національного бальди. Книга полна трепета тѣхъ дней, и каждый пойметъ, какъ интересно прочитатель обо всемъ этомъ в частныхъ письмахъ отъ очевидца «сегодняшняго дня» отходитъ в даль, уходитъ в прошлое, и повѣствуетъ «своему другу» в письмѣ отъ 4 апреля о временахъ Сфорца и Макиавелли, строи-

ВЪ 1916 ГОДУ.

— Родился ребенок? Превосходно! Записать его в наборъ 1885 года. «Травосо», Рим.

телей Palazzo Vecchio, гдѣ теперь помещается великая и необозримая галерея Уффици, и Palazzo Pitti, наполненнаго несравненными картинами Возрождения и античными статуями... Разсужденія его объ искусствѣ, которыя были бы голы и отвлечены безъ воспроизведенія «предметовъ» рѣчи, переводчикъ книги, г. П. П. Перцовъ, сопровождаетъ в своей книгѣ множествомъ рисунковъ, фотографий и цинкографій. Вообще в русскомъ чтении книга удобнѣе, чѣмъ какъ она дана французскому читателю.

Захолустныя мѣста Италии, ея маленькіе городки, игравшие в средніе вѣка и в эпоху Возрождения громадную, пылкую роль, а нынѣ уполкувшіе, конечно, представляютъ величайшую прелесть для туриста... Книга начинается дневникомъ «отъ Рима до Перуджии» и открывается воспроизведеніемъ монастыря св. Франциска, вь Ассизи, и превосходною фрескою Джотто «Св. Францискъ Ассизскій». Но послушаемъ, что авторъ написалъ в 1864 года.

Онъ приходитъ вь Ассизи и осматриваетъ монастырь св. Франциска:

«На вершинѣ обрывистой возвышенности, надъ двойнымъ рядомъ аркадъ, располагается монастырь. У его подножія ручей размываетъ почву и уноситъ далеко, межъ песчаныхъ береговъ, накатанные голыши. Мы поднимаемся медленно, подъ палящими лучами солнца, и неюки данно, на концѣ двора, окаймленнаго тонкими колоннами, входимъ вь мракъ здания... Нѣтъ ничего, равнаго ему; но выдавъ его, нельзя составить себѣ понятія объ искусствѣ и генѣ среднихъ вѣковъ. Прибавьте сюда Данта и «Fioretto» («Швѣточка») св. Франциска,—вотъ шедевры мистическаго христианства. — Здѣсь три церкви, одна надъ другой, всѣ расположенныя надъ гробницей св. Франциска. Поверхъ почитаемыхъ останковъ того, кого простой народъ до сихъ поръ считаетъ живымъ и лишь погруженнымъ вь молитву вь глубинѣ недоступной пещеры, возвышается и пышно расцвѣло, подобно каменной раѣ, это здание. Нижняя церковь представляетъ темный, какъ гробница, склепъ, куда спускаются съ факелами. Паломники пробираются вдоль влажныхъ стѣвъ и ощупью касаются рѣшетки. За нею находится гробница,—въ блѣдомъ мерцаніи свѣтѣ, подобномъ загробному. Пѣсколько мѣдныхъ свѣтильниковъ, почти безъ огня, горятъ здѣсь неугаемно, какъ звѣзды, тонущія вь мрачныхъ глубинахъ. Копоть ползетъ по сводамъ, и тяжелый духъ свѣчей смѣшивается съ запахомъ пещеры. Сторожъ покрываетъ свой факель, и эта внезапная вспышка вь жуткой темнотѣ, надъ мертвыми костями, подобна видѣнію Данта. Вотъ таинственная гробница Святого, который изъ темницы липкой земли созерцаетъ пршество Спасителя вь неизреченномъ свѣтѣ.

«Но что нельзя описать словами,—это средній храмъ, длинный и низкій, какъ печной душникъ, поддерживаемый небольшими круглыми аркадами, которыя свѣбуются вь полутьмѣ,—покорное смиреніе, заставляющее вошедшаго невольно склонить колѣно. Темно-лазурная облицовка съ красными полосами, усеянными золотыми звѣздами, великолѣпная ткань орнаментовъ, изящныхъ закругленій и перозитій, листья и разнообразныхъ фигурокъ, покрываетъ арки и потолокъ своей гармонической пестротой; глазъ ушивается ею; цѣлое царство формъ и цвѣтовъ живетъ на этихъ сводахъ; я отдамъ за этотъ подвалъ всѣ римскія церкви. Ни древность, ни Возрожденіе не понимали этого могущества множественности: классическое искусство дбствуетъ простотой, искусство готическое — изобиліемъ; одно беретъ за образецъ стволъ дерева, другое—цѣлое дерево, со всею пышностью его листьев. Здѣсь—цѣлый міръ, какъ вь живомъ лѣсу, и каждый предметъ сложенъ и завершенъ, какъ живое явленіе: вотъ кресла хора, обремененныя и исполненные рѣзбой; дальше—великолѣпная витая лѣстница, чеканныя рѣшетки, изящная мраморная кафедра... Тамъ и сямъ гинутся вверхъ ростки тончайшихъ колоннъ, или нагроможденіе каменныхъ

ВЪ БЕРЛИНѢ.

—Вы читаете «Vorwaerts»? Я предпочитаю «Berliner Tageblatt»: тамъ даютъ больше побѣдъ. Рис. Арнакъ. «Le Rire».

уже, конечно, «мудрствование», и съ «лѣтписной» точки зрѣнія всегда «лукавое». Отъ этого при столкновении «спокойнаго» историка Соловьева съ бурными и бурлящими не всегда, конечно, «мудрой» идейностью юнымъ духомъ кружками российскіхъ западниковъ и славянофиловъ мы вранѣе можемъ предвидѣть, что, послѣ некотораго первоначальнаго тяготѣнія, образуется взаимное охлажденіе. Правильно многомъ второстепенномъ и «вышпшемъ», Соловьевъ едва ли былъ правъ вь основѣ своего отношенія къ обомъ лагерямъ «идеалистовъ»—именно потому, что не схватывалъ ихъ творческаго spiritus inventis.

Но, тѣмъ не менѣе, его характеристики, какъ знаменитостей тѣхъ годовъ, такъ и представителей профессорской среды и, наконецъ, просто встрѣченныхъ вь жизни людей читаются съ наслажденіемъ. Вь «объединенія», вь дни Кавура и Гарибуди, которая отмѣчаетъ портреты лучшихъ художниковъ-реалистовъ, какъ (взявъ предѣльное сравненіе) Веласкесъ, махъ отъ «очевидца». Затѣмъ вь книгѣ (въ отечественныхъ рамкахъ) нашъ Ривинъ. Пусть тутъ есть некоторая односторонность и, просто, даже несправедливость, но это «зачерчено» такимъ увѣреннымъ, смѣлымъ и точнымъ карандашомъ, съ такою опредѣленностью граней, что эти «силуэты» не скоро забудутся.

Много вь книгѣ также интересныхъ соображеній и мыслей историка-публициста (напримѣръ, объ отрицательныхъ чертахъ переломной поры 50—60 гг.). Особенно же замѣчательна страница вь защиту исторической психологической роли православія для Россіи (стр. 20—21)—страница, которой хочется пожелать какъ можно больше читателей.

Объ Италиі.

Вотъ и второй томъ великолѣпно изданнаго «Путешествія по Италиі» Имполита Тэна,—книга, которая будетъ настолько у любителей итальянской культуры, итальянской старины, тамошней жизни, нравовъ и людей, а по окончаніи мировой войны, конечно, сблается другомъ и спутникомъ безчисленныхъ туристовъ вь Италию... Съ трудомъ отрываясь отъ страницъ Тэна; форма частныхъ писемъ, дающихъ «отчетъ о впечатлѣніяхъ» другу ученаго путешественника, захватываетъ и читателя, приобщаетъ его къ друзьямъ Тэна,—и по стра-

Исполнитъ Тэнь. Путешествіе по Италиі. Переводъ П. П. Перцова. Томъ II. Флоренція и Венеція. Москва, Книгоиздательство «Наука», 1916 г. Цѣна 2 руб. 75 коп. (Со множествомъ рисунковъ).

НА ВОЙНѢ.

На Ринскомъ взморьѣ.

Рисунъ А. Пржевальскаго (уничтоженныя войны).

бездѣлушекъ въ фантастическомъ безгорюдиствѣ, или, наконецъ, среди лабиринта расцвѣтшей днѣтвы—обиліе аскетическихкихъ изображеній въ вѣнчикахъ стараго почеркѣваго золота. Все это мелькаетъ передъ глазами, среди чернаго блеска деревянной рѣзбы, въ свѣтѣ гаснущаго пурпура, между тѣмъ какъ въ входныя двери налетаетъ снопъ золотыхъ струлъ заходящаго солнца,—точно павильонъ развернулъ свое опереніе.

Это—двѣ церкви, одна надъ другой; и еще надъ ними—третья, «столь же бинстательная, воздушная и ликующая, насколько средняя была низка и сурова». Тѣмъ говоритъ, что архитекторъ, повидимому, имѣлъ въ виду «въ этихъ трехъ святыняхъ представить три міра: тамъ,

внизу,—смертную тѣнь и страхъ адской мающейся вѣтеръ, и мы увидимъ вдругъ раящаго! Но Тѣмъ, «въ границахъ XIX вѣка погубили; по срединѣ—страстное волненіе христіанина, который въ молитвѣ и на самомъ дѣлѣ находимся. Книга Тѣмъ,—которая въ ознакомленіи къ Италіей сыграть у насъ классическую его роль,—на самомъ дѣлѣ, внутренно и тайно, не советъ хороша. Строгий врачъ у этого въ нашъ вѣкъ позитивизма и естествознанія,—«когда даже изобрѣли телеграммъ и культура достигла апогея. «Куда хотимъ стремиться? Мы всего достигли!» А, балалайка въ лединой пустынь, дѣлать, весело сейчасъ, собралась хорошая компания, «вотъ и Эдисонъ, и Маркъсъ», который сорветъ съ основанія

ужасный мракъ, среди котораго ка» все-таки сказать наилучшее, что могло быть сказано объ Италіи въ этомъ вѣкѣ. И сотни, и тысячи людей прочтутъ страницы вездѣ съ почтительностью и мѣстами съ восхищеніемъ.

В. Розановъ.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Издание Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

!!! САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПОДАРОКЪ !!! и занятія въ семьѣ !!!
Практ. руков. для юнош. Н. Н. Маѣева.

„ШКОЛА ВЫЖИГАНІЯ“
Новѣйш. мет.; прост. (плоское) мозаичн., глубок. и пластич. выжиган. по дереву, кости, папѣ и т. п.
Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. и упаков. 1 р. 70 к. Получ. мае. благодарн. со вѣстк. конц. Россіи.
Выписывать отъ автора: Петроградъ, Лубяцкая ул., 8, кв. 50. Книгопродавец общ. скидка.

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни
А. Ю. Пилсудскій.
НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинскоѣ).
Изумруды, рубины, сапфиры, алмазидриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
Пріемъ и быстрое выполненіе заказовъ на всевозможн. ювелирныя надѣлы.
Художественная работа. Цѣны вѣт конкуренціи.
Телефонъ 168-95.

Уральская яшма,
ЮВЕЛИРНЫЯ ВЕЩИ, АКВАМАНИНЫ,
АМЕТИСТЫ, ХРИЗОЛИТЫ и др. камни,
Пушкинская, д. II.

ДЛЯ ПОХОДА
небывало свѣтло, долго горящіе
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбРѢТЕН. И

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при невралгіи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердца, дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

г. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪМЕННОЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылаются БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—ВЕСПЛАТНО. 20-й почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика.

Адресъ: Органотерапевт. лабораторіи Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. 10, кв. 33. Москв. обл., Москва, Каледундъ.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ РИСОВАНІЮ
по изданію „Искусство для всѣхъ“ подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ-художниковъ, которые исправляютъ присланные работы и безвозмездно даютъ разъясненія по всемъ вопросамъ рисованія, живописи и прикладное искусство.

Вышелъ изъ печати 7-й томъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Акварель, А. Г. Деппикавъ, Живописные частей человѣческаго тѣла—Г. А. Новиковъ, Живопись масляными красками—А. В. Макаевскій, Линейная перспектива—Т. И. Кутуркинъ, Очерки по теории живописи—В. Ф. Шлеперъ, ИЛЛЮСТРАЦІИ: 31 черныя рис., 8 многокрасочн. Рис., Медонитто—гранюра.

Изданіе „Искусство для всѣхъ“ являетъ полный курсъ знаній, необходимыхъ всякому человеку, любящему искусство и желающему сознательно и критически разбираться въ немъ.

Для лицъ, занимающихся рисованіемъ или живописью, но не прошедшихъ никакой серьезной школы; для господъ худ. живописи и учителей рисованія. Наконецъ, для родителей, занимающихся съ дѣтьми „Искусство для всѣхъ“ являетъ и незамѣнимъ пособіемъ.

Краткій проспектъ бесплатно. Подробный проспектъ „Искусство“ за 15 коп.

Т-во «БЛАГО», Петроградъ, Николаевская, 44—73.

ЭТИ ПРЕКРАСНЫЯ, СВѢЖІЯ, ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЯ ЛИЦА.

этого юной видъ и бархатистость кожи получается отъ употребленія Дермозона Д-ра Антона Мейеръ. Въ ближайшей аптекѣ Вы можете получить банку въ 30 граммъ полукрѣпкаго Дермозона. Втирайте его на ночь въ лицо кончиками пальцевъ и Ваше лицо сдѣлается свѣжимъ, юнымъ и бархатистымъ. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14344

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 13 (23) ФЕВРАЛЯ 1916 ГОДА.

№ 14344

НА ВОЙНѢ.

3-й Уральский казачий полкъ въ фольваркѣ, занятъ Германцами.

Исун. А. Пржевальскаго (участника войны).

Изъ А. Варнери.

(Henri Warnery).

Изъ сборн. «Poésies», стих. «Les Enfants».

Вамъ, розовые, бѣлые,
Покинувшіе рай,
Малютки, съ грезой смѣлою
И чистою, какъ май, —
Невольно воспоминается
Далекихъ зорь краса,
Съ которыми не знаютъ
Земные небеса.
За васъ, малютки пѣнные,
Мы все должны дрожать;
Вы, помня крылья прежнія,
Не можете летать.
Вы будете страданію,
Какъ мы, искать конецъ
И лучшія желанія
Замалчивать сердце.
Истоскима васъ дѣлая,
Грѣха не дасть вамъ власть,
Ни звать стремленія смѣлыя,
Ни на козѣна пасть.
И, ангелы несчастные,
Разстанетесь въ слезахъ
Вы съ памятью неясною
О дальнихъ небесахъ.

Н. Давидовъ.

Клара Карловна.

I.

Когда Екатерина Николаевна на другой день послѣ свадьбы входила утромъ въ она станетъ хозяйничать сама... И нароч-

Ген.-отъ-инф. Н. Н. ЮДЕНИЧЪ, командующій войсками Кавказской арміи. Онъ руководилъ военными дѣйствіями подъ Эрзерукомъ, закончившимися взятіемъ турецкой крѣпости послѣ пятнадцатидневнаго штурма ея.

столовую, она заранѣе радовалась при по сдѣлаетъ серьезное, дѣловитое лицо, мысли, въ какой восторгъ придетъ ея какъ будто она все отлично умѣетъ. Вотъ Сережа, увидѣвъ ее въ новой для него то онъ удивится! Въ домъ за ней со- роли хозяйки. Конечно, она ни за что не всѣмъ не водилось подобныхъ талантовъ. Въ серебряномъ кофейникѣ весело булькалъ кофе, грѣясь на спиртовкѣ, под- жаристые сухарики и пухлые булочки апетитно выглядывали изъ сахарницы, солнечные зайчики шаловливо играли на бѣлоснѣжной скатерти и слѣпили глаза, отражаясь въ блестящихъ, пузатыхъ кувшинчикахъ со сливками, но Екатерина Николаевна ничего этого не замѣчала, до того она была поражена, и поражена неприятно; на концѣ стола, около кофей- ника, сидѣла некрасивая, носатая женщи- на, худая и черная, при ея входѣ неторо- пливо поднимавшая ей навстрѣчу съ ви- домъ самой законной хозяйки.

Кто это?

Екатерина Николаевна вскинула на мужа испуганные глаза и, по незабытой еще дѣтской привычкѣ, недоумѣвающе захлопала длинными рѣсницами.

— Развѣ ты не знаешь? — удивился Сергій Михайловичъ: — въ это же Кла- ра Карловна!

— Ахъ, Клара Карловна! — любезно улыбнулась Екатерина Николаевна, хотя совѣтъ не знала, что это за Клара Кар- ловна, откуда она взялась, а главное, ей ничуть не хотѣлось улыбаться и тѣмъ болѣе быть любезной съ этой Klarой Кар- ловной.

Съ этого утра между Екатериной Нико- лаевной и Klarой Карловной началась глухая борьба изъ-за хозяйскихъ правъ, окончившаяся тѣмъ, что Екатерина Нико- лаевна сама добровольно сложила оружіе.

Конечно, когда выходишь замужъ во- семнадцати лѣтъ, вполнѣ естественно, что хочется поиграть въ хозяйство, по тѣмъ дальше, тѣмъ больше приходится убъ-

ОБЩИЙ ВИДЪ ЭРЗЕРУМА.

Эрзерумъ, какъ видно на рисункѣ, съ сѣвера-востока и востока защищенъ трудно-доступными вершинами. На этихъ вершинахъ и были расположены главнѣйшіе эрзерумскіе форты, преградившіе путь къ крепости со стороны Олыты и Карса и явившіеся тяжелой преградой для наступленія нашей кавказской арміи. Форты были взяты штурмомъ, продолжавшимся пять дней. По срединѣ рисунка видна башня съ турецкимъ флагомъ; это — цитадель Эрзерума. Направо — армянскій со оръ, а рядомъ съ нимъ кладбище, на которомъ находился теперь разрушенный Турками памятникъ-часовня, сооруженный надъ братской могилой русскихъ воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 гг. подъ Эрзерумомъ.

Памятникъ-часовня надъ братской могилой нашихъ воиновъ, павшихъ подъ Эрзерумомъ въ русско-турецкую войну 1877—78 гг.

Памятникъ сооруженъ на эрзерумскомъ армянскомъ кладбищѣ. По свидѣніямъ, полученнымъ отъ плѣнныхъ, осенью прошлаго года Турки разобрали памятникъ и изъ его материала построили фонтанъ на одной изъ площадей Эрзерума.

ся къ этому дню въ Каиръ и сопровождаютъ процессію въ ея шествіи по городу.

Ковры возложены на длинные ящики, и несутъ ихъ самые именитые граждане города; паломники падаютъ на колѣна при видѣ процессіи, пытаются приблизиться къ священнымъ коврамъ и подѣлывать край ихъ, что, по вѣрованію туземцевъ, исцѣляетъ на цѣлый годъ отъ головныхъ болей и лихорадокъ.

Съ закатомъ солнца ковры приносятъ въ мечеть, тщательно упаковываютъ и грузятъ ящики на верблюдовъ, а на разсвѣтъ слѣдующаго дня священныя караваны отправляются въ далекій путь къ гробницамъ пророка.

Долгія сѣдѣнія длится путешествіе каравана, растягивающагося живою линіей амбей по пескамъ пустыни. Впереди везутъ ковры въ сопровожденіи мулль-де-легатовъ, за ними, въ гробахъ, тѣла именитыхъ гражданъ, пожалавшихъ быть похороненными въ священной землѣ Мекки. Тѣла эти перосыпаны шафраномъ, предохраняющимъ отъ разложенья. А далѣе толпы паломниковъ.

Въ день прибытія въ Мекку муллы снимаютъ съ гробницы Магомета прошлогоніе ковры и возлагаютъ новые, а прежніе продаются съ аукціона по огромнымъ цѣнамъ правовѣрнымъ, паперерывъ стремящимся захватить въ свои руки эти священныя реликвіи.

стпу такъ скудна именно объективно-пачинными трудами по исторіи и оцѣнкѣ хотя бы и классическихъ эпохъ (мы, какъ настоящій «женственный» народъ, все больше увлекаемся «лирикой»), что приходится «принять» (какъ нынче любятъ выражаться) и книжку г. Леви. «Что зпѣлности при нашей бѣдности»... Но сама по себѣ эта «пріемлемая» книжка все-таки довольно безцвѣтна и главное — коллективно-суха. Изъ нея не выносится сколько-нибудь живого, «осищаемого» впечатлѣнія отъ жизни, прожитой греческимъ ваяніемъ. А уже, кажется, это было «жизненное» ис-

Литературныя замѣтки.

Книги по искусству *

Двѣ книги съ одинаковымъ обозначеніемъ стоимости, но весьма неравноцѣпныя внутренно.

Конечно, русская литература по искус-

* Э. Леви. «Греческая скульптура». Изд-во «Огни». Петроградъ. 1915. Стр. X+119+XIV. Съ 168 таблицами рисунковъ. Ц. 3 р. 50 коп.

Гастонъ Масперо. «Египетъ». Съ 565 рисунками и четырьмя въ краскахъ. Издательство «Проблемы эстетики». М. Стр. 401+II. Ц. 3 р. 50 к.

Подполковн. М. Свѣчкиновъ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.
и Георгіевскимъ оружіемъ.

Полковн. Н. В. Склярѳвъ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.
и Георгіевскимъ оружіемъ.

кусство — крѣпко перешлетенное со всѣмъ духовнымъ и тѣлеснымъ бытіемъ геніальнѣйшаго изъ народовъ. Греки... Изъ нихъ послѣ сдѣлали «варвары» сѣвера какіе-то мертвые «классическіе» образцы академическаго совершенства. Но въ действительности, если существовалъ когда-либо народъ импровизаторовъ и «дилегантовъ» народъ безконечно чуждый всякой академичности, то это были, конечно, древніе Греки, которымъ все отъ абстрактнѣйшихъ идей до конкретнѣйшихъ формъ приходилось «выдумывать» заново самимъ, передъ которыми не стояло сколько-нибудь дѣлительно и авторитетно никакихъ чужихъ образцовъ. Самы классики учились

НА ВОЙНѢ.

Постройка окоповъ.

У окопани.

НА ВОЙНѢ.

На Гижскомъ направлении не проходитъ почти ночи, чтобы наши молодцы-разведчики не подирадывались къ неприятельскимъ заграждениямъ и не снимали ихъ сторожево охраняемые, подымая тоску на всю ночь въ германскихъ окопахъ.

Рисун. А. Пригласовскаго участника войны.

не по классикамъ. Вотъ причины, почему турномъ классъ Академій Художествъ, а подовъ ту справку Платона, цѣль фило-
 всякое «классическое» къ нимъ отношеніе не въ античныхъ акрополяхъ и агора — софѣ трагуетъ о красотѣ и цѣнности тѣ-
 всегда будетъ нѣсколько искажающимъ въ животворной сутолокъ еще не устояв-
 предметъ. шагося быта и свѣтлоримой исторія ческое ваяніе было прежде всего примѣр-
 ной иллюстраціей палестры и всенарод- ный, какія-то только что вышедшія изъ
 ныхъ национальныхъ игръ. Этого «зданя- все точно очерчивающія линіи; низко-
 го фона» мы не находимъ въ книгѣ Леви, сръзанный, почти отсутствующій лобъ;
 тѣ же какъ не находимъ еще болѣе плу- африканскіе волосы; толстыя
 бокой основы—въ переводанномъ фунда- африканскія губы, прямой и тупой носъ,
 ментъ миовъ и религиозныхъ представле- узкій разрѣзъ глазъ, выраженіе «природ-
 ній. Въ конечномъ итогѣ это—слишкомъ наго существа», полного элементарнаго
 «профессорская», слишкомъ «нѣмецкаго переживания жизни... Что къ этому еще
 склада» книга. можно прибавить? Что можетъ лучше ска-

Исторія греческой скульптуры выходитъ (въ этомъ смыслѣ очень характерно для ной иллюстраціей палестры и всенарод-
 у г. Леви исторіей техническихъ приѣмовъ книги чисто схематическое описаніе ше- рукъ природы чуты; примаы, немногія,
 и усилій, хотя связанныхъ съ воплоще- девровъ древности—напримѣръ, фидіасов- ныхъ национальныхъ игръ. Этого «зданя- все точно очерчивающія линіи; низко-
 ніемъ идей, но лишь какъ-то вышше, какъ скихъ Зевса Олимпійскаго или Аонны тѣ же какъ не находимъ еще болѣе плу- африканскіе волосы; толстыя
 съ даннымъ извнѣ «сюжетомъ», а не вну- Парвеносъ). Можно думать, что авторъ африканскія губы, прямой и тупой носъ,
 треске показавшимъ къ творчеству стиму- никогда не читалъ мѣткаго совѣта Тэна: узкій разрѣзъ глазъ, выраженіе «природ-
 ломъ. Почно дѣйствіе происходитъ въ на- держать при обзорѣ греческихъ статуъ въ ній. Въ конечномъ итогѣ это—слишкомъ наго существа», полного элементарнаго
 «профессорская», слишкомъ «нѣмецкаго переживания жизни... Что къ этому еще
 склада» книга. можно прибавить? Что можетъ лучше ска-

УЧЕНИКЪ ГОСГОДСНОІ ШКОЛЫ РЕЙМСА.

Древнія свѣтлыи Реймса Нѣмцы разрушаютъ снарядами, а съ мирнымъ населеніемъ они борятся посредствомъ удушливыхъ газовъ. Даже дѣти, отправляющіяся въ школу, должны одѣвать особыя маски, защищающія ихъ отъ удушающихъ газовъ.

Что до рисунковъ, то, несмотря на ихъ зать о бессознательно-глубокой, полной
 обиліе, они слишкомъ мелки и незначи- мощныхъ инстинктовъ души первобытна-
 тельны во впечатлѣніи, чтобы имѣть дру- го, почти до-историческаго народа, кото-
 рый гдѣ-то тамъ, въ дали вѣковъ, одинъ го значеніе, кромѣ пояснительнаго къ
 тексту. Поэтому высокая цѣна книги со- изъ первыхъ началъ ткать всемірную
 вѣзмъ не оправдана. ткань культуры? Положительно самъ

Совершенно другое впечатлѣніе, и по Масперо даже, со всей потрясающей сво-
 вѣтшимъ, и по внутреннимъ кач ствамъ, ей эрудиціей, многое въ силахъ доба-
 производитъ книга Масперо. Это дѣйстви- вить къ этому мгновенному пластическо-
 тельно изящный, компактный томъ, му впечатлѣнію.

Хотя онъ сообщаетъ, конечно, очень который пріятно взять въ руки. Рисунки, хотя тоже небольшіе, исполнены очень
 многого. Книга даетъ подробный, можно сказать, исчерпывающій, обзоръ всего хода

Нат. Корн. ТХОРЖЕВСКАЯ, старшая сестра милосердія передоваго хирургическаго отряда № 1. Награждена двумя Георгіевскими меда- лями за работу подъ огнемъ.

египетского искусства, начиная от древнейших остатков тинисской эпохи, соприкасающейся почти с каменным периодом, и кончая теми высокими образцами египетского и саусского искусства, которые произвели такое неизгладимое впечатление на Греков. Правда, в основе своего таланта Масперо остается историком и археологом, почему книга его носит гораздо больше исторический, нежели эстетический характер. Но отличие французского типа учености от типа немецкого заключается, между прочим, в том, что во французской «ардуини» каким-то чудом всегда остается осколок непосредственного впечатления, полновесный кусочек живой жизни, — почему даже совершенно специальное изложение французского автора никогда не может принять того схематически-бескровного вида, как изложение немецкое. И Масперо переживает по-своему, хотя бы под своим аспектом историка, всю красоту и значительность египетского искусства. «заражая» ими и своего читателя.

И. Перцов.

Семейный архив.

Значение «архивов», — оставшихся ли после отдельных лиц или сохранившихся в каком-нибудь «роду», как наследие целого ряда поколений, — находится, разумеется, в зависимости, главным образом, от того, насколько в сохранившихся документах и переписях отразилась известная эпоха и ее люди в их общественной или семейной жизни. Семья Раевских, несомненно, должна быть отнесена к числу тех «исторических» семей, частная жизнь которых представлять интерес, перлком весьма крупный, для исследователей нашего прошлого быта, а потому издание «Архива Раевских» нельзя не признать ценным материалом. Издатель, как наши историки, так и романисты могут почерпнуть много интересного и поучительного. Издание доведено в настоящее время до V тома*, в котором помещены данные семейной хроники, относящиеся к периоду времени с 1858 г. по 1876 г. включительно. Наибольший интерес представляют материалы, относящиеся к студенческим годам братьев М. Н. и Н. Н. Раевских (1858—1862 гг.) и к участию Н. Н. Раевского в Сербо-Турецкой войне, в которой он положил свою жизнь за освобождение Сербов из-под турецкого владычества. Романтическая, исполненная ясной жизни Н. Н. Раевского, — как замечает в предисловии к V тому «Архива» редактор издания Б. Л. Модзалевский, — выступает в документах семейного архива вообще ярче, чем фигура его младшего, более уравновешенного и спокойного брата Михаила. Последний, «идеалист, мечтатель, поэт и музыкант», — остается как-то в тени рядом с постоянно мятущимся, постоянно стремившимся в неизведанные дали, ищущим, волнуемым и волнуемым окружающими Николаем Раевским.

На основании документов «архива», со всею подробностью обрисовывается то участие, которое Н. Раевский принимал в студенческих волнениях 1861 года. Роль, которую ему пришлось сыграть здесь, находилась в зависимости, главным образом, от того, что, по своим связям, он имел доступ к высшим лицам московской администрации (в том числе к бывшему в то время московским генерал-губернатором П. А. Тучкову). «Я до сих пор считаю своею обязанностью, — пишет он ма-

* Архив Раевских. Том V. Издание П. М. Раевского. Редакция и примечания Б. Л. Модзалевского. Петроград. 1916 г. Стр. XXV—776. Цена не обозначена.

тери, — сделать все, что от меня зависит, когда дело идет о спасении университета и моих товарищей, а отстаивать, чтобы не компрометировать свою личность, было бы с моей стороны *un acte de lâcheté*, — особенно в настоящую историю». Хотя мать его и находила, что он, взяв на себя роль посредника между студентами Московского университета и генерал-губернатором, выказал «слишком много самостоятельности и неопытности», и что, может быть, без его «весьма благонамеренного и неуместного вмешательства» все обошлось бы гораздо более благополучно, однако, его тетя С. Н. Раевская, бывшая гораздо больше в курсе событий, в письме к его матери, засвидетельствовала, что все его поведение в этой истории «a été parfaitement loyal et honorable». Чрезвычайно любопытна, в помещенном в издании письме П. Тучкова к бывшему в то время министром народного просвещения гр. Е. В. Путятину, характеристика «двумерной роли», которую играли в студенческих волнениях некоторые из профессоров. «С одной стороны, — пишет генерал-губернатор, — как мне это положительно известно, они показывали студентам сочувствие, и в разговорах с ними разделяли их убеждения, а с другой старались ввести в университет полицейскую команду без всякого заявления необходимости этой меры местному начальству, — для того только, чтобы поселить в студентах убеждение, что строгия меры истекают не от них, а от местных властей». Позитивная фигура Януса, которую и поныне любят занимать в иных случаях некоторые из руководителей нашего молодого поколения, имеет, таким образом, весьма прочный и ясный к отдаленным временам традиция.

Мотивы, побуждившие Н. Раевского принять самое деятельное участие в борьбе за освобождение Славян, подробно изложены в его письме к матери, написан-

Один из знаменитых представителей итальянского bel canto, тенор Франческо МАФРОНИ. Певец, пользовавшийся всеобщим известностью, часто выступал в спантлах итальянской оперы в Петроград и в Риме.

ном перед самым отъездом в Сербию. Со своею обычною искренностью он пишет: «Погубив всю мою молодость в борьбе с денежными затруднениями, и хочу воспользоваться остатком энергии, чтобы сделать попытку осуществить мечты, которые меня с детства одушевляли». Читатель найдет в книге много любопытных черт, характеризующих деятелей этой войны, явившейся лишь прологом к нашей войне с Турцией за освобождение славянства. История последних дней Н. Раевского рассказана в записке служившего под его начальством поручика Топоркова, а в числе приложений к изданию иллюстраций, кроме портретов Н. Раевского, есть изображение храма в Горном Андриане, сооруженного на месте его смерти.

В «Архиве Раевских» имеется еще много материалов кроме тех, о которых мы упомянули, для характеристики 60-х и первой половины 70-х годов, и всякий, кому придется изучать эти эпохи, найдет здесь ценные для себя указания. Редактировано издание с большою тщательностью; можно сделать замечание разве только по поводу чтения одного документа, написанного, как значится в примечании, «до такой степени неразборчивым почерком, что лишь слова положительно не поддаются разбору». В этой записке, касающейся университетских дел, мы находим, между прочим, такую фразу, рисующую отношение некоторой части студенчества к начальству: «Зачем им и бороться против него, когда оно и не в войну, а в мир брало яблоки...». Последнее слово помещено в сопровождении вопросительного знака, как показателя сомнительности редактора в правильности его чтения. Смысл думать, что, как бы неразборчива ни была рукопись, в данном случае следует читать, придерживаясь Грибоедова, не «яблока», а «лбом».

И. И. В.

Народ трагической судьбы.

Недавно вышедшая книга Н. М. Лагова «Армения»* дает в кратком изложении ряд самых необходимых сведений об этой древней стране, об ее многострадальном народе. Всеми отмечается за последнее время повышенный интерес читателя к книгам образовательного характера, к фактам и к данным в противовес вымыслу, во изданиях научно-этнографических, посвященных племенам, вошедшим в состав огромной России, получают еще и большое практическое значение, бросая правильный свет на столь всегда острые национальные вопросы.

Весьма возможно, что только из книги г. Лагова впервые узнают многие русские читатели, что земледелие — это главное занятие Армян, что большинство их живет тяжелой трудовой жизнью на своей исторической территории. Факт этот совершенно не соответствует тому ходячему представлению об армянах, которое глубоко вкоренилось в русском обществе, благодаря знакомству с народом исключительно по отдельным его представителям, по бойко ведущим свою торговлю купцам, разбланным чуть-ли не во всех деловых центрах России.

Трагична была историческая судьба этого небольшого, но стойкого и жизнеспособного племени. Рим и Византия спорили с Арменией с Персами и с парянами. Приняв христианство еще в III-м веке, Армяне с героической стойкостью протестили неприкосновенность своей веры, несмотря на победы Арабов и на зверства Турок-сельджуков, окончательно сложивших в XI-м веке государственную независимость Армении.

С тех пор начинается века рабства, не убившие национального духа, но выработавшие в Армянах некоторые отрицательные черты подневольного народа — ласкетство и мстительность. Байрон сказал: «хорошие качества у Армян — природныя, а дурныя — привившися»...

Эта трагическая судьба продолжается до наших дней. Победоносная война России с Турцией и с Персией еще не объединили Армению под властью культурного христианского государства, и по прежнему от вековой твердыни Арарата расходятся три границы, три кровавых рубца по живому телу народа. Только весной 1914 года нашей дипломатии, при поддержке других держав, удалось категорически настоять перед Портой на неотложной необходимости реформ, которые бы сдвинули жизнь турецких Армян терпимой, но в июле началась великая европейская война, подвергнув их снова, как естественных сторонников России, жестокостям и карамь турецкого правительства. И опять, как и встарь, война ведется в Азии на путях вокруг Эрзерума, в самом центре исторической территории многострадального народа.

Книга г. Лагова составлена очень беспристрастно, и именно этим своим беспристрастием, чисто фактическим изложением — она несомненно разбьет недоверие к Армянам, недоверие, когда-то порожденное «армянским вопросом», столь затемненным былыми политическими группировками европейских держав.

К недостаткам книги следует отнести излишнюю краткость некоторых отделов, напр., отдела национальной армянской культуры.

В. О.

* Н. М. Лаговъ. Армения. Петроградъ. Издание Н. П. Карбасникова. VIII+134 стр., с 28 рисунками, планами и картой. Цена 1 рубль.

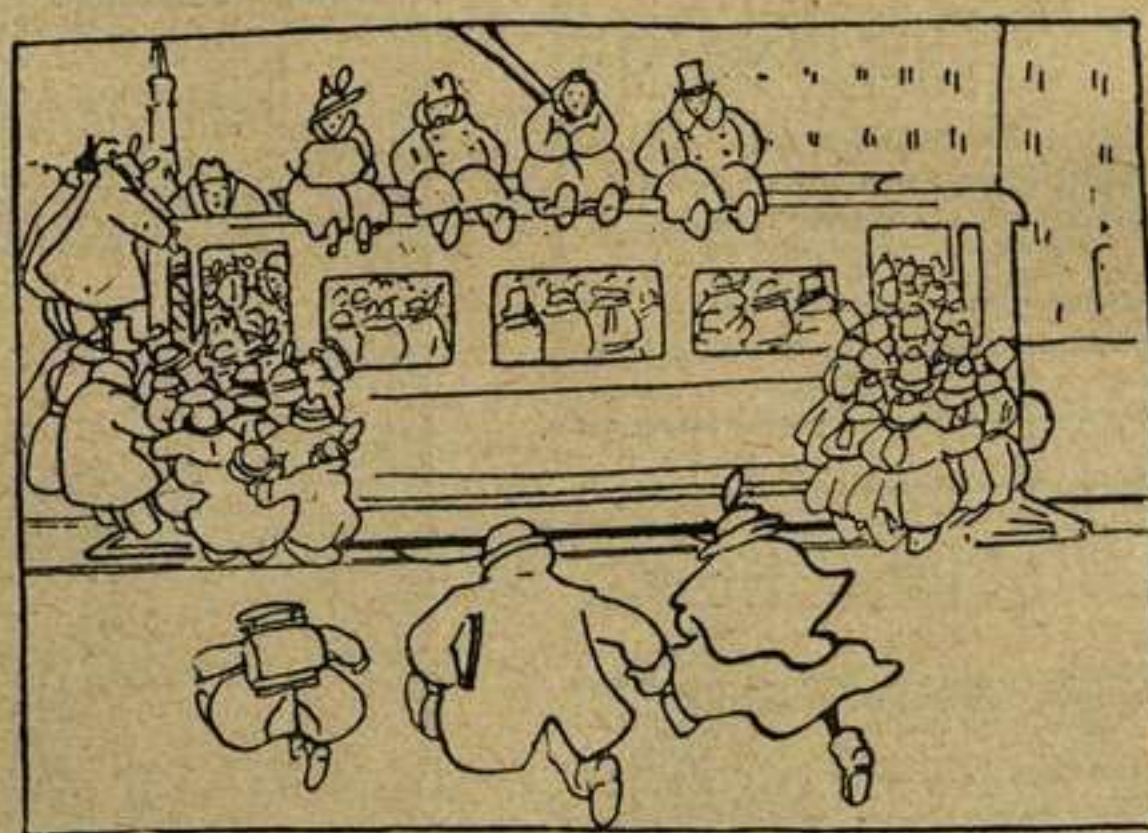
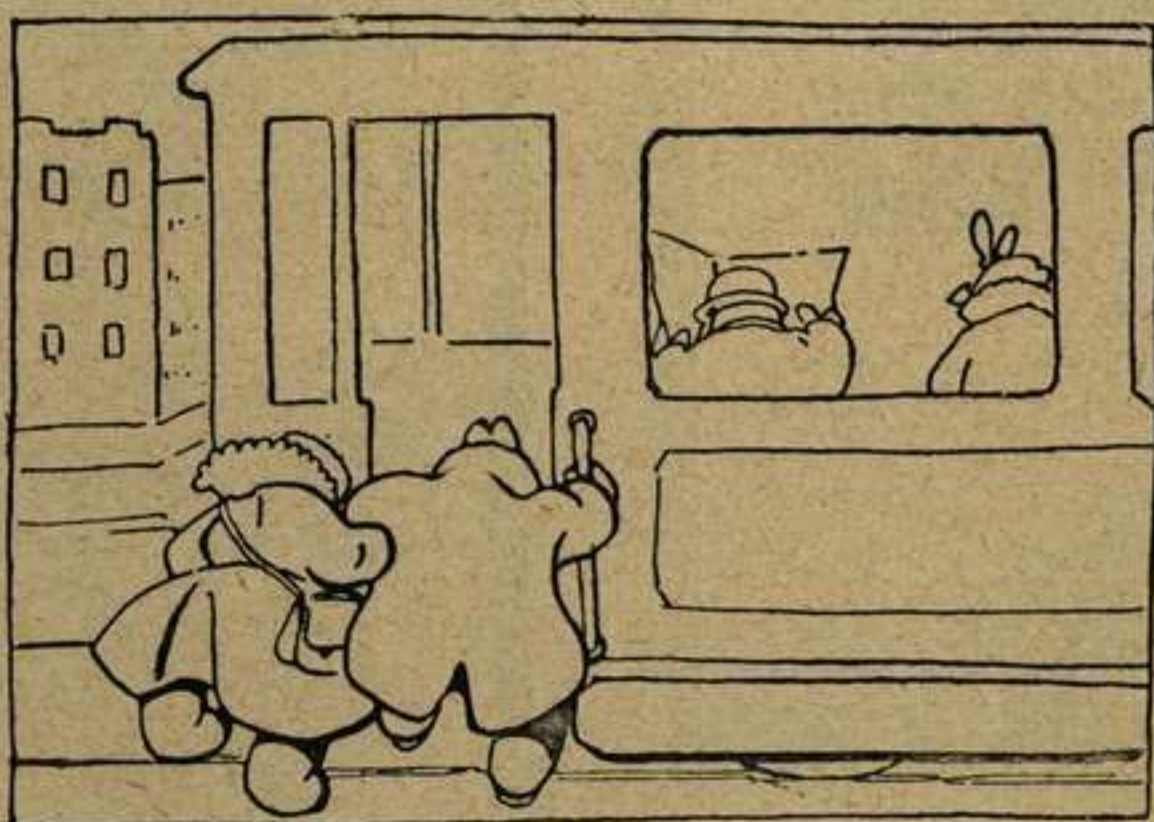
Редактор М. А. Суворинъ.

Издание Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

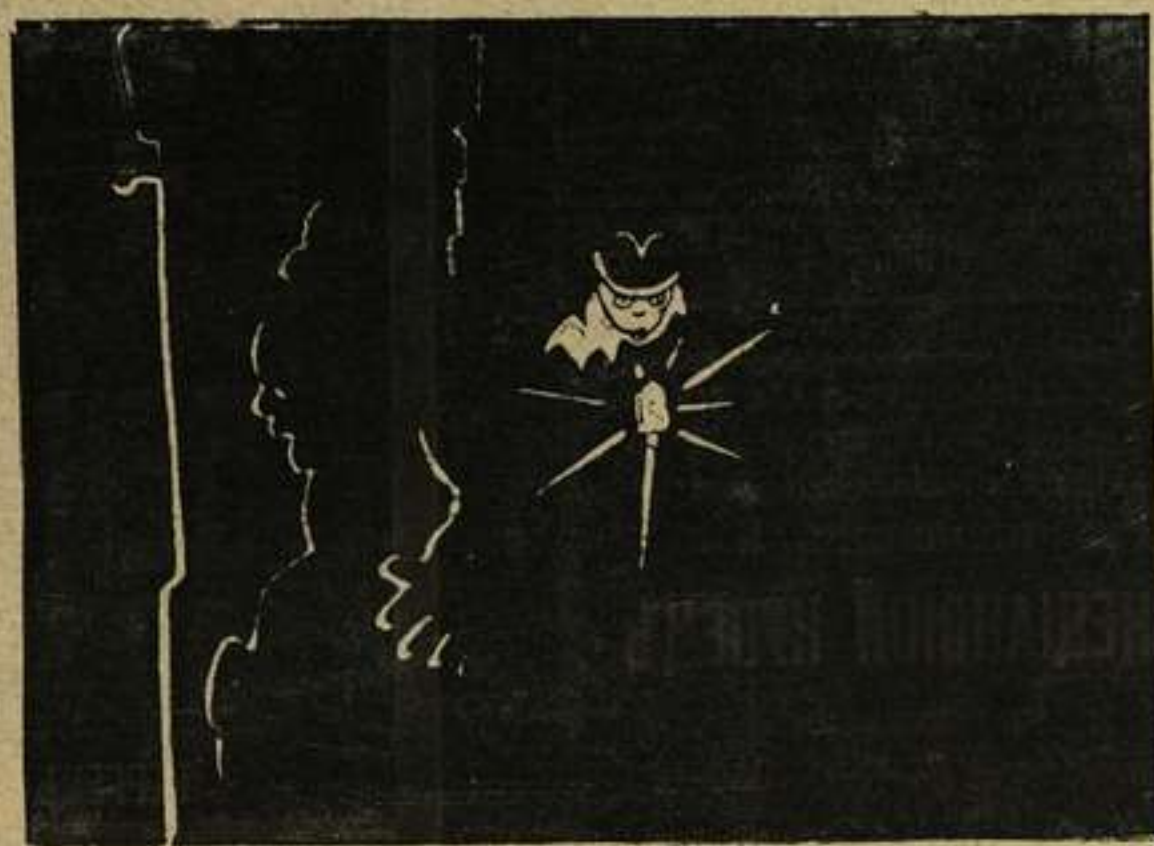
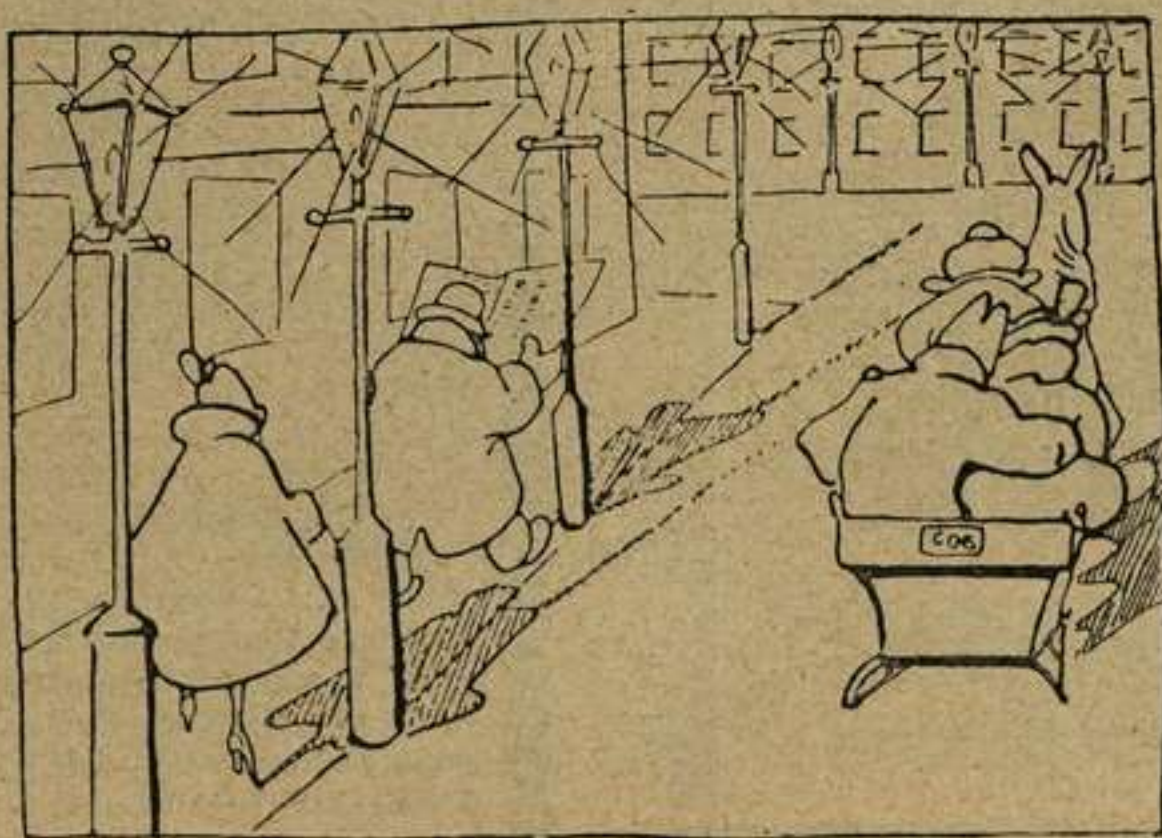
Въ программѣ:

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Въ исполненіи:

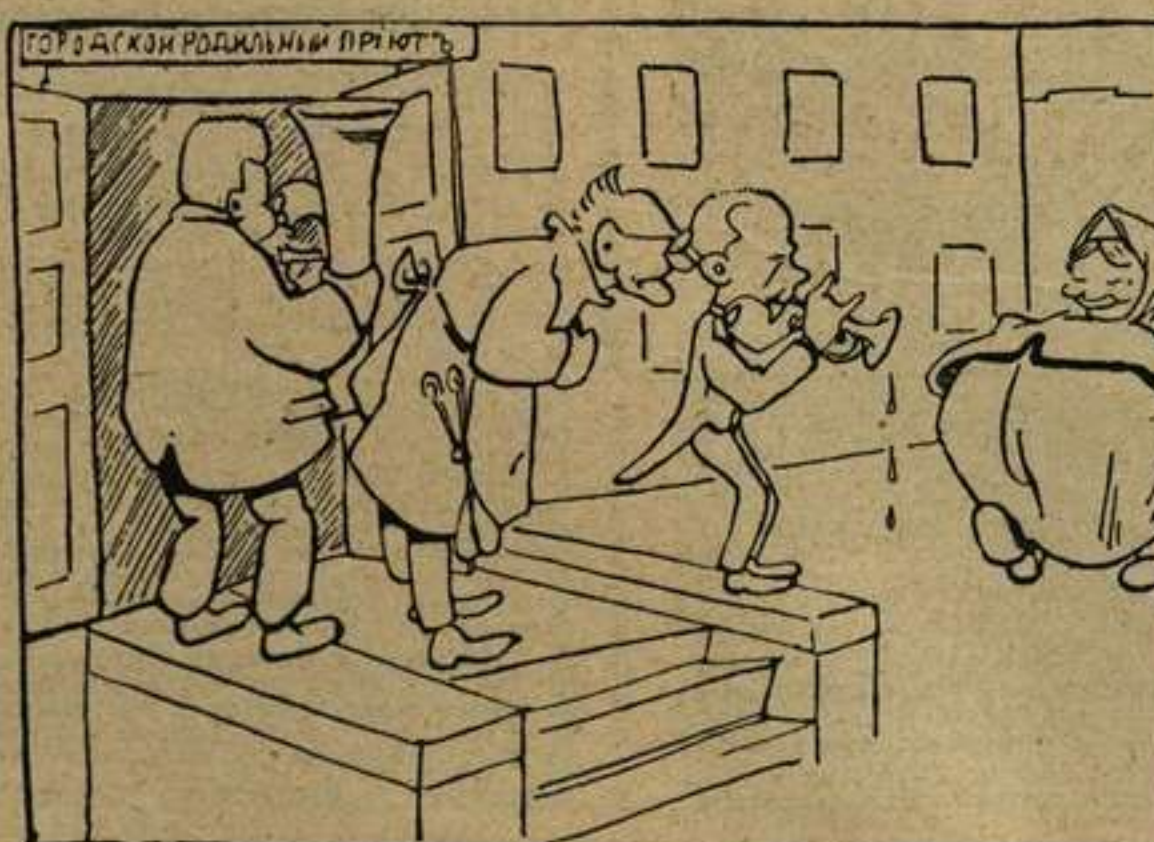
Передвиженіе.

Освѣщеніе.

Предметы первой необходимости.

Медицинская помощь населенію.

бы.
 М. Лаго-
 комъ изло-
 зыхъ свѣдѣ-
 ѣ, объ ел-
 ѣми отмѣ-
 овышенный
 образна-
 тамъ и къ
 мыслу, по
 я, посвя-
 имъ въ со-
 аютъ еще
 шіе, броса-
 егда острѣ
 о изъ кни-
 гѣ много
 едліе—это
 льшинство
 ой жизнью
 ри. Фактъ
 гуетъ тому
 армяпахъ,
 ѣ русскомъ
 у съ наро-
 нымъ его
 ведущимъ
 зсѣяннымъ
 центрахъ.
 ая судьба
 о и жизни-
 зантія спо-
 сь паря-
 е въ III-мъ
 стойкостью
 воей вѣры,
 и на звѣр-
 охвачательно
 сударствен-
 ка рабства,
 но вырабо-
 тана отрица-
 тарада—лу-
 гь сказалъ:
 природныя,
 ажаются до
 ны Россія съ
 единили Ар-
 о христіан-
 му отъ вѣ-
 одатся три
 не живому
 4 года на-
 въ другихъ
 гегорически
 сложной не-
 бы сдѣлали
 мой, но въ
 ская война,
 ственныхъ
 ямъ и ка-
 И опять,
 въ Азіи на
 въ самомъ
 и много-

очень бес-
 своимъ без-
 нымъ изло-
 зетъ недо-
 ода-то по-
 гь», столь
 тическими
 жавъ.
 ветъ отне-
 зоторыхъ
 альной ар-

в. о.

етроградъ.
 VII+134
 ми и кар-

нъ.
 ворина—

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни
 А. Ю. ПИЛСУДСКІЙ.
 НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинской).
 Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
 Приемъ и быстрое выполнение заказов на всевозможныя ювелирныя изделия.
 Художественная работа. Цѣны вѣтъ конкуренціи.
 Телефонъ 168-95.

Уральская яшма,
 Вологодскія кружева, ювелирныя вещи, аквамарины, аметисты, хризолиты и др. камни,
 Пушкинская, д. II.

Поступило въ книжки магазиновъ «Новаго Времени» (Петроградъ, Невскій, 40)
 5-е издание **ГИГИЕНА БРАКА**.
 Женщ.-врача Волковой. Ц. 50 к.
 Содержаніе: Нуженъ ли бракъ. Воспитаніе дѣтей. Воспитаніе дѣвушекъ. Выборъ мужа. Воспитаніе юношей. Проституція. Выборъ жены. Женское право. Вступленіе въ бракъ. Гигіена брачной жизни. Искусственное безплодіе. Разводъ. Переходный возрастъ. Бездѣтные браки и т. д.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время»
 ПРОДАЕТСЯ ГОСКОМНОЕ ИЗДАНИЕ
ШЕКСПИРЪ
ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ
 СЪ РИСУНКАМИ
 ДЖЕМСА Д. ЛИНТОПА
 Цѣна 10 руб.

Наиболѣе безопасный, скорый и комфортабельный путь между РОССІЕЙ и АМЕРИКОЙ.
НОРВЕЖСКО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛИНІЯ.
 РОССІЯ-НОРВЕГІЯ-АМЕРИКА.

БЮРО ПУТЕШЕСТВІЙ
БЕННЕТТЪ ПЕТРОГРАДЪ НЕВСКІЙ-12.
 ТЕЛ. 142-62
 Комфортабельные быстроходные пароходы:
 «БЕРГЕНСФЮРДЪ» отходитъ изъ Бергена 2/15 марта, изъ Нью-Йорка 19/1 марта.
 «ХРИСТИАНІАФЮРДЪ» отходитъ изъ Бергена 28,5 марта, изъ Нью-Йорка 9/21 апреля.
 Билеты на весь маршрутъ. Тѣлоб. подробности свѣдѣній.
БЕРГЕНЬ—НЬЮ-ІОРКЪ 8 1/2 СУТОКЪ.

Поступила въ продажу новая книга:
ЦАРЬГРАДЪ
 и **ОКРЕСТНОСТИ.**
 Историко-художественное описаніе А. Барта.
 248 стр. съ 58 рисунками и чертежами, въ художественной обложкѣ.
 Перевелъ Н. М. Лаговъ.
 Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ.
 Петроградъ.
 Изданіе Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». 1915.
 Цѣна 1 руб. 50 коп.
 Въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Петроградъ, Москва, Харьковъ, Саратовъ и др.) и въ книжныхъ шкапахъ желѣзнодорож. станцій.
 СОДЕРЖАНІЕ: I. Палорама Царьграда.—II. Царьградъ въ близости.—III. Изъ прошлаго.—VI. Сооруженіе Св. Софіи.—V. Св. Софія въ наши дни.—VI. Другіе храмы.—VII. Развалины дворцовъ и водопроводы.—VIII. Городскія стѣны и монументы.—IX. Въ древнемъ Царьградѣ.—X. Мечети турецкой постройки.—XI. Серай.—XII. Новые дворцы, базары, фонтаны и пр.—XIII. Кладбища.—XIV. Окрестности.

ВЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНИИ
НУЖДАЕТСЯ КАЖДЫЙ
 владѣлецъ торговаго предпріятія, торговая дѣятельность превратилась въ сложную науку, требующую отъ своихъ представителей серьезныхъ знаній.
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, желающій поступить на службу въ какую либо контору, банкъ, крупный магазинъ и т. п., долженъ пройти курсъ коммерческихъ наукъ. Лица, находящіяся на должностяхъ, могутъ значительно улучшить свое матеріальное положеніе, если посвятятъ свой досугъ на изученіе коммерческихъ наукъ. Ознакомьтесь съ нашимъ методомъ **заочнаго обученія бухгалтеріи, коммерц. арифметики, коммерц. корреспонденціи, техники веденія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій** и многого иного, необходимаго каждому коммерсанту, при помощи изданія нашего **«АКАДЕМ. КОММЕРЧ. ЗНАН.»**.
 Краткій проспектъ бесплатно. Подробный за 15 к.
 Т-во «БЛАГО», Петроградъ, Николаевская, 44—73.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ
 Если Вы желаете восстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незаметно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства
СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.
 Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.
 Лабораторія КАЛЬТОКО, Москва. Отд. 109А.

Вышло въ свѣтъ 4-ое изданіе книги женщины врача М. М. ВОЛКОВОЙ
„КАКЪ ИЗБАВИТЬСЯ
ОТЪ ПОЛНОТЫ И ОЖИРѢНІЯ“
 по способу, испытанному авторомъ на себѣ и на своихъ больныхъ.
 Цѣна 80 коп.
 Складъ изданія въ книжк. магазинѣ «Новаго Времени».

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
 поступила въ продажу новая книга:
„БЕЛЬГІЙСКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ“,
 переводъ Галибина.
 Обложка въ краскахъ и иллюстраціи раб. С. ПЛОШИНСКАГО.
 Цѣна 2 рубля.

ДЛЯ ПОХОДА
 небывало свѣтло, долго горящіе
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
 Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
 СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ.

ЕСЛИ ВЫ ПРОСТУДИЛИСЬ,
 примите на ночь двѣ таблетки Кефалдолъ Дра Сторъ съ стаканомъ горячаго чая и утромъ натошакъ еще двѣ таблетки. Послѣ приѣма Вы почувствуете облегченіе. Кефалдолъ Сторъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рец. вр. Опт. продажъ изъ всѣхъ аптекарскихъ складовъ.
 Кефалдолъ особенно рекомендуется, какъ быстро дѣйствующее и безвредное жаропонижающее и противоневралгическое средство при головныхъ боляхъ, мигрени, невралгіи, ишиасѣ, простудныхъ и ревматическихъ боляхъ. Остерегайтесь поддѣлокъ и негодныхъ подражаній

НОВАЯ КНИГА
САДЫ-ГОРОДА
 и жилищный вопросъ въ Англии.
 П. Г. МЯЖУЕВА.
 Красное изданіе. Болѣе 150 рисунковъ (8 цвѣтныхъ), планы и чертежи. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 5 р. 50 к. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія—книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время», Невскій пр., 40.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время»
 поступилъ въ продажу
РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ
 А. С. СУВОРИНА
 (45-й годъ).
 Всѣ отдѣлы, касающіеся разнообразныхъ сторонъ политической, финансовой и экономической жизни Россіи, исправлены и дополнены по новѣйшимъ даннымъ, многіе совершенно переработаны. Портреты на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ, диаграммы, число тѣхъ и другихъ значительно увеличено.
 Цѣна: въ бумажкѣ 1 р., съ переплетомъ—1 р. 40 к., въ папкѣ 1 р. 25 к., съ переплетомъ—1 р. 75 к., въ переплетѣ—1 р. 60 к., съ переплетомъ—2 р. 10 к., за наложенный платежъ прибавляется 10 коп.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14351

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 20 ФЕВРАЛЯ (4 МАРТА) 1916 ГОДА.

№ 14351

НА ВОЙНѢ.

Молодецкое дѣло капитана Котельникова съ 4-й ротой кавказскихъ стрѣльцовъ подъ 3-ми. Стойко выдержали сосредоточенный огонь противника мавказцы, а затѣмъ, отбивая огнемъ одну фронтальную атаку за другой, и, наконецъ, обойденная многочисленнымъ врагомъ во фланги и тылъ, рота, перебросивъ брусветеръ части окоповъ, отбивалась на два фронта и фланга. Напрасно Нѣмцы подходили на блиндированныхъ автомобиляхъ, поражая удаленъ пулеметнымъ огнемъ и градомъ снарядовъ изъ скорострѣльнаго орудія. Ободряемые своимъ командиромъ, который словно заговоренный, не прикрываясь брусветеромъ, стоялъ въ свинцовомъ пухрѣ, зорко слѣдя за дѣйствіями коварнаго врага, стрѣлки не только отбились, удержали свою позицію, но нанесли громадные потери Германцамъ, что было отчасти причиною послѣдовавшаго въ скоромъ времени послѣднаго отхода Нѣмцевъ на свои вторыя оборонительныя позиціи.

Исунъ А. Пржецлавскаго (участника войны).

Я помню полдень расколосный
И тѣнь бесѣдки изъ кустовъ,
И теплый вѣтеръ, напоенный
Дыханьемъ липовымъ цвѣтовъ,
Твое нежданное явленье,
Въ сіяньи солнечныхъ лучей
И, какъ волшебной птицы пѣнье,
Задоръ волнующихъ рѣчей.
Повторной встрѣчи сердце ждало,
Какъ жизнь рѣшающаго дня,
И вотъ опять, въ разгарѣ бала,
Съ тобою случай свезъ меня.
Въ тебѣ все то же: оживленье,
Кудрей червоный ореолъ,
А я—бывалаго смятенья
Искалъ въ душѣ... и не нашелъ!

Гсима.

ЖѢНЬ.

Разсказъ.

Въ кабинетѣ нахло бѣлыми цвѣтами, увядающими въ бронзовой жардиньеркѣ. Темные переплеты книгъ, мраморные бюсты писателей глядѣли веселѣй въ этотъ мартовскій день. Изъ открытой форточкы вѣяло, раздувая тяжелую занавѣску, раздражающимъ вѣтромъ, говорившимъ о веснѣ... Стоя передъ большимъ зеркаломъ, Евгений Михайловичъ Курчевскій внимательно оглядывалъ себя. На сильномъ тѣлѣ большая голова, съ мелкими чертами, длинными волосами по

Генераль-адъютантъ, ген.-отъ-инф. Алексѣй Николаевичъ НУРОПАТКИНЪ. Назначенъ главнокомандующимъ арміями Сѣвернаго фронта.

плечамъ, расчесанными на двѣ стороны чуть сдѣбными баками (poivre et sel), имѣла въ себѣ что-то фальшиво-значительное, правящееся ему.

— Художникъ, литераторъ; вообще, что-нибудь не обывательское...

Закрывъ форточку, Курчевскій сѣлъ къ столу и пробѣжалъ газету.

— Въ театрѣ Масовскаго — премьера; комедія молодого автора.

— Пошлость кака-нибудь, судя по названію—«Заглохшая Нива»...

А вотъ ставить... Умѣютъ же люди пристраиваться, только ему не везетъ за литературной нивѣ.

И, вспомнивъ то количество романовъ съ тонкимъ, по его мнѣнію, анализомъ чувствъ, драмъ и комедій, упокоившихся лаврѣхъ въ книжныхъ складахъ, Евгений Михайловичъ пожегся отъ внутренней боли...

Зависть...

Онъ знаетъ это чувство, какъ никто... Кому только не завидовалъ? Французамъ, итальянцамъ, шведамъ...

Особенно Мопасана не выносилъ, въ то же время зачитывался послѣднимъ жадно, словно желая впитать его въ себя, проникнуться гениемъ автора...

Напрасно...

Но заѣвшими врагами его были все-таки русскіе писатели, особенно молодые, выбирающіеся на дорогу.

Стучилось такъ, что эта мука самолюбія какъ будто отошла на задній планъ.

Курчевскій влюбился. Но скоро прежнія страданья возобновились съ удвоенной силой.

Нина Михайловна Чеголовская была пи- Голь, видно, как церковная крыса,—по- стельница, и не без дарования. Нона- думалъ Курчевскій.

мая, как умная женщина, что таланта Когда дѣло не касалось авторского са- ей отпущено природой не въ очень боль- молюбил онъ быть добрымъ.

Зарабатывала она не дур- но и безъ большого труда. Курчевскій собрался ухो- дить,—въ этотъ день онъ обѣдалъ у Нины Михай- ловны, а вечеромъ долженъ былъ провѣщать ее въ те- атръ.

Первахъ представленій Курчевскій не любилъ. Чу- жие успѣха романа, какъ ему казалось, его престижъ въ глазахъ любимой жен- щины.

Опъ уже выходилъ, какъ раздавшійся въ передней зво- нокъ содержалъ его.

Пришелъ, по словамъ ла- кея, какой-то господинъ, за- ходившій уже два раза и не заставившій Евгения Ми- хайловича.

— Бѣдный, должно быть... Платье плохое! — замѣтилъ лакей...

— Просите...

Вошелъ очень высокій, до- странности худой, еще не старый че- ловекъ, похожій больше на тѣнь, и оста- вилъ, невольно перебирая поряжковую шапку.

— Чѣмъ могу служить? — Курчевскій указалъ на кресло.

Тотъ сѣлъ неловко, точно стыдись. Оглядѣвъ его, Евгений Михайловичъ не- больно отвелъ глаза, не желая смущать бѣдняка, и повторилъ вопросъ.

Человекъ заговорилъ хрипло, просту- женно.

Онъ — провинциалъ; учительствовалъ, въ газетахъ пописывалъ мелкихъ... Теперь на послѣднѣ гроши прѣхалъ въ Москву и вотъ, какъ видите... Ни денегъ, ни за- работка. Старая исторія, обносился. Стыдно людей, живешь въ канурѣ, а на рукахъ жена, ребенокъ... Объ Курчев- скомъ слыхалъ, какъ о человекѣ отзы- вомъ.

— Пожалуйста... Что могу,—заго- ворилъ Курчевскій, глядя почти съ ужа- сомъ на собрата по перу, его голод- ное лицо и сапоги, оставившіе мокрый слѣдъ на коврѣ.

— Нѣтъ-съ, не это... А я пьесу на- писалъ еще раньше въ своемъ городѣ, такъ вотъ не потрудитесь ли взглянуть и дать свое мнѣніе.

Онъ протянулъ рукопись.

Курчевскій взялъ тетрадь, польщен- ный довѣріемъ къ нему, какъ къ литера- тору.

— Оставьте. Я прочту. Человекъ поднялся.

— Очень вамъ благодаренъ. Очень... А когда за отвѣтомъ прикажете придти?

— Недѣли черезъ двѣ. Это комедія?

— Нѣтъ-съ, драма. Кровью сердца, такъ сказать, написана. Но быть можетъ, слаба по формѣ; ну и коллизія...

увидимъ,—замѣтила Нина Михайловна, крики «автора», впрочемъ, пока не дружные, и послѣдній не показался.

— Первые акты вообще, какъ я замѣ- чалъ, бываютъ недурны, — сказалъ Кур- чевскій.

— Советъ хорошо... Интересно,—гово- рила Чеголовская.

— Курить пойдете? — по- торопился Курчевскій.

— Нѣтъ... Дымно; голова кружится.

Онъ вышелъ.

Въ буфетѣ трое театраль- ныхъ рецензентовъ курили, обсуждая повинку.

Курчевскій, хотя отъ души ненавидѣлъ ихъ, но, какъ зна- комый, подошелъ.

— Гвоздемъ сезона бу- деть,—говорилъ толстый, по- хожій на протодиакона.

Невысокій помалкивалъ. Зато третій, Меркензонъ, изъ театральной газеты, воскури- галъ олимпіамъ:

— Свѣжо, и материалъ для актеровъ богатый.

Но найдя утѣшенія у ре- цензентовъ, Курчевскій вер- нулся въ локу.

Четвертый, — послѣдній — актъ начался.

Критикъ былъ правъ.

Послѣ окончанія послыша- лись дружные:

— Bravo, bravo, автора!.. И опъ вышелъ, шатаясь, какъ пьяный,—подъ руку съ двумя актрисами.

— Прямо прекрасно... Мнѣ ужасно нравится...

Чеголовская аплодировала, сѣла у барьера ложи, улы- баясь, чуждая зависти.

— Если не хотите долго дожидаться платая,—ѣдите, — увлеченный, какъ писатель и влюбленный, сказалъ Евгений Михайловичъ.

Они вышли.

— Завтра заѣдете? Помните, что у насъ осмотръ картинъ!.. — напомнила Чеголовская, прощаясь съ нимъ у подъѣзда дома.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ Евгений Михайловичъ. Но его обычная шу- тли- вость звучала дѣлanno.

— Если не хотите долго дожидаться платая,—ѣдите, — увлеченный, какъ писатель и влюбленный, сказалъ Евгений Михайловичъ.

Они вышли.

— Завтра заѣдете? Помните, что у насъ осмотръ картинъ!.. — напомнила Чеголовская, прощаясь съ нимъ у подъѣзда дома.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ Евгений Михайловичъ. Но его обычная шу- тли- вость звучала дѣлanno.

— Если не хотите долго дожидаться платая,—ѣдите, — увлеченный, какъ писатель и влюбленный, сказалъ Евгений Михайловичъ.

Они вышли.

— Завтра заѣдете? Помните, что у насъ осмотръ картинъ!.. — напомнила Чеголовская, прощаясь съ нимъ у подъѣзда дома.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ Евгений Михайловичъ. Но его обычная шу- тли- вость звучала дѣлanno.

къ посещенію его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ георгіемъ михайловичемъ японіи.

Великій Князь съ своей свитой и сопровождающими его японскими анимационными во время пребыванія въ гор. Никко. Поездка на «ришакъ».

Первый актъ «Заглохшей нивы» толь- ко что начался, когда Евгений Михайло- вичъ вошелъ съ Чеголовской въ локу. Слушая діалоги дѣйствующихъ лицъ, Курчевскій старался угадать, будетъ или не будетъ успѣха.

Знакъ опустился. Вызывали актеровъ.

— Но первому акту трудно судить... Какъ будто скучновато. А впрочемъ,

чужескій, довольный ея равнодушнымъ от- зывомъ.

Оба вышли курить. Но радость Евгения Михайловича оказа- лась преждевременной.

Съ второго и особенно третьяго дѣй- ствія пьеса неожиданно развернулась съ такимъ интересомъ, что публика насто- рожилась въ ожиданіи. Послѣ монолога героини и танца балета раздались шум- ные аплодисменты по адресу актрисы и

чужескій, довольный ея равнодушнымъ от- зывомъ.

Оба вышли курить. Но радость Евгения Михайловича оказа- лась преждевременной.

Съ второго и особенно третьяго дѣй- ствія пьеса неожиданно развернулась съ такимъ интересомъ, что публика насто- рожилась въ ожиданіи. Послѣ монолога героини и танца балета раздались шум- ные аплодисменты по адресу актрисы и

чужескій, довольный ея равнодушнымъ от- зывомъ.

Оба вышли курить. Но радость Евгения Михайловича оказа- лась преждевременной.

Съ второго и особенно третьяго дѣй- ствія пьеса неожиданно развернулась съ такимъ интересомъ, что публика насто- рожилась въ ожиданіи. Послѣ монолога героини и танца балета раздались шум- ные аплодисменты по адресу актрисы и

чужескій, довольный ея равнодушнымъ от- зывомъ.

Оба вышли курить. Но радость Евгения Михайловича оказа- лась преждевременной.

Съ второго и особенно третьяго дѣй- ствія пьеса неожиданно развернулась съ такимъ интересомъ, что публика насто- рожилась въ ожиданіи. Послѣ монолога героини и танца балета раздались шум- ные аплодисменты по адресу актрисы и

чужескій, довольный ея равнодушнымъ от- зывомъ.

Оба вышли курить. Но радость Евгения Михайловича оказа- лась преждевременной.

Съ второго и особенно третьяго дѣй- ствія пьеса неожиданно развернулась съ такимъ интересомъ, что публика насто- рожилась въ ожиданіи. Послѣ монолога героини и танца балета раздались шум- ные аплодисменты по адресу актрисы и

чужескій, довольный ея равнодушнымъ от- зывомъ.

Оба вышли курить. Но радость Евгения Михайловича оказа- лась преждевременной.

Съ второго и особенно третьяго дѣй- ствія пьеса неожиданно развернулась съ такимъ интересомъ, что публика насто- рожилась въ ожиданіи. Послѣ монолога героини и танца балета раздались шум- ные аплодисменты по адресу актрисы и

чужескій, довольный ея равнодушнымъ от- зывомъ.

Оба вышли курить. Но радость Евгения Михайловича оказа- лась преждевременной.

Аленскій Алексѣевичъ ТРОЯНОВЪ, «другъ больныхъ». Одинъ изъ известнѣйшихъ русскихъ докторовъ, почетный лейбъ-хирургъ. † 13 февраля въ Царскомъ Селѣ. (с. № 14346 «Нов. Вр.»).

его произведение и выдать за свое, но, в-первых, согласится ли тотъ *своимъ* от-казаться; да и совѣстно предлагать это...

Купить въ виду желанія помочь бѣд-ному собрату, — иное дѣло...

Да, онъ купитъ ее; онъ не можетъ от-дать эту вещь другому, хотя бы родному его отцу, у котораго она никогда не уви-дитъ свѣта...

Рѣшивъ это, Курчевскій чувствовалъ, что было что-то недоговоренное въ его мысляхъ, какая-то смутная надежда...

— На что?..

Авторъ «Миража», — Курчевскій мыс-ленно передѣлалъ названіе пьесы: — «Тѣнь» — меньше забито, — пришелъ че-резъ двѣ недѣли, какъ было назначено. На этотъ разъ Курчевскій велѣлъ подать завтракъ и вино.

— Я прочелъ вашу вещь, — началъ онъ, когда они сѣли за столъ.

Хмаровъ, — фамилія, какъ и имя — Василий Хмаровъ — была поиме-нована въ концѣ драмы, — глядѣлъ смущенно, стараясь спрятать руки, краснѣя, озѣбшій.

— Да-съ... Ну и что же?..

Хмаровъ повернулся.

Избѣгая смотреть на жадно жующій ротъ, Курчевскій заговорилъ о недостат-кахъ пьесы; ея «схематичности», слабо-сти въ отдѣлкѣ лицъ и пр.

— Такъ... такъ... Я это думалъ...

Увѣренъ былъ, что слабо... А только, кровью сердечной написано... Вся жизнь моя... въ этой драмѣ... Но, — конечно, если вы говорите...

Хмаровъ, видимо, съ трудомъ сдержива-вать что-то похожее на слезы.

Сердце Курчевскаго слегка сжалось.

— Слушайте... — началъ онъ.

— Ваша пьеса слаба, по мнѣ жалъ васъ, какъ собрата по перу... Провести ее на сцену вамъ не удастся, да это и вообще дѣло не легкое. — Продайте ее мнѣ...

Хмаровъ подвѣлъ изумленно глаза.

— Продатъ?.. Да коли она плоха...

Или вы помочь мнѣ...

Онъ не договорилъ.

— Да... да, помочь, дать вамъ возмож-ность выбиться на дорогу... Согласны?..

Хмаровъ схватилъ руки Евгенія Ми-хайловича и заплакалъ, но это были сле-зы радости...

«Миражъ» былъ проданъ за 500 рублей, и Хмаровъ ушелъ счастливый.

— Вы что же теперь дѣлать намѣре-ны? — спросилъ его на прощаніе Кур-чевскій.

— На родину уѣду. Будетъ съ меня... Прощайте... Дай вамъ Богъ большое счастье...

И Хмаровъ ушелъ.

— Все-таки я сдѣлалъ хорошую вещь, купивъ у бѣднаго драму, — думалъ Кур-чевскій, а внутри что-то глодало его.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Война давно началась. За послѣднее время Курчевскій ничего не писалъ... Думая о «Мира-жѣ», — онъ представлялъ себѣ эту вещь запретнымъ плодомъ, — не переставая въ то же время мечтать о ней.

Незадолго до открытія сезона, чита-тая утромъ газету, въ рубричкѣ ране-ныхъ и убитыхъ, Курчевскій случайно натолкнулся на такое извѣщеніе: «Васи-лій Евтихійевичъ Хмаровъ, прапор-щикъ запаса, убитъ»...

Выйдя изъ дому, Курчевскій половину дня проходилъ по улицамъ...

— Василий Евтихійевичъ Хмаровъ... — Сомнѣнія почти не было.

Вечеромъ онъ зашелъ къ Человской...

Она сразу замѣтила его взволнованное лицо.

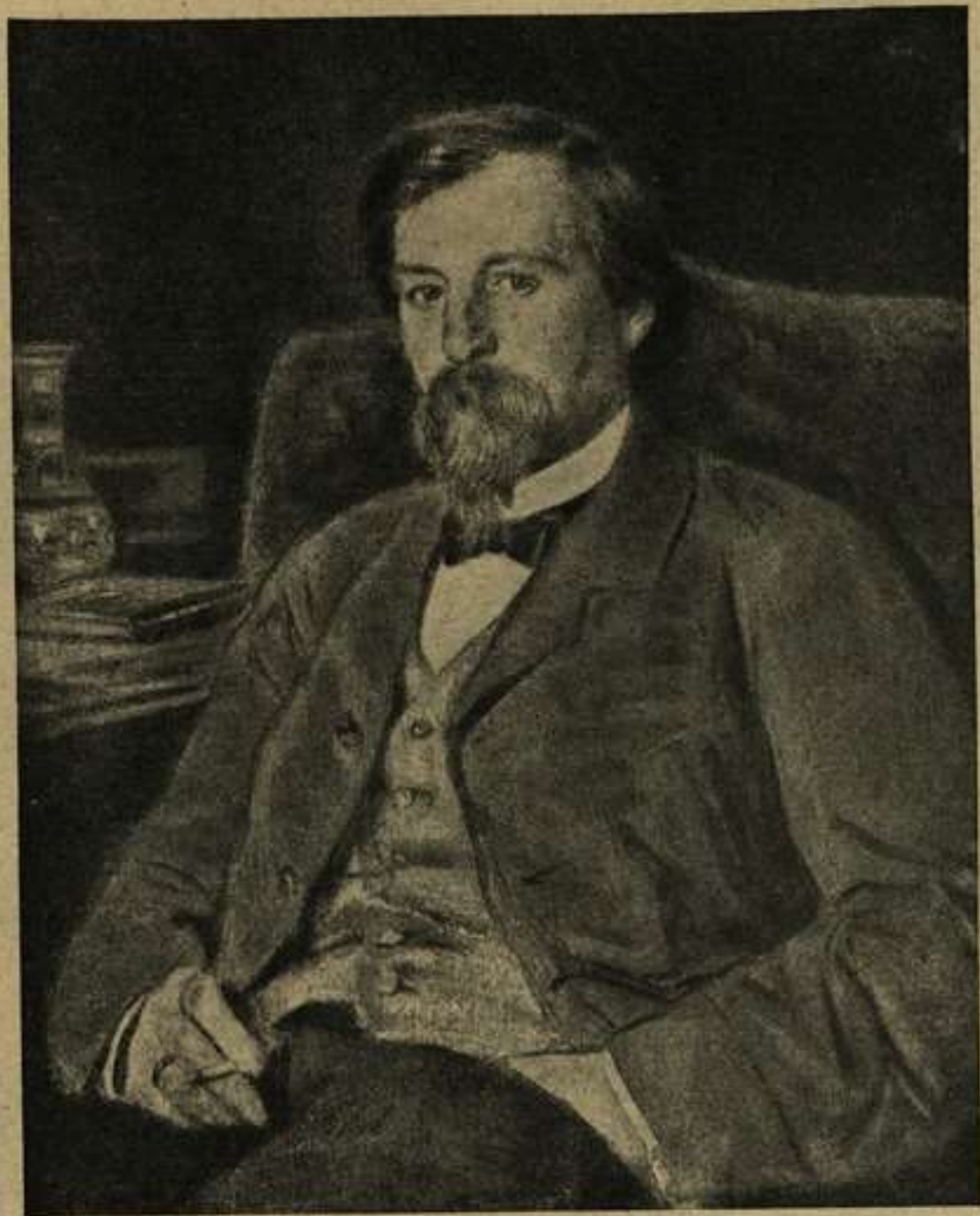
— Здоровъ?

— Я здоровъ... Я одну вещь началъ...

— отвѣтилъ Курчевскій.

— Что именно?.. Рассказъ?

Она ласково, любознательно смотрѣла на него...

Художникъ Иларіонъ Мих. ПРЯНИШНИКОВЪ. Портреты работы проф. В. Е. Маковского. (Ом. очеркъ В. Е. Маковского на 8 стр.)

«ТАТАРЫ-МУЗЫКАНТЫ». Рисов. И. М. Прянишниковъ.

вдохнуть, — наступила секунда молча-ния... Курчевскій подвѣлъ глаза. Нина Михайловна сидѣла съ опущенными гла-вами, вся блѣдная.

Лицо критика сісло. Ловицына же всгала и, подожди, крѣпко пожала ру-ку Евгенія Михайловича.

— Знаете, что? Вы написали удиви-тельную вещь... — заговорила она, зады-халась отъ своей обычной астмы.

— Удивительную! — повторилъ Мер-кензонъ.

Проводивъ гостей, Человская задор-жала Курчевскаго... Они остались одни въ ея кабинетикѣ.

— Милый, милый Евгеній Михайло-вичъ!.. Это прекрасно, это чудесно, та-лаптайво... — говорила Нина Михайловна, какимъ-то слабымъ, разнѣженнымъ го-лосомъ...

И въ первый разъ Курчевскій услы-халъ въ немъ женскіе страстные звуки.

Обнявъ ее, онъ началъ цѣловать жадно, а она отвѣчала на эти поцѣлуи.

Странное чувство переживалъ Кру-чевскій. Авторъ чужого произведенія, онъ, разумѣется, не могъ наслаждаться похвалами, — въ то же время, точно опынялся ими, какъ и ласками Челов-ской, влюбленной теперь, какъ дѣвочка.

Пьеса должна была идти въ част-номъ театрѣ, въ бенефисъ одной изъ первыхъ актрисъ.

Не довольствуясь газетнымъ сообще-ніемъ, Курчевскій, черезъ одно военное значительное лицо, нашелъ справки о Хмаровѣ... Оказалось такъ, какъ было напечатано: «Убитъ въ бою съ Ав-стрійцами»...

— Мяръ его праху!.. — подумалъ Курчевскій, а на душѣ его все скребло что-то.

— Автора!.. Автора!..

Прислонясь къ кулисъ, весь блѣдный, какъ платокъ, Курчевскій слушалъ энер-вие этотъ крикъ, несущійся изъ зала...

Невыносимое, неиспытанное ощущение охватывало его все сильнѣй.

Тоска, зависть, злоба бессилія, — все сливалось въ какой-то клубокъ и дави-ло сердце.

Но какъ только нестерпимымъ свѣ-томъ блеснула на него рампа, какъ только море головъ, бѣлыхъ и яркихъ женскихъ одеждъ — задрожало крикъ:

— Браво!.. Авторъ!.. восторгъ овла-дѣлъ имъ.

Аустъ — чужое, — оно дало ему самое цѣнное въ его глазахъ — извѣстность.

Съ этого вечера онъ уже не прежній, никому невѣдомый Курчевскій — онъ ге-рой дня, знаменитость... Выходя изъ театра подъ руку съ Человской, — они вѣхали на торжественный вечеръ въ Эрмитажъ, — въ коридорѣ Курчевскій вдругъ остановился, пораженный, по-томъ бросился почти бѣжать, стараясь скрыться въ толпѣ...

Около стѣны стоялъ, операясь на ко-стѣль, какой-то военный. И въ немъ Курчевскій узналъ Хмарова... Глаза обо-ихъ встрѣтились, и въ этихъ глазахъ Евгеній Михайловичъ прочелъ злобу оgrabленнаго человѣка.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Зимнимъ вечеромъ, въ рестораничкѣ артистовъ, собралось нѣсколько человѣкъ.

— Ты что думаешь въ бенефисъ по-ставить? — спросилъ у трагика репор-теръ газеты «Всезнайка».

— Думаю «Тѣнь»... Вещь сама за се-бя говорить. Ну, и роль...

— Да, вещь прекрасная. А правда, ее совсѣмъ не Курчевскій написалъ, а какой-то Хмаровъ?.. Еще позвоните въ вечеръ перваго представленія скандаль-то въ Эрмитажъ учинилъ я Курчевска-го воромъ обозвалъ? Хотѣ его и увезти скоро и за безумнаго его Курчевскій выдавалъ, — будто еще раньше все къ нему ходило, да пьесы носило, — бредъ какой-то, — а все-таки тѣнь она на не-

«СПАСОВЪ ДЕНЬ НА СѢВЕРѢ». — Картина И. М. Прянишникова.

то бросала; за границу удралъ.

— А гдѣ онъ теперь, Хмаровъ-то этотъ? — спросилъ актеръ.

— Умеръ черезъ нѣсколько дней въ больницѣ... Можетъ и правда ненормальный былъ... Чеголовская, и въ больницу, и на похороны ѣздила, и вѣнокъ возила... Она тутъ же и бросила Курчевскаго...

— Да, исторія темная. Однимъ словомъ: «Тынь»!

Актеръ спросилъ счетъ.

Оба вышли и направилась репортеръ въ Грузины, актеръ на Тверскую въ гостиницу, гдѣ онъ снималъ большую номеръ «съ приличной обстановкой», — такъ подобаетъ первому сюжету.

Воспоминаніе объ И. М. Прянишниковѣ В. Е. Маковского.

Иларіонъ Михайловичъ Прянишниковъ, родомъ изъ купеческой семьи, родился въ Калужской губерніи 20 мая 1840 года, скончался въ Москвѣ въ 1894 году и похороненъ на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря. Въ 1914 году было открытіе памятника на его могилѣ. Памятникъ сдѣланъ на средства, собранныя его друзьями и почитателями. За эти двадцать слишкомъ лѣтъ по кончинѣ И. М. въ печати не появилось ни одной статьи, ни одной замѣтки объ его художественной дѣятельности, какъ-будто сошелъ въ могилу заурядный художникъ, о художественной дѣятельности котораго нечего вспомнить. Между тѣмъ И. М. Прянишниковъ одинъ изъ талантливыхъ русскихъ жанристовъ, который написалъ рядъ интересныхъ и крупныхъ по замыслу и исполненію картинъ, которыя появлялись въ свое время на пе-

редвижныхъ, академическихъ, и другихъ ства, но такъ какъ И. М. Прянишниковъ былъ старше меня на 6 лѣтъ, то въ шкоствѣ и въ печати особый къ себѣ интеллектъ мы почти лично и не знали другъ друга, но я помню, что имя И. М. Пряниш-

И. М. Прянишниковъ и я получили кова, какъ выдающагося молодого художника, и тогда было достаточно уже известковской школѣ живописи, вааянія и зодче-

но среди насъ, молодыхъ его товарищей

по школѣ, и ставилось наряду съ именемъ Вас. Григ. Перова, съ которымъ И. М. Прянишниковъ вмѣстѣ проходилъ московскую школу; ихъ общій учитель былъ Егоръ Яковлевичъ Васильевъ, у котораго они жили и учились. И. М. Прянишниковъ и В. Г. Перовъ были люди безъ всякихъ средствъ, и эта помощь со стороны ихъ профессора дала имъ возможность выбраться на дорогу и сдѣлаться знаменитыми художниками. Е. Я. Васильевъ былъ воспитателемъ Академіи Художествъ временъ Брюлова, Егорова, Шебуева; этотъ скромный художникъ, самъ воспитавшійся на классикахъ, въ средѣ тогдашней традиціонной условности умѣло и бережно охранялъ индивидуальность своихъ учениковъ. Такіе самобытные таланты, какъ Перовъ, Прянишниковъ и другіе ученики Е. Я. Васильева, подъ его руководствомъ достигли полного своего расцвѣта; честь и слава такому учителю! И. М. Прянишниковъ всегда съ чувствомъ особеннаго уваженія и теплой благодарности отзывался и вспоминалъ о немъ.

Послѣ смерти Е. Я. Васильева, И. М. Прянишниковъ избралъ себѣ учителемъ новаго профессора, Евграфа Семеновича Сорокина, превосходнаго учителя и рисовальщика; подъ его руководствомъ И. М. написалъ свою первую картину «Чтеніе писемъ въ лавочкѣ» въ 1864 году, за которую ему Академія присудила малую серебряную медаль, а въ 1865 г. написалъ картину «Шутники или Гостиный дворъ», за которую получилъ отъ Академіи большую серебряную медаль и званіе художника XII класса. Въ 1866 году Москвитинъ получилъ былъ данъ новый уставъ съ правомъ давать званіе художника XII класса, и въ этомъ году я одинъ изъ первыхъ окончилъ школу по новому уставу, и за картину «Литературное чтеніе» получилъ званіе XII класса. По полученіи этого

«КРЕСТЬЯНКА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБ.» — Картина И. М. Прянишникова.

«ЭТЮД» И. М. Пришчинова.

звания ни И. М. Пришчинов, ни я не поехали продолжать учиться в Петербург в Академию, а остались в Москве; с этого времени началось мое личное знакомство с И. М. Пришчиновым. Началу этого знакомства и сближения послужила наша общая работа образов, которые нам заказали для Спасской часовни.

С августа некоторое время В. Г. Перов и И. М. Пришчинов были приглашены профессорами в Школу живописи. В 1884 г. скончался В. Г. Перов, и его место в школе Художественное общество пригласило занять меня. Я это приглашение принял, и таким образом мы с И. М. Пришчиновым сдвинулись сослуживцами. С этого времени началась наша общая работа по преподаванию в школе, а также по участию на передвижной выставках.

Наши частые свидания были большей частью посвящены вопросам об искусстве. Кроме общих вопросов мы подвергали обсуждению и критику свои работы; наша близость и потому желание помочь друг другу в вопросах искусства всегда приносили нам большую пользу и частенько выводили нас на правильный путь.

И. М. Пришчинова очень уважал и любил Л. Н. Толстой, который часто посещал его скромную квартиру. Во время его посещения всегда присылали за мной, и для меня это был особенный праздник и удовольствие послушать, как говорил Л. Н. Толстой; он очень любил беседовать об искусстве, а также поднимал вопросы на религиозные темы. Часто И. М. Пришчинов своим остроумием и находчивостью доставлял большое удовольствие Л. Н. Толстому. Вообще посещения Л. Н. Толстого всегда оставляли в нас глубокое впечатление, и после его ухода служили надоедой темой наших бесед. Кроме Л. Н. Толстого, мы часто виделись с П. М. Третьяковым и И. Е. Цветковым. И. М. Третьяков был страстным любителем искусства и коллекционер, создавший дивную Третьяковскую галерею русского искусства, подаренную им городу Москве. И. Е. Цветков, его последователь, также страстно любил русское искусство и также собрал коллекцию русских картин и рисунков, между которыми есть превосходные образцы. Но чем особенно богато его собрание, это оригинальными рисунками и акварелью разных эпох, количество которых доходит до 1.500 экземпляров. Галерея И. Е. Цветкова так же, как и галерея П. М. Третьякова, пожертвована городу Москве.

И. М. Пришчинов немного оставил картин за свою художественную деятельность, но все он оглядывается жизнью и жизненностью, все

он замечательно своей простотой, красотой рисунка, правдой жизни и бытовой обстановки и полным отсутствием диланских, фальшивых положений. Красота его картин заключается в конкретности, индивидуальности этих произведений, в той мысли, которая оживает каждую отдельную фигуру и которую отделить от нее невозможно, а еще более в той цельности общего впечатления, в той общей мысли, которая объединяет и связывает в одно целое все подробности положения и создает его единство — содержание сюжета.

Эта продуманность и логическая обработка внутреннего содержания и его подробностей, эта законченность мысли, без которой покойный художник не начинал ни одной картины, несомненно приковывает каждого, кто встречается с его произведением. По мере того, как впечатление овладевает вниманием зрителя, оно неизбежно проникается мироощущением и последовательностью мыслей покойного художника.

В Третьяковской галерее собраны почти все его выдающиеся картины: «Гостинный двор», «Жестокое романсе», «Спасов день», «Общий жертвенный котел» и др. Кроме того картины И. М. Пришчинова находятся в музее Александра III, в галерее И. Е. Цветкова и в других частных собраниях.

И. М. Пришчинов был один из основателей Общества передвижников, в котором принимал горячее участие. К своему искусству И. М. относился с большой любовью и серьезностью, и принимался за исполнение своих картин только тогда, когда чувствовал потребность «вылиться душой» и высказать то, что в ней «назрело». Скромный в своей жизни, это был смирный бескорыстный человек, довольствовавшийся только необходимым. И. М. отличался строгим знанием рисунка и перспектив, и был прекрасным учителем; ученики его очень любили и дорожили его справедливой оценкой своих работ. Иларion Мухоморович оставил во всех знавших его теплые и живое воспоминание, как о прекрасном товарище, твердом в своих убеждениях, благожелательном и преданном в обращении, остроумным и находчивым в спорах, как о натуре искренней, непосредственной, отмеченной искрой Божией и крупным талантом. В настоящее время картин И. М. Пришчинова в продаже нет,

и они составляют редкую крупную ценность. Я уверен, что в недалеком будущем его произведения и его талант найдут достойную оценку в критике.

В конце 1893 года И. М. Пришчинов был избран действительным членом Императорской Академии Художеств и приглашен в Академию профессором, но тяжкий недуг (чахотка) свел его преждевременно в могилу.

12 марта 1894 года Иларiona Мухоморова не стало.

«СЪДНАЯ ШВЕЯ». — Картина И. М. Пришчинова.

и он составляют редкую крупную ценность. Я уверен, что в недалеком будущем его произведения и его талант найдут достойную оценку в критике.

В конце 1893 года И. М. Пришчинов был избран действительным членом Императорской Академии Художеств и приглашен в Академию профессором, но тяжкий недуг (чахотка) свел его преждевременно в могилу.

12 марта 1894 года Иларiona Мухоморова не стало.

Профессор В. Е. Маковский.

Литературные заметки.

Некрасовская Карабиха.

В семидесятые годы брат Некрасова, Федор Алексеевич, «опасаясь как-то обыска», связал в одну пачку все письма и бумаги, относившиеся к брату, как и имевшие в их общей усадьбе, и ничего лучшего не придумав, как закинуть их через окошко в необитаемое подполье дома...

Там они и пролежали «несутунно», как писалось в старинных документах, сорок лет, хотя уже всякая опасность обыска давно миновала. Но стояло ли беспокоиться? Хотя это рукописи и письма знаменитого поэта — но ведь только бумага тлела... «Русская история» — не правда ли? Так когда-то в Пушкинском Болшево близкие наследники поэта вели бы замазать белой краской дверные косяки, написанные великой рукой... «Стоит ли еще разбирать палашины каракули?! Ну, их!.. Только двери портить!». Так продали в костромской усадьбе на обертку в мелочную лавочку (сравнительно недавно) весь домашний архив Грибоедова, после смерти его долго жившей вдовы. Так погибло еще многое и многое из великого наследия наших отцов...

На этот раз случилось чудо: бумаги за четыре десятка лет не истлели (очевидно, солидно построено подполье) и даже мыши их не съели. Наконец, пришло наше археологическое и библиографическое дни, и тогда их «вздумали поискать». «Это была нелегкая задача: она подполье узко и мало». Но все-таки в подполье проникли — и наградой была довольно увесистая пачка, в которой мы нашли черновыя тетради поэта, письма, рукописи, 2—3 запрещенных по тому времени книги и коллекция фотографических карточек декабристов.

Теперь вышел первый том этого «Ар-

«У ТИХОЙ ПРИСТАНИ». — Картина И. М. Пришчинова.

жива села Карабики—и в порт «письма Некрасова и къ Некрасову». А как иллюстрация къ нимъ приложены два нежданыхъ (по крайней мѣрѣ, не случалось видѣть) и «неожиданныхъ» портрета поэта.

Портреты... Они хороши тѣмъ, что на нихъ Некрасовъ, «какъ живой». Что-то осязательное, непосредственное: «вотъ-вотъ заговоритъ»... Но вы забыли, что лицо Некрасова вообще какое-то странно-живописное лицо. Точно великій реалистъ оставилъ въ немъ часть того «здорового», ядреного реализма, которымъ дышалъ все его существо и все его и ося. Въ то время, когда живого Гоголя ни за что себѣ не представишь, и какъ-то дохнетъ и расплывается въ неопредѣленность по противорѣчивымъ своимъ изображеніямъ обликъ Пушкина,—вѣжливость Некрасова, такая твердо очерченная, такая увѣренная, сразу, сама собой западаетъ въ память. Онъ «похожъ» на зѣбухъ своихъ портретахъ, т.-е. всюду производить впечатлѣніе шаткости, живности, но на зѣбухъ, карабихинскихъ, впечатлѣніе особенно «некрассовское». Да, вотъ такой смысленный (охъ, какой смысленный!), насквозь умница, насквозь выдающій людей и обстоятельности, «дошлый» ярославецъ долженъ былъ написать тѣ ѣдкіе, какъ купоросъ, стихи и жить этой бойкой, удалливой, шумной железной жизнью, съ вѣчнымъ рикомомъ, вѣчной молчаливой, игрой съ судьбой и еще болѣе глухимъ «все равно» на дѣйствіе одинокой, угрюмой и неразгаданной души! Глаза первого портрета, даже на бумагѣ, «сверлятъ» такъ, что жутко смотреть... Какой чуткій, сторожкій, весь въ себѣ затаившійся и изъ себя все «высматривающій» взоръ!

Вы переходите къ письмамъ. Первая же страница даетъ точно очерченное впечатлѣніе. Что за стиль! Или, вѣрнѣе, какое отсутствіе «стиля»—понимая подъ этимъ всю сложность «литературы» съ ея «тропами и фигурами», остроловиемъ и «улобленіемъ»! Этой «матери» которой такъ много, наиримѣръ, въ письмахъ Тургенева, вовсе нѣтъ у Некрасова: онъ пишетъ коротко, старо, «дѣловито»—точно приказъ отдаетъ! Это стиль рапортовъ, реляцій въ прошломъ, или срочныхъ телеграммъ въ наше время. И все пересыпано цифрами и дѣловыми указаціями:

«Посылаю вамъ книгу моихъ стиховъ. Я купилъ Карабику, купчую нельзя сдать ранѣе мая, теперь же имѣется контрактъ, съ котораго копію вручить вамъ Николай» (къ отцу).—«Вотъ просьба къ тебѣ: у меня есть за тобой 300 р. Пожалуйста, выдай изъ нихъ 150 р. брату Константину и 150 Прасковѣ Николаевнѣ, и сдѣлай это тотчасъ же по полученіи этого письма, чтобы деньги были у нихъ за недѣлю до праздника. Будь здоровъ» (къ брату).

Онъ всегда можетъ отдать отчетъ себѣ и другимъ въ своихъ намѣреніяхъ: «Желаніе же мое имѣть непременно собственную усадьбу выходитъ изъ естественной потребности устроить все сообразно своимъ привычкамъ» (къ отцу).

Онъ весь въ этой «естественности» и «образности». Тургеневъ сказалъ бы объ этихъ письмахъ, какъ о некрассовскихъ стихахъ, что поэзия и не почевала тутъ. И, дѣйствительно, тургеневская поэзия, тургеневскій дворянскій романтизмъ, тургеневскіе краснорѣчивые герои и воздушная героиня—до какой степени все это другой міръ, какъ это непохоже на некрассовскую «резвость», на весь этотъ пасмурный реализмъ! Удивляться можно не тому, что первоначально «дружба» Некрасова и Тургенева кончилась разрывомъ и тяжелой враждой, а тому, что эта дружба вообще могла быть и держаться относительно долго.

«ВЪ ДЕРЕВНѢ».—Антверпъ. В. В. Сычкова. Была на послѣдней выставкѣ Общества русскихъ антверпестозъ.

Съ фот. Косм. Глыбовской.

И между тѣмъ въ этой «резвости» и, взяскано съ меня 80 руб., да Курбатову казалось бы, сухости, есть не только своя сила, но и какая-то скрытая ласка, которая «Чудакъ нашъ Константинъ (братъ умѣетъ выступать въ нужную минуту. Н. А.), въ бытность мою въ Москвѣ, же Онъ пишетъ брату, получивъ извѣстіе о смерти его жены. Все письмо очень просто, ясно твоему совѣту, и ты не хочешь мнѣ какъ всегда, кратко и, если хочешь, тоже сухо. Но этотъ скандный языкъ говорить сать за щегъ этого чада, то хотя написаны «реальное» и «практическое» нужное: о себѣ, здоровъ ли ты, обрадуй меня идеей «Утѣшенія въ подобныхъ несчастіяхъ без-полезны, но я скажу одно, что это для насъ А непонятное чадо, Константинъ, сообщивъ урокъ—жить дружно, беречь и шаетъ братьямъ: «Показавъ предзаритель-щадить другъ друга, памятуя постоянно, что не сегодня-завтра съ тѣмъ или дру-лимъ изъ насъ можетъ случиться то же». И въ концѣ: «прощай, бѣдный братъ!» Изъ писемъ къ Некрасову самая ин-ресная—его отца. Мы до сихъ поръ знали его только сквозь призму не слишкомъ лестнаго изображенія сына. Теперь, какъ мать Тургенева, онъ самъ появляется передъ нами въ непосредственныхъ осязъ строчкахъ. Но впечатлѣніе, ужъ! не смягается, какъ случилось съ В. П. Тургене-вой. Въ концѣ есть и портретъ А. С. Не-красова—тоже куда какой характерный! «Ну, ужъ и крепешокъ!» Все письма пол-ны жалобъ, воркотни и денежныхъ расче-товъ: «По рѣшенію Сената Департамента шаетъ, конечно, приискать въ слѣдующемъ выѣздѣ Гербовой простую бумагу сегодня же письмѣ: «А вечеромъ сладимъ къ 8-ми

«НА МАСЛЯНИЦѢ».—Картина художн. В. И. Кавозова.

Съ фот. Косм. Глыбовской.

часамъ, яко жертва вечеринка».—«Этотъ симпатичный человекъ»,—сказалъ Некрасовъ незадолго до смерти (сообщается въ приобщеніяхъ),—«проигралъ мнѣ больше миллиона фразеологъ по его счету, а по моему счету я больше».

Поэзия, охота, игра—это были три «по-пражки», которыми великій реалистъ вносилъ въ свою «резвость».

И. Серцовъ.

Женская исповѣдь.

Книги, въ которыхъ повѣствованіе ведется отъ перваго лица, иногда смущаютъ читателя, какъ своего рода загадка: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, разумеется, сразу видно, что «я»—это просто «герой», котораго авторъ съелъ по какимъ-либо соображеніямъ болѣе удобнымъ свести лицомъ къ лицу съ читателемъ; но бываетъ и рою и такъ, что у читателя настойчиво «мелькаетъ» мысль,—не скрывается ли за этимъ «я» самъ авторъ, и не слѣдуетъ ли разсматриваемое произведеніе признать за писательскую исповѣдь или за автобиографическій документъ. «Книга о человекѣ» г-жи Надежды Санжаръ * съ первыхъ же страницъ производитъ такое впечатлѣніе, что здѣсь авторъ пожелалъ подѣлиться съ читателями результатами собственныхъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ». Впрочемъ, чтобы разсказать всякія недоразумѣнія, которыя могли бы возникнуть по этому поводу, писательница доводитъ до свѣдѣній читателей, что иногда у нея происходятъ съ Творцомъ такого рода бесѣды:

— Ну, что, Надежда, вскарабкалась въ гору? — Вскрабкалась, мой изумительный Творецъ. Трудненько было—это вѣрно. А все же вскарабкалась по Твоей милости.—И видишь, Надежда? — Очень хорошо видно! Куда ли взгляну, все какъ на ладони...

Узнавъ отъ «Надежды», что у людей «скверно очень, нехорошо», Творецъ совѣтуется съ нею: «Что же тутъ дѣлать, Надежда?»

— Все то же, — чистить и подталкивать, подталкивать и чистить! Результаты—налицо. Ужъ я постараюсь тебѣ парочку-другую ребятъ очеловѣчить. Сколько смогу—постараюсь. Старайся, Надежда, старайся. А потомъ еще поговоримъ...

«Чистить», «подталкивать» и «очеловѣчивать» для полученія отъ Творца особыя полномочія Надежды оказалось тѣмъ легче, что она рѣсилась сразу «съ ясной и прочно выраженными чертами и свойствами человека»: «вокругъ меня ка-дѣлись, звѣрѣли, а я жила, точно разъ навсегда отъ всего дурного застрахованная». Въ концѣ концовъ она убѣдилась, что «идеалъ сильного, смѣлаго и нрав-ственного человека» былъ ею «осуще-ствленъ и утвержденъ въ жизни». Лица менѣе требовательныя тутъ, можетъ быть, поставили бы точку, рѣшивъ, что они дошли до высшихъ достиженій, какія только доступны смертному. Но героиня разсказа (или авторъ,—какъ кому нра-вится) шагнула по «второй человѣческой этапъ», въ которомъ «узкій, личный, шкурный эгоизмъ» преобразуется «въ удивительно нѣжное и благородное чув-ство какого-то особаго материнства, от-цовства ко всемъ людямъ». Можно было бы только поздравить родившееся совер-шеннымъ созданіе съ восхожденіемъ на еще болѣе высокую ступень совершенства. Но читателя не можетъ не привести въ нѣкоторое смущеніе то обстоятельство, что это восхожденіе совершилось при по-мощи человека, который самою героиней характеризуется, какъ «авантюристъ, ак-теръ и лгуны». Мудрость его легко укла-дывается въ нѣсколько афоризмовъ, кото-рые и были восприняты Надеждой, выра-жаясь канцелярскимъ языкомъ, «къ свѣ-дѣнію и руководству»: «жизнь—прежде всего творчество». Затѣмъ: «въ мастер-

ской жизни же, все нудъ въ конечномъ же и зло, на умънь хоро-ная, чудотво подобныя р приспособлен са смѣсь и нищенаетъ на благодар пивъ въ об- гласно котор ютъ отъ на подвиготъ», «очеловѣчив- поръ, говор героиней, м оравнителн рѣчь болѣе то исторія обрѣтенныхъ представле или водевил попросту, да она размыр- дн, при по мистицизмъ по простова- чить, напр. вождѣлнй чловѣка, о- ральное сре- ей показало наукъ, она, срываешь ст- и все пада- правламъ- ма въ то и- наблюдать. Все бы- весь мнръ Кто возьме- гькъ? Коуж- вать? Неуж- Но «звѣр- лечившійся, перименто- гнусной чун- нн восклиц- шина, ты- ты что-то было...» Такова п- цы. Презд- просто лом- употребля- наго юнош- нья души.

Кто люби- не любит- почти одух- рѣ. Въдъ, «книга», х- же «матери- мовъ и мол- явленія « мѣше тѣм- чается, то- «вѣжнотъ- ховной раб- явилась. И въ сам- до» у вса- влеть такъ чловѣка. I- всегда зак- ни аналог- чатано». старыхъ к- дуальныхъ нья издѣл- сотнями т- вомъ. Сра-

* Надежда Санжаръ. Книга о человекѣ. Первая. Москва. 1916 г. Стр. 188. Ц. 1 р.

ской жизни быть ничего ни лучше, ни хуже, все нужно, все одинаково ценно». А в конечном выводе: «надо принять также и зло, как творческую силу», «ложь, умные хорошо притворяются — сила страшная, чудотворная» и т. д. Все эти и им подобные рассуждения, представляющие приспособленную для обывательского вкуса смесь иезуитской морали с ходячим нищенством, унази, как оказывается, на благодарную почву, и Надежда, вступив в обладание «новой моралью», согласно которой «разум и совесть требуют от нас иных служений, иных подвигов», дьятельно принялась за «очеловечивание ребят». Но если до сих пор, говоря о ступенях, пройденных героиней, мы могли относиться к ним сравнительно серьезно и вести о них речь болше или мене высокими стилями, то история о проведении героиней вновь обретенных ею принципов в жизнь представляет собою уже сплошной фарс или водевил с переодвиганьем. Говоря попросту, для достижения высоких целей она разрывала на каждом шагу комедию, при помощи которых ей удавалось мистифицировать людей, очевидно, довольно простоватых и наивных. Чтобы отучить, напр., от всяких чувственных вожделений влюбленного в нее молодого человека, она решает «дать ему генеральное сражение». Под предлогом, что ей показалось, будто ей за шею залезла паука, она симулируя сильнейший испуг, срывает с себя в присутствии юноши и все падает в обморок по всем правилам сценического искусства, а сама в то же время изподтишка за ним наблюдает.

Все было поставлено на карту: весь мир (!), все будущее людей (!!). Кто возьмет верх — зверь или человек? Кому повелевать? Кому царствовать? Неужели опять зверю?!

Но «зверь» обратился в бегство, а излечившийся, после еще нескольких экспериментов в таком же духе, от гнусной чувственности юноша в умиленной восклицает: «Я понимаю, ты не женщина, ты сверхъестественное существо, ты что-то такое, чего еще на свете не было...»

Такова новая мораль и ее новые кризисы. Прежде таких женичан называли просто ломаками и кривляками. Теперь, употребляя выражение того же одуряченного юноши, это «гроза на наши окаймленные души...»

Ю-ль.

Книга кь книгъ *

Кто любит читать — тот не может не любить и самой книги, как особого, почти одухотворенного «предмета» в мире. Ведь, действительно, кажется, что «книга», хотя она и состоит из такой же «материи», тех же самых «атомов и молекул», как и все прочия явления «вещной природы», — тем не менее чем-то от них всех отличается, точно на ней, уже на самой ее «вещности» легъ отпечаток той духовной работы, результатом которой она явилась.

И в самом деле, ведь есть свое «лицо» у всякой книги, и книга на книгу бывает так же непохожа, как человек на человека. В ее «физиономии» несомненно всегда заключена в той или иной степени аналогия с тем, что в ней «пропечатано». Особенно это можно сказать о старых книгах, гораздо болше индивидуальных, нежели «машинных» печатных изданий нашего времени, десятками и сотнями тысяч «выбрасываемых» на рынок. Сравните первых, прижизненных

* История книги в России. С. Ф. Либровича. Издание 2-е — М. О. Волфа. Две части в одном переплете. Изд. 2. Стр. 224+234. Ц. 3 руб.

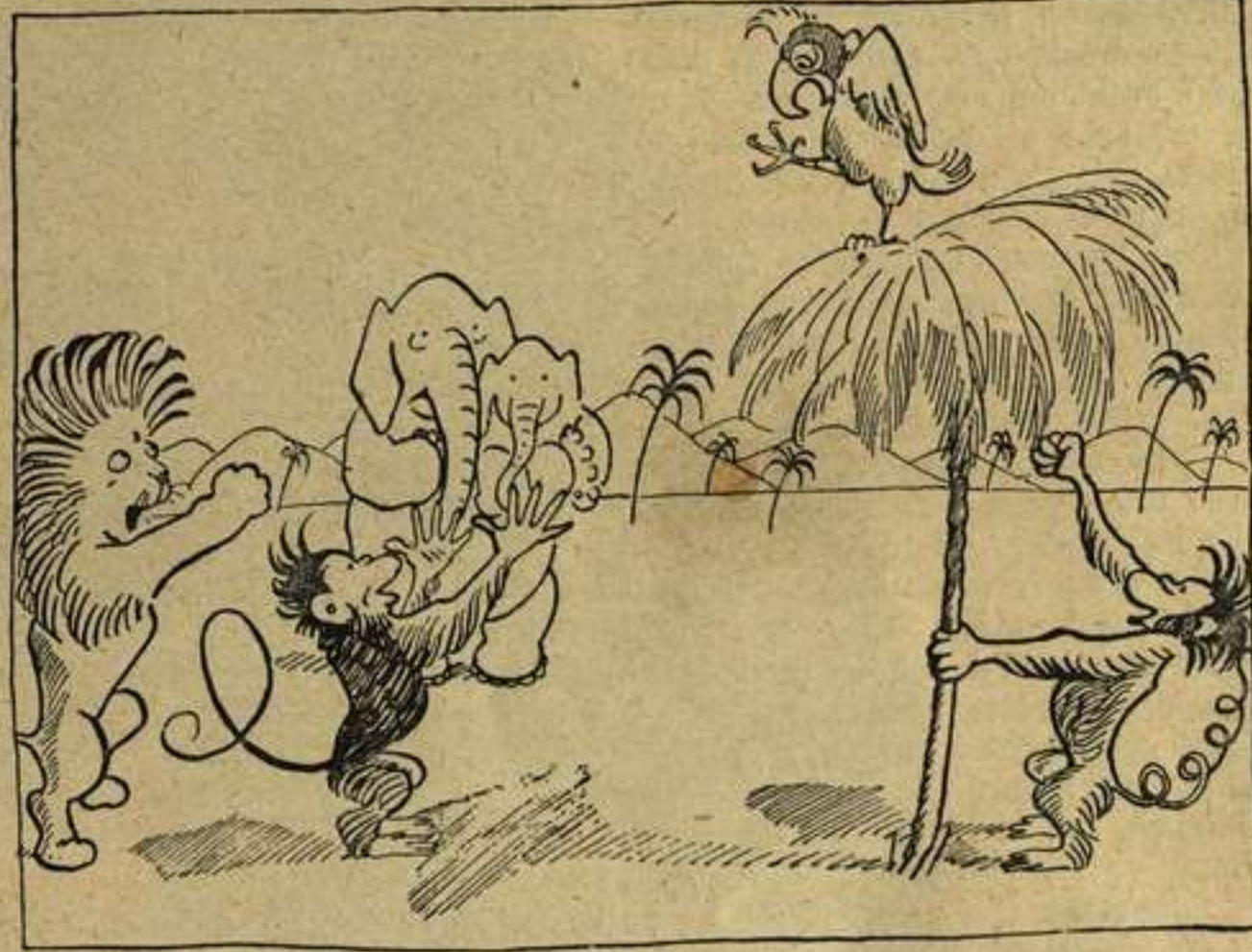
AUS AFRICA, AUS KAMERUNI

Торжества, устроенныя обитателями Камеруни по случаю изгнания Нѣмцев: импровизированные хоры, шествия и прочее.

Трогательная сцена, изображающая двух прохожих, обнимающихся и поздравляющих друг друга съ освобождением отъ нѣмецкаго ига.

Тайный нѣмецкій агентъ, пропагандирующий среди населения германофильство.

Мѣры борьбы съ пустившимъ глубокие корни нѣмецкимъ засильемъ.

Сѣтшная „натурализація“ оставшихся въ Камеруни Нѣмцевъ, не отказавшихся отъ мысли сохранить свое влияние.

издания Пушкина или старое со многими пропусками издание Винникова—с ежегодно вновь являющимися «новейшими» его изданиями. Полнота текста в последних, конечно, относительно безукоризненна, но в их «вышнем» выражении нет никакого тайного соотношения с благородством и грацией Пушкинской музыки.

Да, книга есть «явление духа», состоящее не только из бумаги, типографской краски и ничтожек брошюровки. Вот почему можно написать «историю книги», а никому не придет в голову писать «историю стульев» или «историю табачных ящиков», хотя последние бывают также разного разбора и украшены яркими ярлычками... «История» г. Либровича (какая провиденциальная фамилия!) очень обстоятельна и подробна, и несомненно обрадует наших библиофилов. Автор начинает даже собственно с рукописей и прямо ab ovo русской письменности, с Остромирова Евангелия и Архангельского Евангелия (объ рукописи XI века). Перед этим он еще сообщает некоторые сведения о рукописном искусстве старых времен и характером тогдашней печати к книге (рукописи), редкость и трудность добывания которых заставляли смотреть на них совсем другими глазами, чем смотрим мы, толпящиеся в печатном океане.

От тех «баснословных» времен г. Либрович проследживает весьма тщательно ход рукописного, а потом и печатного мастерства на древней Руси, особенно подробно останавливаясь на переломной эпохе Ивана Федорова. Этот первопечатник Русской земли подаром ощущал сам свой подвиг совершенно подобно пушкинскому Пивену, как «блкий долг, завещанный от Бога». «Не раз я,—писал он о себе,—слезами моими постель мою омочал, помышляя со страхом, как бы не сокрыть в земль таланта, ввереннаго мнѣ Богомъ». Кто из нынешних книгоиздателей и владельцев типографий нарушает свой почвой подобными тревогами?! Так вынытает в разные эпохи одухотворенность тех или иных явлений жизни... Но благочестивый типограф дной Грозного был прав в своем самоощущении; вправду, именно от него «пошла-стала» вся необозримая «земля» русской печати и новой русской литературной культуры.

Вторую переломную эпоху в истории русского книжного дела составило, ко-

СПОКОЙНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ.

— Спасите, дядя Сэмъ, на помощь!
— Не могу, дорогой! Страшно тебя жалко, да мое дѣло сторона: онъ разбойничать не на моей землѣ.

«Life».

нечно, время Петра, которому автор посвящает ровно половину второй части своей книги. Самъ Петръ отводил такое важное мѣсто в своей реформѣ книжному просвѣщенію, что даже на свадьбу девицы пиру, за чарою вина, находил время сдѣлать кому слѣдуетъ внушение за медленность перевода «Книги Виргилія в Урбана и началъ всяких изобрѣтеній». За границей онъ всюду осматривал библиотеки и типографіи и, живи онъ в наше время, навѣрное составил бы печатничкомъ, а, можетъ быть, и сотрудничать въ всѣхъ библиографическихъ журналахъ. По тогдашнимъ временамъ ему пришлось удивляться основаніемъ «Юрнала или пощенной росписи, что въ мѣсячную осаду подъ крѣпостью Нотенбургомъ чинилось» (декабрь, 1702 г.). Сей «Юрналъ», какъ извѣстно, явился своего рода старымъ петровскимъ «боти-

еще, какъ на самое пустое препровожденіе времени—«отъ обѣда до ужина», но эти книжныя капли долбили кору отечественной заскорузости, и уже близка была блестящая дѣятельность Новикова, въ которомъ, какъ въ Ломоносовѣ личное творчество, развернулись зародыши общественнаго просвѣщенія, посвятивше той же рукой Преобразователя. Эпохой екатерининскаго расцвѣта и кончается г. Либровичъ свое изслѣдованіе, лишь вкратцѣ характеризуя царствованіе Павла, когда цензура «какъ черный медвѣдь, стояла на дорогѣ...» (Карамзинъ).

Е. Р.

Проводникъ.

Вотъ обѣдная грань миловала,
Бустарникъ къ утесамъ приникъ...
Съ безлюдныхъ вершинъ перевала
Спускаемся мы напрямикъ...
Съдой Армянцѣ бородатый
Тропинку въ горахъ отыскалъ,—
И мѣрно шагаютъ солдаты
По тропино невѣдомыхъ скалъ...
Иной озирается робко,
Взглянуть неожиданно взникъ:
Надъ бездной опасная тропка
Нависла, какъ узкій карнизъ...
Ущелья, какъ трещины, скаты,
Зловѣщи изломы стремитъ,—
Но знаетъ дорогу вожатый—
Высокій, съдой Армянецъ...
Недаромъ онъ эти отроги
Искалкъ въ дѣлѣ своемъ,—
Идетъ теперь валиный и строгій
Съ фельдфебелемъ русскимъ вдвоемъ...
Въ лохмотьяхъ... но съ Русскими вмѣстѣ
Огъ въ отчужденіи пролезъ,
Огъ дозвлялъ до радостной мести,
Огъ въ этихъ горахъ—прозонакъ...
И даже въ вечерахъ туманъ
Глаза его ярко горитъ:
Бѣгите, враги-мусульмане,—
Идетъ крестовосецъ отрядъ!
Исполнялась вѣчная дума,
Огъ шепчетъ въ какомъ-то бреду:
«Съ отрядомъ до отнынъ Эрверума
Я завтра, старикъ, добуду»...

В. Опочининъ.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

КУМЪСОЛЕЧЕБНИЦА ЦАРСКИЙ ДАРЪ.
Подробности: Петроградъ, Славская ул., 25, кв. 7.
Подробные проекты высылаются по требованію.

**ЕДИНСТВЕННО УДОБНЫЕ
ДЛЯ ПОХОДА
съ отдѣльн. рефлекторовъ
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ,
Петроградъ, МОИСЕВАЯ, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗобрѢТЕНІЙ.**

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»
продается романъ
М. ЛЕБЛАНЪ
Необычайныя приключенія Арсена Люпена
Изданіе 8-е Цена 50 коп.

ВЛАДѢТЬ ЯЗЫКАМИ
является мечтой каждаго человѣка, но не всякій знаетъ о пользующейся
громаднымъ успѣхомъ
ЗАОЧНОЙ МЕТОДЪ
обученія иностраннымъ языкамъ по изданію «АКАДЕМІЯ ИНОСТРАН-
НЫХЪ ЯЗЫКОВЪ». Легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучи-
ванія наизусть грамматическихъ правилъ и словъ, каждый можетъ
въ короткое время изучить
ФРАНЦУЗСКИЙ, АНГЛІЙСКИЙ И НѢМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ.
КУРСЪ КАЖДАГО ЯЗЫКА СОСТОИТЪ ИЗЪ 10 ВЫП. Каждый выпускъ стоитъ 1 руб. 10 коп.
Краткій проспектъ бесплатно. Подробный за 15 коп.
Т-во «БЛАГО», Петроградъ, Николаевская, 44-73.

НОВАЯ КНИГА
САДЫ-ГОРОДА И ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ АНГЛІИ.
П. Г. МЯЖУЕВА.
Красивое изданіе. Больше 150 рисунковъ (8 цвѣтныхъ), плановъ и чертежей. Цена въ
коленкоромъ перешлетъ 5 р. 50 к. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магази-
нахъ. Складъ изданій—книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время»,
Невскій пр., 40.

**УРАЛЬСКІЕ
Драгоценныя Камни**
А. Ю. ПИЛСУДСКІЙ.
НЕВСКИЙ, 96 (уголь Надеждинской).
Изумруды, рубины, сапфиры, александриты,
цирконы, топазы и пр. и пр.
Пріемъ и быстрое выполненіе заказовъ
на всевозмож. ювелирныя издѣлія.
Художественная работа. Цены вѣ конкуренціи.
Телефонъ 168-95.

НОРМАЛЬНО
противъ запоровъ
Стомосигенъ Д-ра Антона Мейеръ
Стомосигенъ освобождаетъ желудокъ лег-
ко, нормально и пріятно. Предотвращаетъ
тошноту, изжогу, отрыжку. Стомосигенъ
абсолютно безвреденъ и отпускается
изъ всѣхъ апт. по рец. вр.
ПРІЯТНО

НОВОЕ ВРЕМЯ

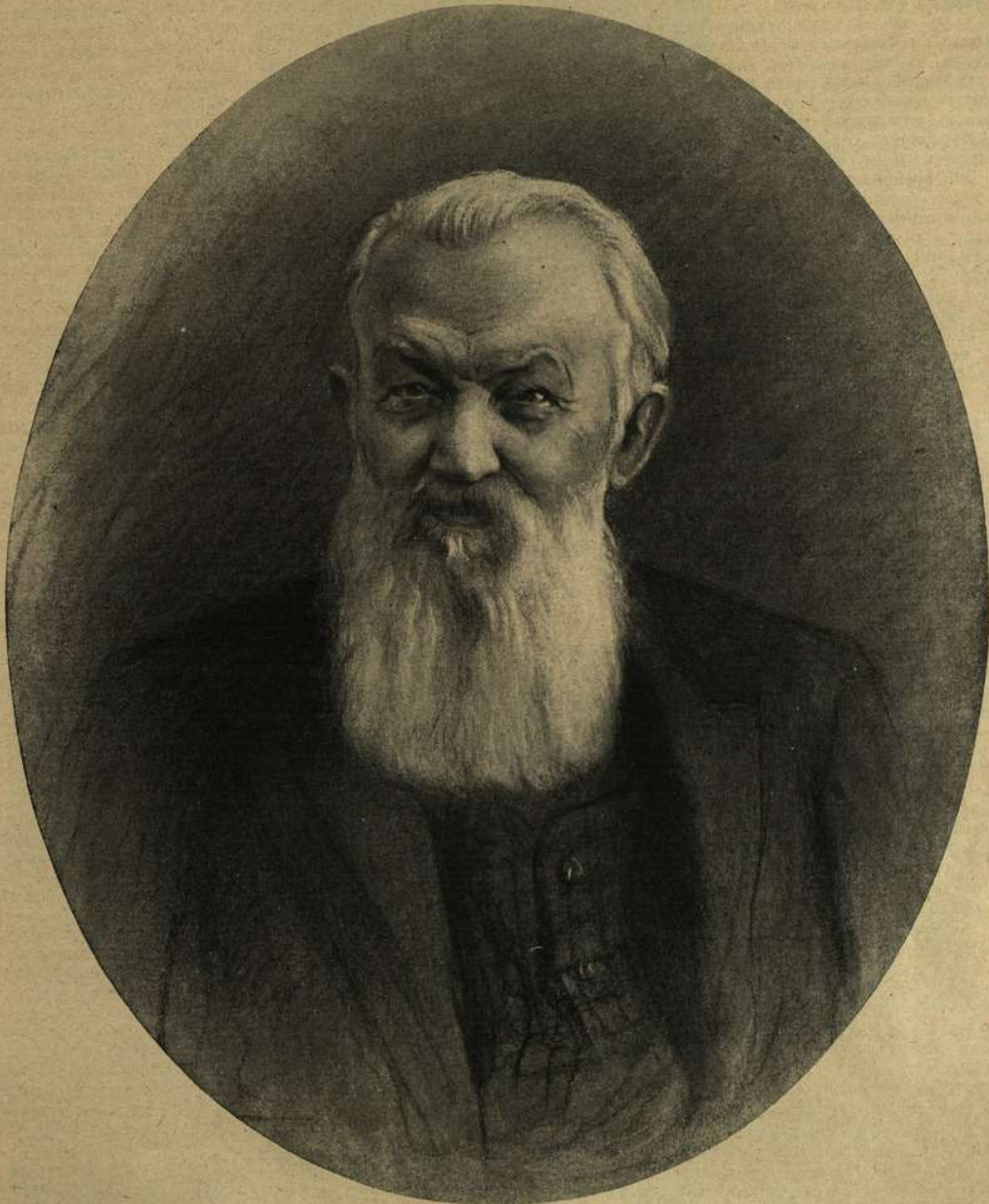
Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14360

ПЕТРОГРАДЪ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. 29 ФЕВРАЛЯ (13 МАРТА) 1916 ГОДА.

№ 14360

КЪ 40-ЛѢТІЮ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

Алексѣй Сергѣевичъ СУВОРИНЪ.

Родился 10 сентября 1831 года въ селѣ Коршеви, Вобровскаго уѣзда, Воронежской губ. Основатель «Новое Время»
29 февраля 1876 года. Скончался 11 августа 1912 года въ Царскомъ Селѣ.

но склонялись въ сторону побѣды Пруссіи, какъ-то хладнокрѣвно относились къ разгрому Франціи. «Голосъ» прямо доказывалъ, что усиленіе Пруссіи и объединеніе Германіи положительно угрожаютъ безопасности Европы, а особенно—Россіи, и въ рядѣ статей выяснилъ сущность отрицательныхъ сторонъ нарождающагося германскаго милитаризма.

IV.

Къ числу газетныхъ эфемеридъ, порожденныхъ шестидесятью годами, надо отнести «Очерки», издававшіеся Очяинымъ подъ фактическою редакцію Г. З. Елизеева, придавшаго газетѣ болѣе либеральный тонъ, нежели того хотѣлъ издатель. «Очеркамъ» не повезло уже по самому началу: едва вышло объявленіе о подникѣ на новую газету, какъ министръ народнаго просвѣщенія, въ видѣніи котораго находилась тогда цензура, получилъ запросъ, на какомъ основаніи объявленіе не соответствуетъ утвержденной программѣ? Выяснилось, что допущенное отступленіе имѣло въ виду не допустить, чтобы органъ, издаваемый «завѣдомо благонамѣреннымъ лицомъ», каковымъ считался Очяинъ, «не слишкомъ много терять по сравненію съ программами прочихъ газетъ». Очяинъ выпустилъ 94 номера газеты и, не слишкомъ добряя такимъ сотрудникамъ, какъ Шаповъ и Антоновичъ, предпочелъ «уйти подальше отъ грѣха», и прекратилъ газету, передавъ подписчиковъ только что выдѣлившимся изъ «Русскаго Инвалида», его неофициальному отдѣлу «Современнаго Слова». Органъ этотъ, созданный полковникомъ Писаржевскимъ, при ближайшемъ покровительствѣ военнаго министра, графа Д. А. Милютина, использовалъ довольно рѣшительные принципы, высказываясь «за полное развитіе личности, въ предѣлахъ разумнаго опредѣленія ея», «за свободную ассоціацію преобразованій», «за свободу труда и имущества» на основаніяхъ «развитія выборнаго начала, но безъ поголов-

Алексей Сергѣевичъ СУВОРИНЪ въ эпоху основанія имъ газеты «Новое Время».

смертной казни для политическихъ преступленій». Но послѣ появленія въ великаго князя Константина Николаевича «Недѣлю» въ 1866 году первое предостереженіе. А 5 іюня 1863 года кели, что онъ предложилъ Гайдебурову и

дальнѣйшее изданіе «Современнаго Слова» было прекращено по Высочайшему повелѣнію.

Въ простомъ расчетѣ на попятный интересъ общества къ благотворительной судебной реформѣ императора Александра II, дозволивъ таки малограмотный стенографъ Артоблевскій основать въ 1866 году газету «Гласный Судъ», куда залучилъ Гайдебурова, поэта Курочкина, и начинашаго критика Михайловскаго. Спекуляція Артоблевскаго не выгорѣла: бойкая оспора была подника потомъ упала, и газета потеряла всякую возможность существованія. Артоблевскій трогательно, — какъ вспоминаетъ Михайловскій, — распространилъ со своими немногочисленными сотрудниками и предложилъ имъ въ подарокъ—собственность на его «Самоучитель стенографіи», советуя, подъ прикрытіемъ стенографическихъ знаковъ, начать изданіе новой газеты, не опасаясь вниманія цензуры, но тѣ, конечно, отказались отъ этого курьезнаго плана.

Имя Гайдебурова получило въ исторіи нашей періодической печати тѣсную связь съ «Недѣлю», начатою въ 1866 году нѣкимъ генераломъ Мунтомъ, который, какъ выяснилось только гораздо послѣдѣ, былъ представителемъ Валуева, вслѣдствіи стремившагося «создать прессу». Но въ такомъ видѣ газета продержалась всего одиннадцать мѣсяцевъ, подписчики съ какою-то подозрительностью относились къ генеральскому предпріятію и упорно не шли въ контору «Недѣли». Ее приобрѣлъ книгопродавецъ Геммель, пригласившій въ редакторы своего постоянного сотрудника по изданію популярно-медицинскихъ книгъ, доктора Конрада, человека, съ большимъ литературнымъ знакомствомъ. Но, получивъ «Недѣлю» въ 1866 году первое предостереженіе, такъ обезкуражило Ген-гое предостереженіе. А 5 іюня 1863 года кели, что онъ предложилъ Гайдебурову и

НАНЪ ГОТОВИТСЯ КЪ ВЫХОДУ ВЪ СВѢТЪ ГАЗЕТА, СОСТАВЛЕННАЯ ВЪ РЕДАКЦІИ.

Часть большой газетной наборной въ типографіи «Новаго Времени». — Ручное отдѣленіе.

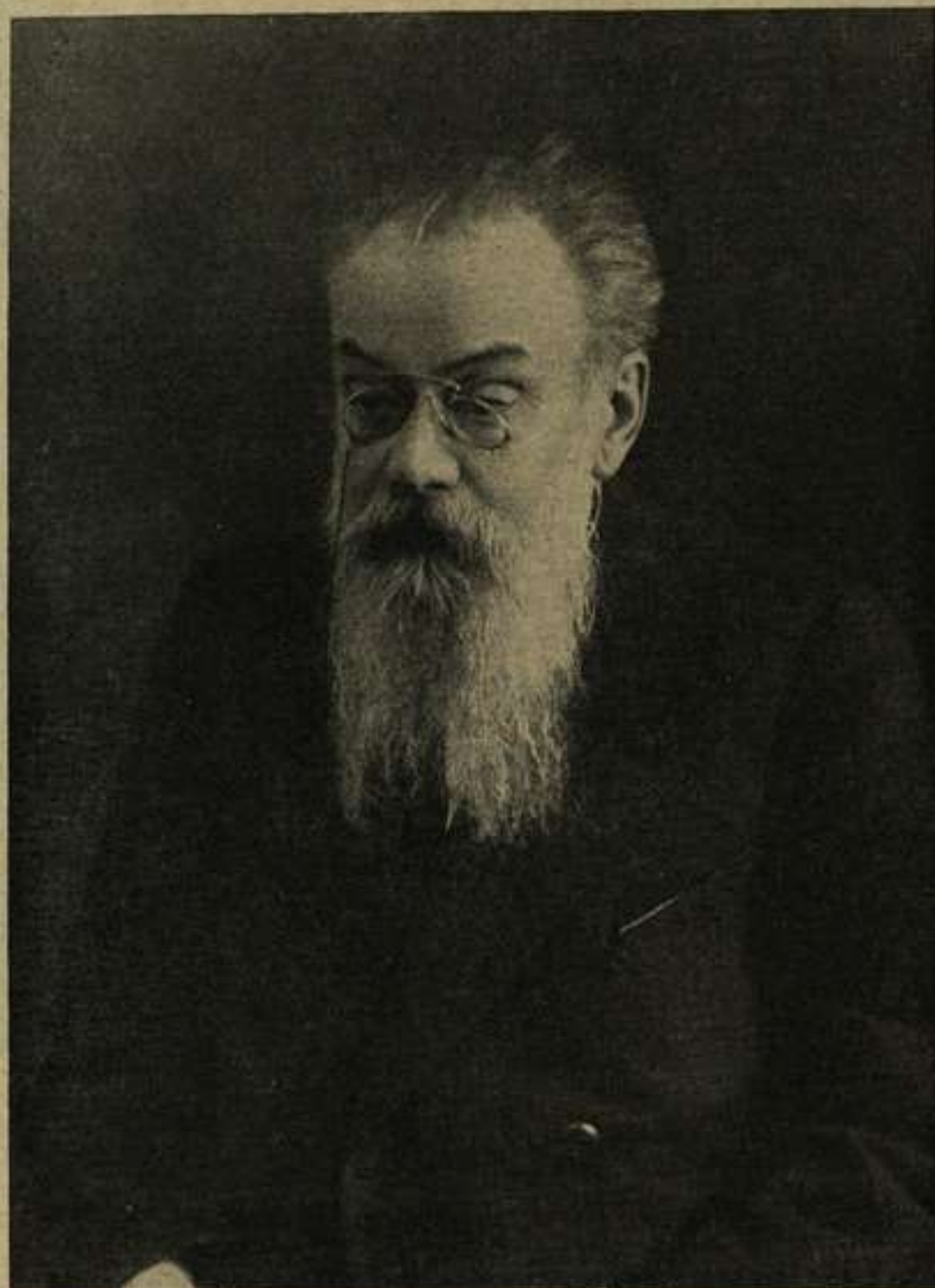
Въ этомъ отдѣленіи наборъ производится въ «ручную», т. е. наборщики или особые мелкіе ящики съ различными отдѣленіями («касетъ») берутъ отдѣльныя буквы нужнаго шрифта, имѣя передъ собою предназначенную къ печати статью или замѣтку («оригиналъ»). Съ наборъ дѣлается на ручномъ станкѣ оттискъ. Оттискъ этотъ вмѣстѣ съ рукописью поступаетъ корректору для свѣрки съ «оригиналомъ». Послѣ исправленія ошибокъ изъ этого набора уже составляются страницы газеты.

Съ фот. П. И. Волкова.

СОТРУДНИКИ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» СЪ ПЕРВЫХЪ ДНЕЙ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Викторъ Петровичъ БУРЕНИНЪ.

Богданъ Веніаміновичъ ГЕЙ.

его соотечественнику Росселю взять издательство «Недѣли» на свой страхъ и рискъ. Новая администрація принялась за дѣло съ увлеченіемъ и довольно быстро стяжала газетѣ въ цензурномъ ведомствѣ репутацію «неблагонадежной» и соответствующія предостереженія; два изъ нихъ были вызваны привѣтственными статьями по адресу только что провозглашенной французской республики. За третьимъ предостереженіемъ последовала шестимѣсячная приостановка газеты, что привело къ распаду газетнаго товарищества и къ выходу изъ его состава Росселя, послѣ чего редакторскія обязанности перешли всецѣло къ Гайдебурову. Теперь «Недѣля» уже выступила на путь борьбы съ «кружковою окаменѣlostью либеральнаго догматизма, представляющей собою гробъ для всякой свободной, самообытной инициативы». Официальнымъ редакторомъ газеты продолжалъ по прежнему числиться Генкель. Когда онъ отказался отъ своихъ номинальныхъ обязанностей, газетѣ пришлось замѣнить подвернувшимся вынужденному перерыву. А затѣмъ въ хозяйствѣ «Недѣли» вошли и новыя лица: артиллерійскій офицеръ Рагозинъ и отставной морякъ Кашауровъ.

Въ новому періоду «Недѣли» относится дѣятельное участіе въ ней Шелгунова, Потоцкого, Ореста Миллера и друг.

Снова на «Недѣлю» обрушились два предостереженія, и въ результатѣ ихъ газету покинулъ Рагозинъ, оставивъ Гайдебурова уже единственнымъ издателемъ «Недѣли», а съ 1876 г. послѣдній сталъ и отвѣтственнымъ ея редакторомъ. Дальнѣйшая жизнь газеты, подъ исключительно Гайдебуровскимъ управленіемъ, въ задачи настоящей замѣтки не входитъ, какъ проекція на нашей памяти.

V.

Если поднять разговоръ о какой-либо оппозиціи со стороны печати шестидесятихъ годовъ въ отношеніи реформаторскаго духа этой замѣчательной эпохи, то сей-

часъ же припоминаются потуги Сварянской «Вѣсти» съ ея безымяннымъ брызжаньемъ, заимствованнымъ ею изъ своего предшественника—«Русскаго Листка».

«Вѣсть» въ сдержанной, но откровенной формѣ неустанно указывала на всю гибель-

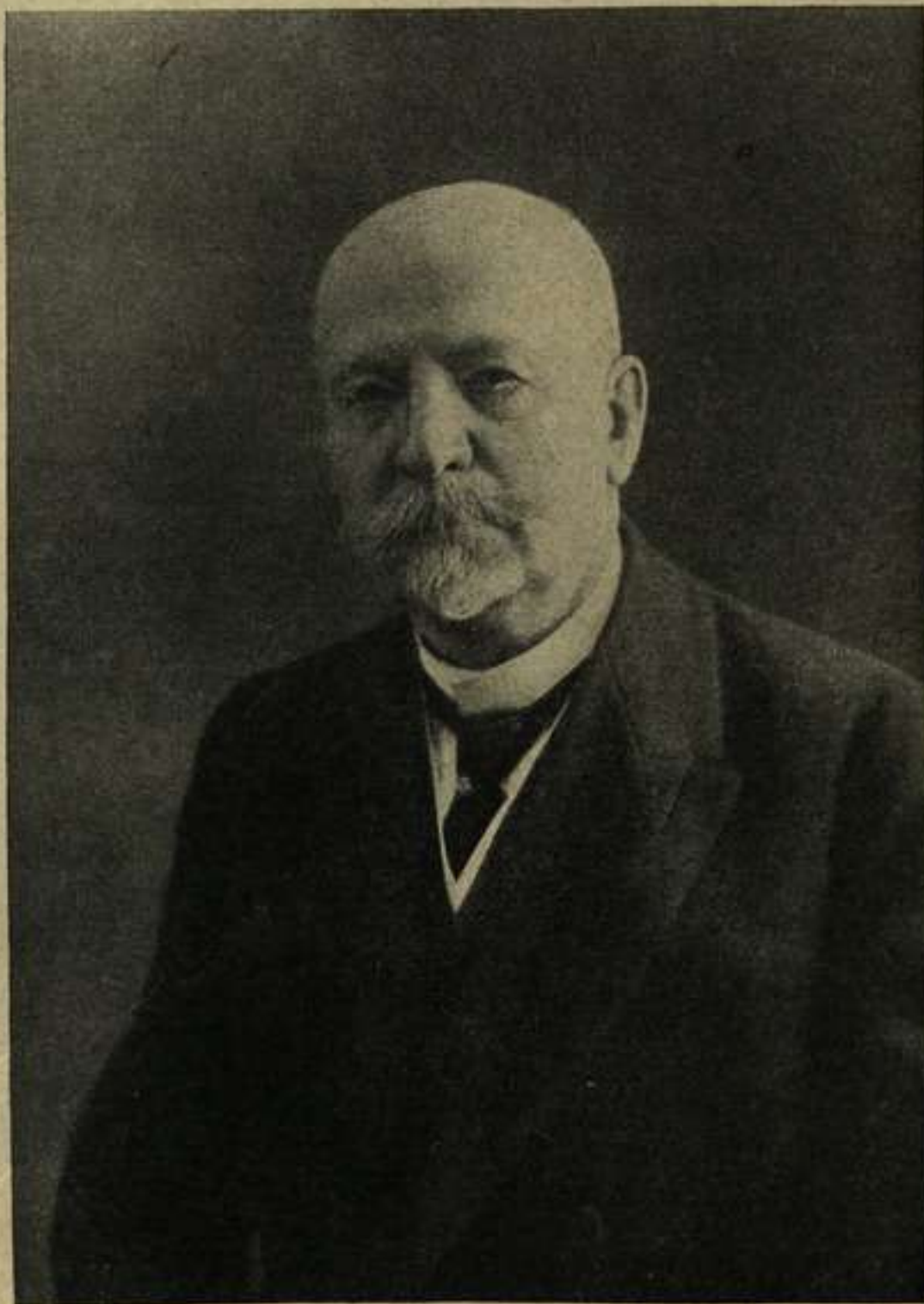
ность для политическаго и экономическаго благосостоянія государства упраздненія общественной опеки помещика надъ крестьяниномъ, совершенно неспособнымъ, по убѣжденію газеты, къ самостоятельности. Частое любила она прибѣгать къ выпадамъ, въ

родѣ того, напримѣръ, что привлекать къ общественнымъ дѣламъ слѣдуетъ предпочтительно «людей достаточныхъ, какъ нечуждые другіе подверженныхъ искушеніямъ и могущихъ надъ ними восторжествовать». Въ такомъ же духѣ была построена, напечатанная въ «Вѣсти», рѣчь одного изъ представителей недовольной части дворянства—графа Орлова-Давыдова, за что газета была приостановлена на восемь мѣсяцевъ. Все болѣе и болѣе теряя кругъ своихъ читателей и почитателей, «Вѣсть» угасла въ 1870 г.

Приблизительно на общей съ «Вѣстью» пивѣ не одинъ десятокъ лѣтъ бесплодно сыялъ плеведа публицистики «Гражданинъ». Мы разумѣемъ, конечно, не «Гражданина» Градовскаго, не «Гражданина» Достоевскаго, здѣсь начавшаго свой «Дневникъ», а газету нѣсколько позднѣйшаго періода, связанную съ именемъ покойнаго князя Менщерскаго.

Мы подошли къ нашимъ днямъ и ихъ газетамъ. Сорокъ лѣтъ назадъ было создано, подъ грозу военной непогоды на Балканахъ, «Новое Время». Его создателя уже нѣтъ. Новая страшная гроза разразилась уже не надъ нами только, а надъ всей Европой, затронула интересы всего свѣта. Съ какою страстностью и любовью къ Россіи отозвался бы на тяжелое испытаніе, постигшее его родину, А. С. Суворинъ, какъ горѣлъ бы онъ въ тѣхъ событіяхъ, какія мы теперь переживаемъ! Не измѣняя завѣтамъ своего основателя, «Новое Время» вступая въ пятый десятокъ своей жизни, во вторую половину вѣка своего служенія родинѣ, въ тѣ великіе дни, когда надъ Россіей загорается новая свѣтлая зари, поступаетъ новое время!

В. Анд.—ъ.

Александръ Петровичъ НИКОЛЬСКІЙ.

Изъ пер

Въ «Ново
небольшія
пять двухъ
А. А. Фета
была переде
Жозефиной
посла. Печ
нашихъ ли
внѣ годымъ

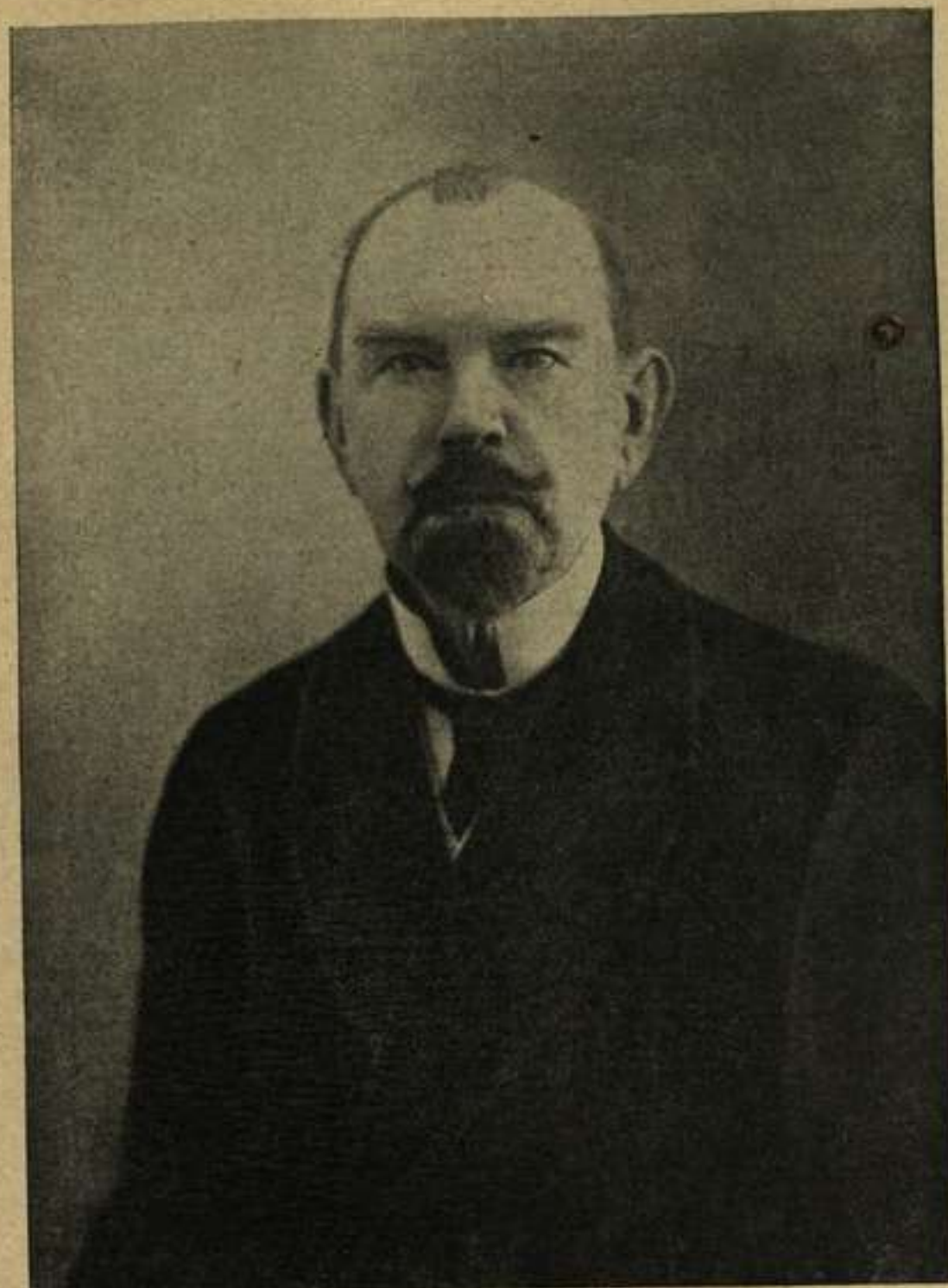
До

Такъ какъ
дарковъ оче
предельное
«Вечерній
вѣчно буде
не уойбно
за кажды
дошло, не
обычно съ
наго, т.-е.
добрѣйшей
ренис пода
ніе. Цѣлую
въ ноги н
въ дверяхъ
какъ это
въ соседне
лѣтъшцу.
досада бы
пишущей
рого стоа
тить мног
подарки. П
сѣ высыл
дождаться
котрѣя н
визитъ въ
визита
ло, то
у васъ
ность пер

• Жена

Алексей Николаевич МАСЛОВЪ.

Михаил Михайлович ИВАНОВЪ.

Изъ переписки двухъ поэтовъ.

Въ «Новомъ Времени» уже помѣщались небольшія извлеченія изъ переписки нашихъ двухъ поэтовъ — Я. П. Полонскаго и А. А. Фета (Шенигина). Переписка эта была передана покойному А. С. Суворину Жозефиной Антоновной Полонской, женой поэта. Печатаемыя здѣсь новыя письма нашихъ лириковъ относятся къ послѣднимъ годамъ переписки.

28 октября 1890 года.

Дорогой другъ
Яковъ Петровичъ!

Такъ какъ языкъ у меня одинъ, а подарковъ вчера я получилъ отъ тебя два — прелестное письмо и прелестную книжку «Вечерній Звонъ», на которой соловей вѣчно будетъ пѣть, сидя на арфѣ, то я не успѣю поблагодарить тебя достаточно за каждый изъ подарковъ, какъ бы слѣдовало, не зная, съ чего начать. Начну по обычаю съ самаго существеннаго и насущнаго, т. е. съ душевной признательности добройшей Жозефинѣ Антоновнѣ* за памфлетъ подарить мнѣ полное твоё сочиненіе. Цѣлуя ея руку, я чуть-то и бѣгу во всѣ ноги къ вамъ навстрѣчу, дабы стать въ дверяхъ съ растопыренными руками, какъ это дѣлаютъ передъ дѣтьми, когда въ сосѣдней комнатѣ разломали полъ или лѣстницу. Поясно мою мысль: не такъ досадно бываетъ мнѣ, на ряду со своей пишущей братней, раздавать даромъ дорого стоящаго изданія, какъ обидно платить иногда значительныя деньги за свои подарки. Поэтому прошу васъ не торопиться высылкою тяжелой книжки по почтѣ, а дожидаться пріѣзда въ вамъ Е. Д. Душтеръ, которая непременно желаетъ отдать вамъ визитъ въ Петроградъ. Если бы даже этого визита почему-либо не послѣдовало, то при больномъ знакомствѣ у васъ всегда найдется возможность передать такую небольшую посылку

* Жена Я. П. Полонскаго.

подъ лажку отъѣзжающему въ Москву знакомому. Но отъ жизненной прозы перешелъ, наконецъ, къ поэзіи.

Сердечно радуюсь, что тебѣ такъ понравилось «Упрекомъ, жалостью внушеннымъ», — стихотвореніе, говоря о которомъ ты сумѣлъ снабдить тѣмъ тонкимъ вздохомъ, котораго я, при всемъ желаніи, не

сумѣлъ дать ему. Хорошо, что оно выразилось достаточно понятнымъ чуткому уху поэта. Въ свою очередь, земно кланяюсь умѣешь такъ живо и неподражаемо гоббъ за наслажденіе, названное «Вечер-очеловѣчить природу, какъ это никому и не удалось». Вчера я не могъ удержать себя, чтобы не прочесть жемъ и союченіи Цертелева за вечернимъ у нихъ чаемъ «Подростка» и «Свѣтлое Воскресенье»: по-

слѣднее представляеть обычное и своеобразное торжество твоей музы. Только ты можешь такъ живо и неподражаемо очеловѣчить природу, какъ это никому и не удалось. Какъ прелестно:

«На бутрахъ камня обнажили
Лыжи»...

Какая прелесть твой «Лебедь»! Ты совершенно правъ, полагая, что человекъ, не пережившій лично всего любовнаго томленія во всевозможныхъ его отбѣскахъ, неспособенъ писать о немъ; но человекъ, безповоротно терпящій пережитые душевные моменты, не можетъ называться поэтомъ. Что за дѣло, что жизнь научила меня химіи, и я знаю, что основныя части сливочнаго масла и салыной озвѣки тождественны? Это не помѣшаетъ мнѣ оттолкнуть котлетку, отпающую саломъ, и насладиться слойкой, отсылающейея слизками. Если судить объ умѣ человека по известному двустишию Лютера*, — то по моей безпримѣрной привязанности къ этимъ хорошимъ вещамъ я долженъ поступить въ самый послѣдній номеръ журналь. Брѣжнѣсть этихъ предметовъ не только не уменьшаетъ въ моихъ глазахъ, но и возвышаетъ ихъ цѣнность.

Въ отвѣтъ на твой «Вечерній Звонъ» въ началѣ ноября получишь четвертый выпускъ «Вечернихъ Огней».

Поблагодари отъ меня любезнаго Александра Яковлевича** за готовность помочь мнѣ, которою я едва ли воспользуюсь.

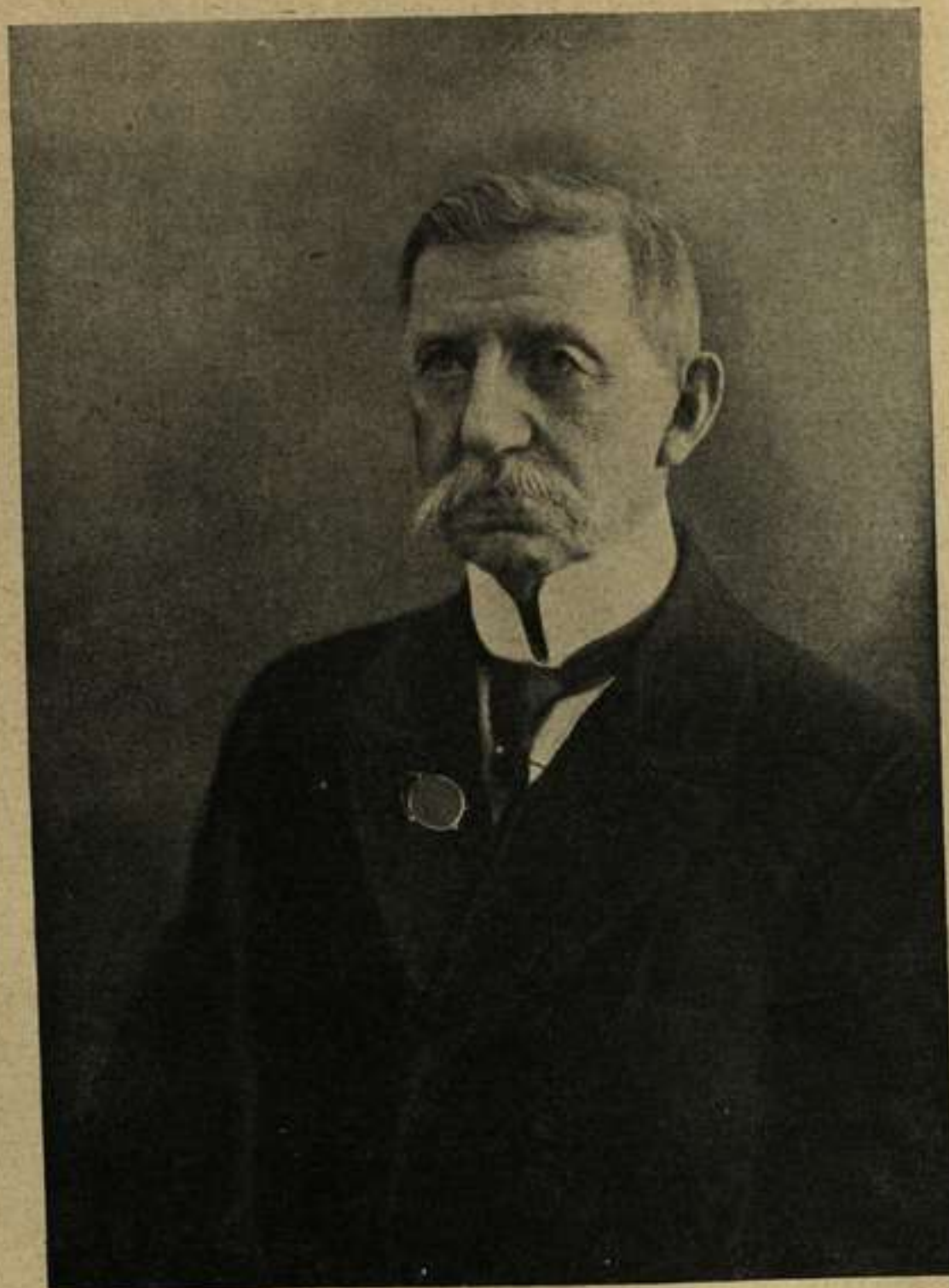
Сейчасъ видѣлъ Петра Петровича Боткина — главу фирмы, — который сказалъ мнѣ, чтобы я попросилъ васъ, засернувши посылку въ бумагу, передать ее въ Гостинный дворъ, въ амбаръ Петра Боткина сыновей, Аркадію Петровичу Константинову для доставленія А. А. Шенигину черезъ контору Боткиныхъ.

Вотъ я и успокоился на счетъ пересылки книги.

Неизмѣнно преданный А. Шенигинъ.

* Кто не любитъ вина женщинъ и пѣсни, — тотъ всю жизнь проживетъ дуракомъ!

** Сыпь Я. П. Полонскаго.

Василій Алексѣевичъ ПРОКОФЬЕВЪ.
Въ «Новомъ Времени» съ 1877 г.

Домъ № 6 на Эртелевомъ пер. въ Петроградѣ, гдѣ помѣщается редакція «Новаго Времени».

Домъ типографіи «Новаго Времени» на Эртелевомъ пер., 13.

125. Знаменская ул., 26.
Дорогой мой другъ,
Афанасій Афанасьевичъ!

У меня нѣтъ уже ни боли, ни лихорадочнаго жара; но я не считаю, не могу считать себя человѣкомъ здоровымъ. Раза три въ день пью подогрѣтое Виши, держу діету, никуда не выхожу, хандрю и глупѣю. Мы съ тобой, какъ умные люди (до того умные, что насъ связываютъ даже такія противорѣчія, которыя, повидимому, несомнѣетимы!), не можемъ не считать болѣзнью всякій упадокъ умственныхъ силъ или таланта... А я не могу не сознавать, что иногда отъ беззачиницъ и невольнаго ничегонедѣланья мозги мои не только не отдыхаютъ, а, напротивъ, такъ торопливо и такъ непослѣдовательно выгоняютъ одну мысль за другой, что... право, боишься съ ума сойти!

У великаго князя Константина болѣзнь ребенокъ, Гавріиль Константиновичъ; я узналъ объ этомъ изъ записки Я. К. Грота, и, вотъ, вздумалось мнѣ письменно спросить великаго князя о здоровьи его сына, и при этомъ написалъ я такое глупое письмо, съ такими претензіями на остроуміе, что... одно воспоминаніе объ этомъ письмѣ бросаетъ меня въ краску!..

Дни три не получалъ я отвѣта и думалъ, что его высочество имѣетъ полное право считать меня дуракомъ, а потому и не удостоиваетъ меня своимъ отвѣтомъ, и, вообрази!—вчера пришелъ отвѣтъ, въ которомъ великій князь благодаритъ меня за любезное письмо и пишетъ, что сынокъ его, дѣйствительно болѣзнь, что у него брюшная тифъ, и что вотъ уже тринадцать дней, какъ жаръ, доходящій до 40 град., не прещаетъ.

Болѣзнь все въ томъ же положеніи, и они все въ такой же тревогѣ. Всегда думать я, что великій князь очень добръ, но такой доброты я, признаюсь тебѣ, и ожидать не могъ!

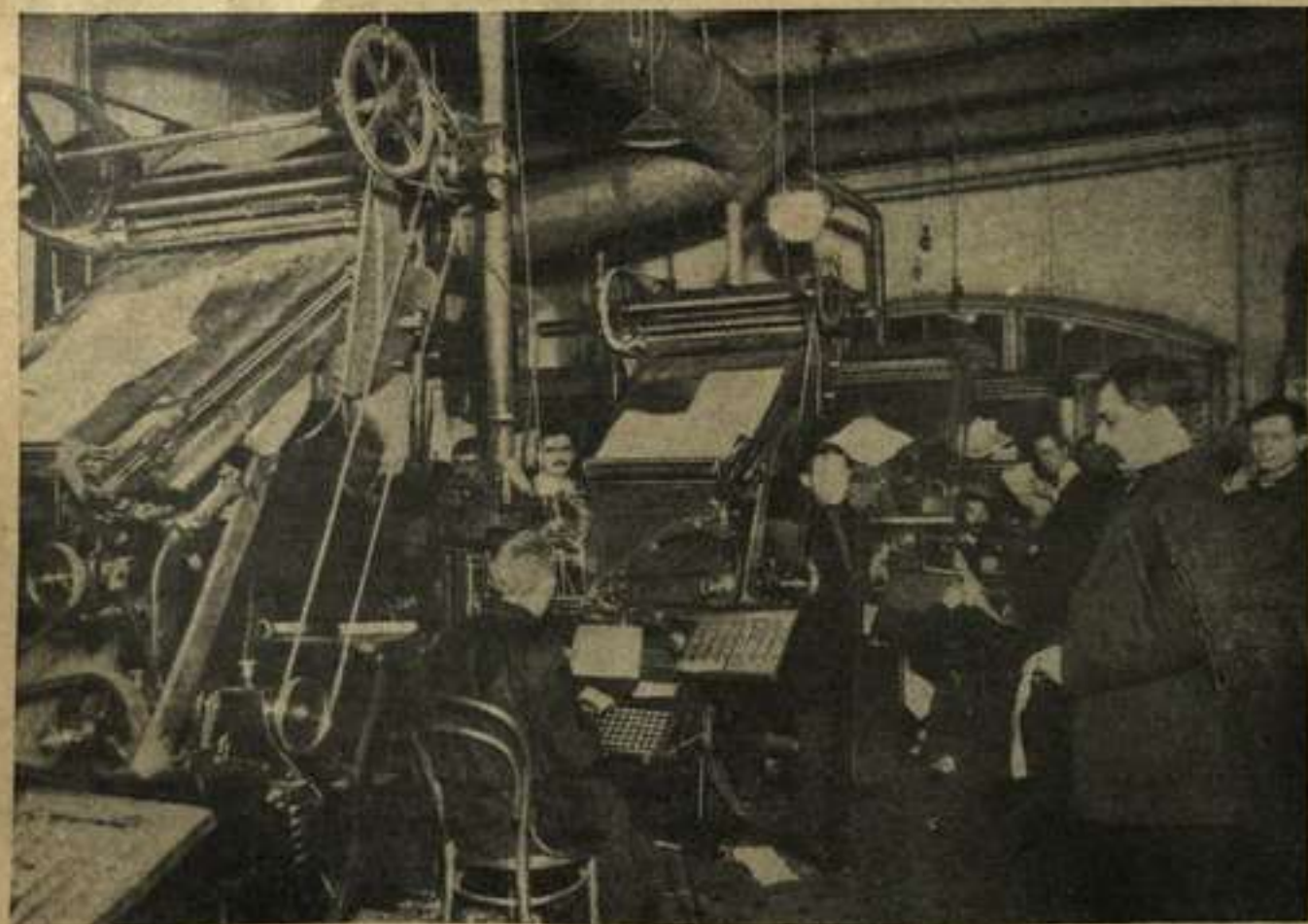
Редакторы хоть и знаютъ, что я болѣзнь, пристаютъ ко мнѣ, чтобы я на январь далъ имъ непременно стихи... Господи Боже мой!.. Далъ я одно стихотвореніе Марксу, но чего мнѣ и стоило оно—это проклятое стихотвореніе!.. Не отъ него ли я и болѣзнь?.. Не только теперь въ старости, я и въ молодости не отличался изобиліемъ лирическихъ изліяній... Между твоими стихотвореніями немало самородковъ золота—золота, такъ сказать, приготоваеннаго въ видѣ слитка, самой природой. А я, чтобы добыть это золото, долженъ толочь руду, промывать ее, словомъ, продѣлывать всю процедуру терпѣливаго и настойчиваго добыванія. Теперь руды все больше и больше, а золота все меньше и меньше.

Надѣнь былъ ей по-всусу, умдиль ей понятнымъ ей нытьемъ и недовольствомъ, и въ два года стиховъ его разошлось чуть ли не девять изданій. Далеко намъ съ тобой до такой славы!.. Если мое изданіе въ 1.100 экземпляровъ разоидется въ два года, то и за это надо будетъ судьбу благодарить!..

Вотъ недавно восхищался я твоими стихами въ «Русскомъ Обзорнѣ»,—я что же? Былъ ли объ нихъ какой-нибудь отзывъ въ нашихъ литературныхъ журналахъ? Поймутъ ли ихъ наши студенты? Такая идеализація красоты доступна ли нашимъ барышнямъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Бей толпу дубиной по головамъ, или кричи караулъ, тогда будутъ передъ тобой кувыряться и данью своихъ рабскихъ восторговъ обогащать тебя.

Иду и буду ждать твоихъ «Вечернихъ Огней». Хотѣлось бы сказать: всѣ ждутъ, всѣ нашъ интеллигентный міръ ждутъ «Огней» твоихъ,—но, увы, этого никто не скажетъ!

КАКЪ ГОТОВИТСЯ КЪ ВЫХОДУ ВЪ СВѢТЪ ГАЗЕТА, СОСТАВЛЕННАЯ ВЪ РЕДАКЦИИ.

Газетная наборная типографіи «Новаго Времени». — Машинное отдѣленіе.

Здѣсь производится наборъ газеты специальными наборными машинками системы «Линотипъ», съ самоотливными аппаратами. Работа наборщика пронеходитъ на особой клавиатурѣ, каждый клавишъ которой соотвѣтствуетъ определенной буквѣ или знаку. Наборная строка механически подается къ отливному аппарату, гдѣ и отливается или цѣлой строкой или отдѣльными буквами. Исполнованныя строки машиннаго набора послѣ печати снова расплавляются.

Спасибо тебѣ за стѣзливый голосъ моему «Вечернему Звону». Я не мало получаю сочувственныхъ и хвалебныхъ писемъ, по вѣваю, что отъ этого ни на волосокъ не подвинется продажа моего изданія. У толпы

Очень меня радуешь, что Аля* мой раз-
* Сынъ Я. П. Полонскаго, Александръ Яковлевичъ.

Заслуженный ментранпажъ «Новаго Времени» Гавріиль Петр. САФРОНОВЪ. Въ газетѣ съ 1878 года.

Здѣсь съ н...
рестить...
лидры. Ч...
ополобомъ...
вется бул...
сланнаго...
сланный п...
масы, мат...
ками метал...
люцій ве...
дровъ или...
текомъ г...

дѣлаетъ мой

Послать я...
му, въ Киев...
ни отвѣта, н...
онъ Киевъ,
Вильны, отъ...
его будущей...
тельный бы...
приглашеніи...
на русской,
сты «Рубецъ»

Мысленно...
какъ не мож...
своей комна...
онъ побовѣт...
залъ и маст...
я думаю, нѣ...
биветъ, пок...
тыхъ дверямъ...
меня въ кам...
у вась, я б...
превративш...
бы не могла...
сего посланіи

Всѣ сіе со...
твою, и уди...
беспрестави...
Это терпѣн...
твоюмъ носѣ...
тѣмъ дали...
стомъ.

Твой био...
мнилъ мнѣ...
Москвы оит...
Недавно об...
Бергенсона...
что Григор...
гда еще зд...
Вотъ тебѣ...
важные мнѣ...

Я, кон...
Г...
Что з...
А...
И за т...
Э...
Я дру...
Н...
Что, и...
И при...
И за т...
И тащ...

• Л. В.

Знаменская, 26, кв. 8.

«Стереотипное» отделение типографии «Нового Времени».

Здесь съ набора отливают «стереотипы» — свинцовые «полосы» (страницы газеты). Стереотип — точная копия набора. Для газет эти «полосы» представляют собою полуцилиндры. Чтобы получить «стереотипы», готовят «матрицы» — склеенные особым способом листы пропускной и шелковой бумаги. На них особым способом выдалбливается будущая страница газеты, оставленная до этого из набора, разбейденная («верстланная») в порядке отбивки газеты метранпажем, — листом, приготовляющим прикладной из редакций текст к печати. Полученный таким образом из бумажной массы «матрица» съ обделанным текстом газетной страницы вкладывают между станинами металлических полуцилиндров, куда вливается расплавленный свинец, заполняющий все впадины на «матрице» места. Через несколько минут из полуцилиндров поднимают готовые свинцовые «полосы» съ полученным на них уже выгуклым текстом газеты. «Полосы» потом подчиняются въ вероносетяхъ особыми инструментами и затѣмъ опускаются на подъемной машинѣ въ печатню.

дбляет мои вкусы и любить стихи твои...

Послать я одну книжку къ Кулаковскому въ Киевскій университетъ; но отъ него ни отвѣта, ни привѣта. Ужъ не бросилъ ли онъ Киевъ, женившись въ Выльбѣ? Изъ Выльбы, отъ 1 октября, я получалъ отъ его будущей тещи печатный приглашенный билетъ на свадьбу. Изъ этого приглашения я заключаю, что онъ женился на русской, такъ какъ фамилия его невесты «Рубцева».

Мысленно глубоко сожалею, что ты никакъ не можешь свыше 15 град. натопить своей комнаты... Позови печника, — авось онъ посоветуетъ, что сдѣлать! У насъ въ залѣ и мастерской, гдѣ дбнитъ жена моя, я думаю, нѣтъ и 13 град., но у меня въ кабинетѣ, пока топится каминъ, при закрытыхъ дверяхъ, вчера было 17 град. Будь у меня въ кабинетѣ такой же холодъ, какъ у васъ, я бы вылъ по-волчьи, и рука моя, превратившись въ тусиную лапу, ничего бы не могла писать, и ты бы не получила сего посланія.

Всѣ съеображая, глубоко цбню письмо твоѣ, и удивляюсь твоему чихающему и беспрестанно сморкающемуся терпбнью. Это терпбнѣ несомнбнно олицетворено въ твоѣмъ носѣ — и чѣмъ онъ красивѣе и толще, тѣмъ дальше отъ охотства съ твоѣмъ бюстомъ.

Твоѣ бюстъ почему-то вдругъ напомнилъ мнѣ Григоровича, но съ прѣзда изъ Москвы онъ ни разу не навѣстилъ меня. Недавно обѣдалъ онъ у нашего доктора Бертенсона *, и Бертенсонъ говорилъ мнѣ, что Григоровичъ такъ здоровъ, какъ никогда еще здоровъ не былъ, слава Богу!

Вотъ тебѣ на закуску стихи, продиктованные мнѣ хандрой и безсонницей:

Я, конечно, благодаренъ
Господу за то,
Что зимой ношу я шубу,
А весной — пальто,
И за то, что отъ насмѣшекъ
Защища честь,
Я другимъ предоставляю
Ненависть и месть,
Что, и алаясь, я часто слышу:
«Экій онъ добрякъ!»
И притомъ, не вѣря людямъ,
Не свиню въ кулакъ...
И за то, что доизнаю я
До почтенныхъ лѣтъ,
И ташу, большой и хилый,
Грузъ пустыхъ суевъ,

* Л. В. Бертенсонъ.

И за то, что ни минуты
Нѣтъ покоя мнѣ,
За безсонницу, за грезы
Свѣтлыя — во снѣ.
За безденежную славу, —
Даже за стихи,
И за все, чѣмъ я наказанъ
За свои грѣхи!

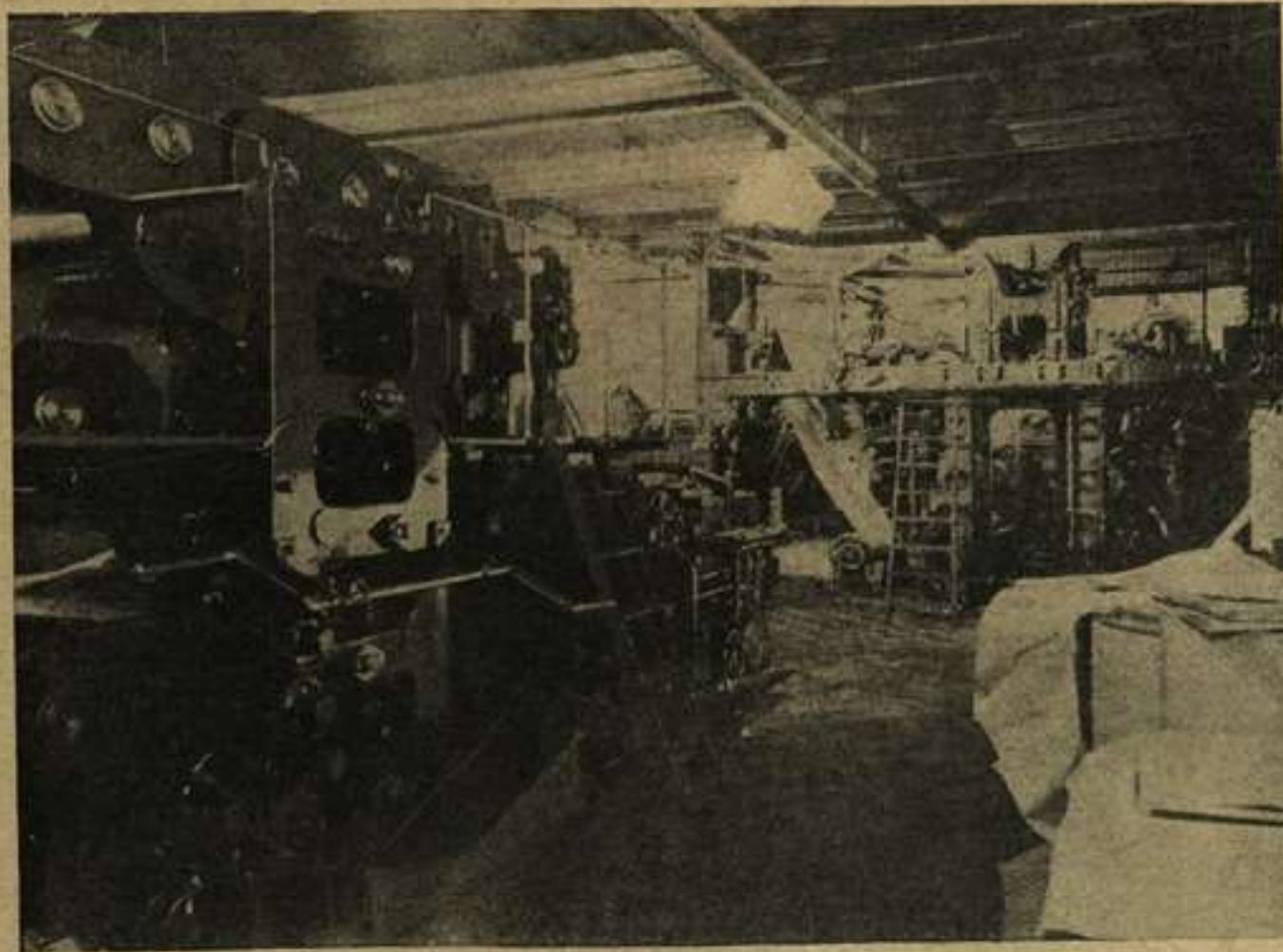
Послѣ такого экромпта, надюсь, ты самъ поймешь, что слѣдующій за этимъ стихъ не что иное, какъ: «хи-хи-хи-хи»!

Кланяйся отъ меня и жены моей и Наташи * твоей милой супругѣ и Ек. Владим. Будь бодръ душою и тѣломъ и, если хандрить, дѣлись со мной хандрой твоей, т. е. пиши мнѣ и радуй меня твоими письмами.

Твой Я. Полонскій.

12 ноября 1890 г.

* Дочь поэта Нат. Як. Елачичъ.

Газетная печатня типографии «Нового Времени».

Здѣсь находится нѣсколько огромныхъ, такъ называемыхъ романононыхъ печатныхъ машинъ, съ вращающимися цилиндрами и валами. Къ цилиндрамъ привнчиваютъ подающие по подъемной машинѣ изъ стереотипной мастерской «полосы», а валы раскатываютъ поступающую на нихъ механическимъ путемъ краску и покрываютъ ею приращенную къ цилиндрамъ «полосы», между которыми тнтся безконечная лента газетной бумаги. Отъ нажима на нее свинцовыхъ «полосъ» на ней и получается оттискъ газетной страницы. Бумага поступаетъ въ машину съ огромнаго вала, нѣсомъ отъ 17 до 20 пудовъ, въ видѣ котораго она доставляется съ бумажной фабрики. Печатная машина сама разматываетъ этотъ бумажный валъ и затѣмъ, пропустивъ размотанную бумагу между цилиндрами съ «полосами», сама рѣзаетъ ее на страницы и, наконецъ, сама складываетъ («фальцуетъ») страницы въ номеръ газеты. На особый прѣмный столъ машина выбрасываетъ уже совершенно готовые номера «Нового Времени». Когда газеты соберется цѣлая гора, ее увозятъ въ «экспедицію» для отсылки, а вмѣсто нея растетъ уже другая гора.

«Дорогой мой другъ
Афанасій Афанасьевич!»

Нѣтъ у меня бумаги съ моимъ вензелемъ, и это значитъ, что нѣтъ у меня и силы встать и похватать за эту бумагой на Большую Морскую. Словомъ, я все еще не получаю докторскаго благословенія высунуть носъ своей на улицу. Да и то сказать, какъ я побѣду на открытыхъ дрожкахъ, по морозу, и на простужу ногъ своихъ? Послѣ того, какъ я всячески прикрывалъ ихъ, и грѣлъ ихъ, (точно они стоятъ того, чтобъ на нихъ обращать вниманіе!). Сани же были — да сильны.

Мы ошиблись въ днѣ твоего рожденія и днемъ раньше послали тебѣ поздравительную телеграмму. Ну, не бѣда; лучше раньше, чѣмъ поздно, такъ какъ послѣдича: «лучше поздно, чѣмъ никогда», можетъ быть примѣнена только къ деньгамъ: лучше пусть поздно попадутъ онѣ въ карманъ нуждающагося, чѣмъ никогда.

Вотъ, ко мнѣ въ карманъ онѣ, кажется, никогда не попадутъ. Если не ошибаюсь, распродажа моего новаго изданія «Вечерній Звонъ» идетъ настолько вло, что никакихъ барышей не пророчить въ будущемъ. Дай Богъ, чтобъ окупилось изданіе. Успѣхъ Надсона доказываетъ только, что у насъ книги покупаютъ только молодежь на свои грошовыя средства, а вовсе не аристократія и не дѣловые люди. Мы съ тобой такъ стары, что молодежь никогда не повърятъ, чтобъ и мысли наши не были такія же стары: имъ и въ стихахъ подавай только такіе идеи, чтобы, соображаясь съ ними, они могли дѣйствовать по новому (!). Что же касается до художества, или такъ называемыхъ поэтическихъ красотъ, то — и мы не Греки и не Римляне... Это во первыхъ, а во вторыхъ, — съ жадностью читали и раскупали Писарева, который плевалъ на Шекспировъ и Пушкиныхъ, и не слово мы выстрѣлимъ эту писаревщину. Недаромъ Стасовъ до сихъ поръ считаетъ его великимъ человекомъ, а оставшіеся экземпляры его сочиненій продаются отъ 80 до 150 рублей за экземпляръ... И находятъ себѣ покупателей!

«Не любите спора властелинъ».

Управляющій типографіей «Новаго Времени» Иларіонъ Фед. БОГДАНОВЪ.

Принималъ участіе въ печатаніи перваго номера газеты, когда она печаталась еще въ типографіи Траншеля. Въ типографіи «Нов. Врем.» съ 1873 г.

т. е. духъ времени или та невѣдомая сила, которой и ты поклоняешься, — теоретически, по Шопенгауеру, признавая безсознательную, сирѣчь, бессмысленную волю, которая все создаетъ и всея управляетъ.

Слышу голосъ моего массажиста, а потому и прерываю письмо... Вотъ что значитъ писать къ тебѣ съ утра, — безпрестанныя помѣхи! Сейчасъ избавился еще отъ одного поствтителя.

Читай твоѣ стихотворенія въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Обзорнія: Изъ Высочества», очень тонкая, поэтическая похвала, — на такую тему никто не сумѣетъ написать такъ, какъ ты, и два послѣднихъ стиха въ такой явной враждѣ съ русской граматикой, что я не могъ этого не замѣтить.

Навѣтъ горныхъ словиднбй
И аромата...

Навѣтъ, — что? — требуетъ зптительнаго, а не родительнаго падежа. По-моему, было бы правильнѣе:

Навѣтъ рай святыхъ виднбй
И ароматъ эдемскихъ розъ.

Стихотвореніе «Въ полуночной тиши», очень мнѣ нравится, но, если не ошибаюсь, основной мотивъ не новъ: помнитъ мнѣ, еще въ Воробьевкѣ Страховъ читалъ мнѣ одно твоѣ стихотвореніе въ томъ же родѣ. Наконецъ, опять досадная, проклятая граматика, чтобъ ей на два, на покрывки!!

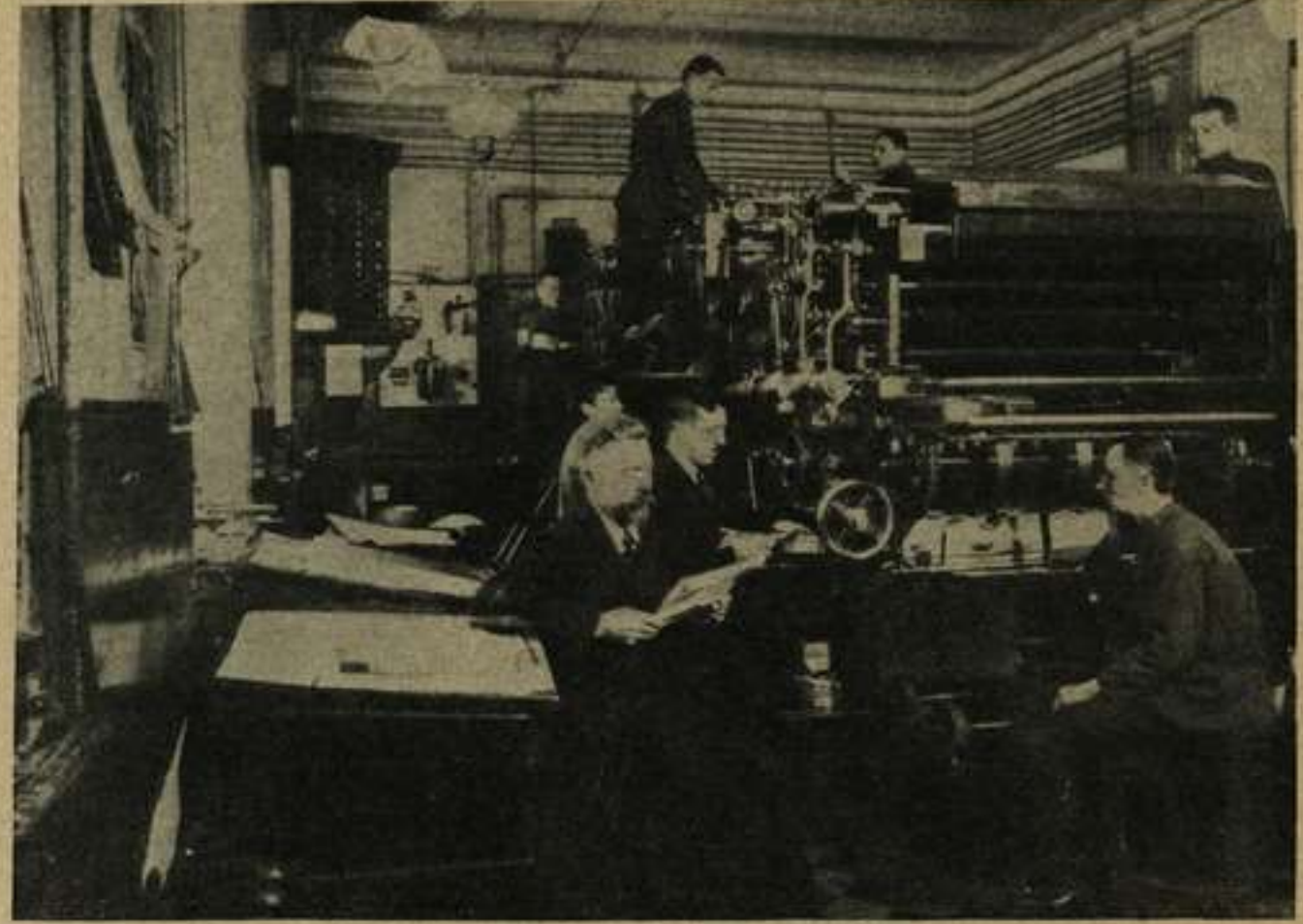
Какъ будто смертному потворствуя, онѣ Сопли съ божественныхъ подножій.

Кто онъ? Прекрасные друзья и развѣчанные боги, — откуда же вдругъ онъ?! По-моему, это недосмотръ, сдѣлавный ради рѣимы.

Если всего этого нельзя исправить, то, конечно, моя дружеская придирка ни къ чему не поведетъ. Но вѣдь ты давалъ же Страхову на просмотръ стихи свои? Или онъ, подкупленный твоей вдохновенной, и высоко-настроенной музой, на мимолетные грамматическіе дисонансы не обратилъ вниманія?! Аля и въ мои усердно тебѣ кланяются. Какъ прошелъ твой именинный обѣдъ? Какъ твоѣ здоровье и здоровье милой и хлзотливой твоей хозяйки? И что твой секретарь — Екатерина Владиміровна? Надюсь, твѣ московская зима благопріятно поддѣствовала на ея здоровье? Кланяется племянникамъ и племянницѣ. Моя Наташа учится пить у мад. Абазы, которой вдругъ

Цилиндрное отделение в типографии «Нового Времени». Здесь готовятся клише рисунков, помещаемых в текст газеты или приложений к ней.

Отделение типографии «Нового Времени» с американской машиной для печатания приложений. Машина эта печатает обычным способом и в красках.

почему-то вздумалось учить ее — на днях она с успехом играла на домашнем театре.

Я. Полонский.

1890. 27 ноября.

P. S. Так откровенно написано письмо, что сбило бы переписать, но и льня, и недосуг. Прости большого собрата.

Землевская ул., 26.

Дорогой друг
Афанасий Афанасьевич!

Вчера (в день моего появления на свет) начал я это письмо; но мнѣ мѣшала съ утра до 11 часовъ вечера; а въ 11 часовъ—я сталъ дремать,—и когда жена моя и дочь отправились по-сосѣдству къ имениннику Н. Каразину, легъ спать,—и такъ заснулъ, что не слышалъ ихъ возвращенія. Письмо это я хотѣлъ начать стихами, но въ памяти моей остались только четыре стиха:

Вечерній звонъ на западъ провожаетъ
Склоняющийся день,
Вечерне огни разбѣгаютъ къ ночи
Нахлынувшую тѣнь...

Если я начну предположить, что было дальше, то и сегодня, чего добраго, не откликнусь на любезное письмо твое и не поблагодарю за книгу «Вечерне Огни». Читая ихъ, я отмѣчалъ крестиками тѣ стихи, которые меня особенно, т.-е. вполне удовлетворяютъ,—и такихъ крестиковъ оказалось въ книжкѣ твоей не мало.

Сейчасъ привезли мнѣ «Новое Время». Глажу, — рѣчь идетъ о тебѣ и твоей книжкѣ. Ну, какъ утерять и не прочесть, что такое говоритъ о тебѣ Буренингъ? По моему, онъ выискиваетъ стихи—далеко не лучшие, и напрасно нападаетъ на всѣ стихи, писанные тобой по случаю. Ибо стихи, сказанные тобой на свадьбѣ Е. Д. Г. (если не ошибаюсь, твоей племянницы), по моему, одни изъ лучшихъ. Да и почему онъ знаетъ, искренни или не искренни стихи твои къ великому князю? Только (и я признаюсь тебѣ!) твой стихъ

«Я робко за тобой пою—

мнѣ не по сердцу.

Какъ можетъ муза твоя робѣть передъ музой, которая можетъ еще у тебя поучиться? Такимъ стихомъ можно еще обмолвиться передъ какимъ-нибудь гениемъ первой величины,—передъ Гете или передъ Байрономъ.

Въ последнемъ письмѣ твоемъ есть, между прочимъ, и праматическая замѣтка. Ты пишешь: «назвать можно сны, подобно тому, какъ можно вѣять гречиху и рожь». Тутъ, братъ, ты совершенно правъ,—но твоя правдивая фраза,—звѣдь употребившая винительный падежъ, вмѣсто родительнаго («сны», «гречиху», «рожь»), ведетъ къ тому, что окончательно нишнимъ столомъ. Страховъ не совсемъ можно только навѣять ржи, гречихи. По моему, ржи и гречихи можно, такъ какъ это предметы, дѣлимые на фунты, пуды, души кладеземъ. Кланяться племянницѣ и четверяки и разсыпавшися... На это есть указанія и въ праматикахъ—я люблю пить чай,—но я поспеваю фунтъ чаю, сахару, ржи, муки, или купи мнѣ гречихи, муки, похму... Можно и навѣять ржи и намолоть муку; но сны не подходятъ къ этому исключенно, и навѣять сновъ, по моему разумѣнью, едва ли праматически правильно,—если только не подразумѣвается количество: «мало», «много», «нѣсколько».

Спорю съ тобой только по прямѣру нашего учителя Пушкина: тотъ не разъ всгудалъ въ полежку изъ-за праматики. Впрочемъ, и то сказать,—у тебя вѣроятно какая сильная лирическая струя, что безпачазанно ломаетъ и праматику.

Звѣзды за горою
Свѣтятъ сквозь тумана.

И невѣрно, и незамѣнно!

Я знаю эти стихи наизусть, а мнѣ и въ голову даже не приходило, что за горю звезду не видишь, и что сказать «сквозь туманъ» правильно, чѣмъ «сквозь тумана». Извиня за пустыя придирки. Напички, когда ваши собираются въ Петербургъ, жалко, что меня не было у тебя за имениннимъ столомъ. Страховъ не совсемъ здоровъ. Книжки его не видалъ. Всѣ мы васъ помнимъ, любимъ и всѣмъ вамъ отъ это предметы, дѣлимые на фунты, пуды, души кладеземъ. Кланяться племянницѣ и четверяки и разсыпавшися... На это есть указанія и въ праматикахъ—я люблю пить чай,—но я поспеваю фунтъ чаю, сахару, ржи, муки, или купи мнѣ гречихи, муки, похму... Можно и навѣять ржи и намолоть муку; но сны не подходятъ къ этому исключенно, и навѣять сновъ, по моему разумѣнью, едва ли праматически правильно,—если только не подразумѣвается количество: «мало», «много», «нѣсколько».

Вашъ Я. Полонский.

7 декабря 1890 года.

Знаменская, 26.

Дорогой другъ,
Афанасий Афанасьевич!

Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ! Но намъ петербургскій свѣтъ по утрамъ, такого сорту, что надо зажечь свѣчи, чтобъ продолжать письмо мое. Одно утѣшительно: немного подсыпало снѣгу. Вотъ, что значить пожаловаться поэту на природу. Тотчасъ подслушаетъ! Впрочемъ.

• Жена А. А. Фета.

Экспедиция газеты «Новое Время». За работой передъ отправкой номеровъ газеты на почту.

честолюбив! Слишкомъ дв... дали Владиміръ въ газетахъ с... министерствѣ у одного Поло... дена». И въ н... моего либерал... лизмъ—несомн... точки зрѣніи... бѣтъ—все что—предложи... чень: чинъ и... превосходное за послѣднее. зія была мо... всю мою жизнь служилъ. Всю... саль—писалъ на закуску—... Когда въ мо...

Блѣдн, возво... Отъ гнѣва ж... Внималъ я тв... За жизнь, за... И вѣрилъ гл... Теперь, когда... Стоишь ты с... И улыбаешьс... И взгляды тв... Прости!—не в... Хочу сказать...

Или похвал... кулакомъ! Ве...

20 декабря... (Пр...

честолюбия! Безупречно служил и слишком двадцать пять лет,—и мне дали Владимира—только потому, что в газетах стали печатать: «Во всем министерстве внутренних дел только у одного Полонского нет ни одного ордена». И все это произошло не от моего либерализма! Цензор и либерализм—несовместимы, невозможны с точки зрения наших либералов.. Нет—все это происходит оттого, что—предложи мне судьба—что ты хочешь: чинь или возможность читать превосходное стихотворение,—я ухватился за последнее. Почему? Да потому, что поэзия была моей единственной страстью всю мою жизнь, и будь я богат, я бы не служил. Всю бы жизнь учился и писал—писал и учился. Но довольно,—на закуску—вот тебе стихотворенье:

Когда въ мой темный садъ вошла ты
привидѣнемъ,
Блѣдна, возволнована, и голосъ твой дрожалъ
Отъ гнѣва жалобно, — съ какимъ недоумѣнемъ
Внималъ я твоему признанью, трепеталъ
За жизнь, за честь твою, за рокъ тебѣ грозящій,
И вѣрилъ глубоко душѣ твоей скорбящей!

Теперь, когда въ вѣнкѣ, съ протянутой
рукой,
Стоишь ты свѣтлая, какъ свѣтлый призракъ мая,
И улыбаешься, и смотришь, выжидаая,
И взглядъ твой свѣтится лукавою мечтой, —
Прости!—не вѣрю я душѣ твоей, не вѣрю,
Хочу сказать — молчу, смѣюсь и лице-мѣрю..

Или похвали или расплющи мнѣ носъ кулакомъ! Весь твой

Я. Полонскій.

20 декабря 1890.

(Продолженіе будетъ).

Главный редакторъ газеты «Новое Время» Михаилъ Алексѣевичъ СУВОРИНЪ.

Бриллиантовый голодъ.

Разсказъ.

I

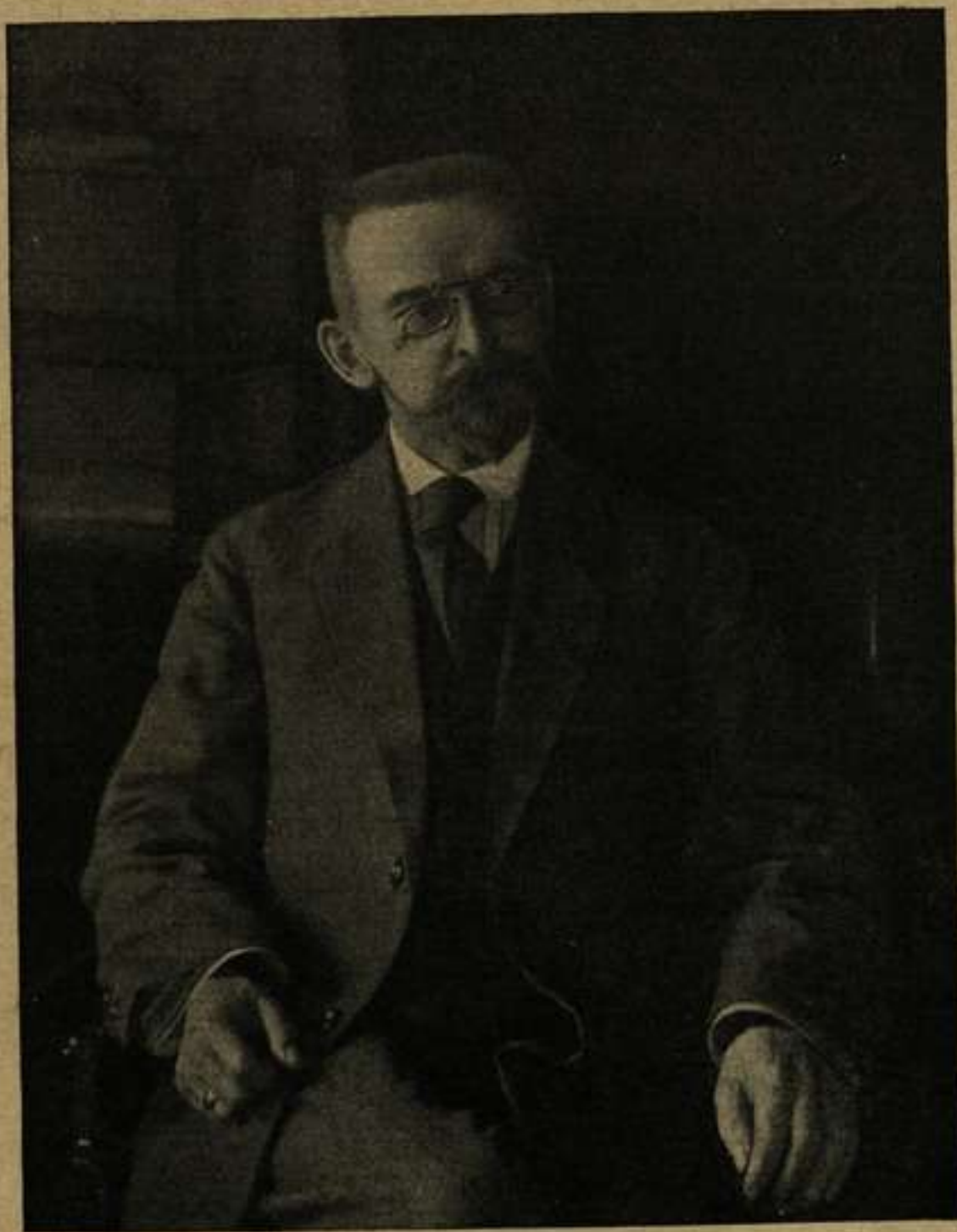
Изъ ресторана Кашалотовъ выходилъ хмурый и разстроенный, какъ онъ определялъ про себя. Было неприятно, что шефъ, который такъ умѣлъ угодить ему, захворалъ, и хотя онъ долго толковалъ съ его замѣстителемъ, молодымъ, жирнымъ, гладко выбритымъ поваромъ, Французомъ, и обсудилъ съ нимъ все детали своего меню,—все блюда были поданы не такъ, какъ онъ любилъ, и, по его мнѣнію, поѣлъ онъ плохо.

Расплачиваясь, онъ даже тяжело вздохнулъ, не о тѣхъ тридцати рубляхъ, что онъ выкинулъ за завтракъ,—такъ какъ жалѣть денегъ на себя ему было совсемъ несвойственно, но о томъ, что полтора часа у него прошли бесплодно: и не наѣлся, какъ слѣдуетъ, и нужныхъ ему людей, барона фонъ-Грошенмахера и князя Чекуладзева, которыхъ расчитывалъ встрѣтить, и отъ которыхъ зависѣли двѣ значительныя поставки, не встрѣтилъ.

Въ очень дурномъ настроеніи онъ стоялъ на подъѣздѣ, кутался въ хорьковую, съ сѣдыми бобрами, шубу и тупо глядѣлъ на подкатившій роскошный темноокрасный автомобиль, между тѣмъ какъ выбѣжавшій за нимъ солидный швейцаръ, лицо котораго выражало странную смѣсь важности, почти олимпійской, и почтительности самой хамской, осторожно и заботливо поддерживалъ его подъ локоть, точно онъ былъ фарфоровый, и если не поддержать его, упадетъ и разобьется.

Это было смѣшно. Главное, потому—что совсемъ не вышло съ фигурой Кашалотова, съ грузнымъ, большимъ, неуклюжимъ и несуразнымъ тѣломъ мужика, только недавно выльзшаго изъ нагольнаго тулупа и валенокъ и вльзшаго въ дорогіе мѣха и въ модные свѣтлосѣрые ботики.

Двѣ дамы, обѣ высокія, стройныя, долж-

Редакторъ «Новаго Времени» Михаилъ Николаевичъ МАЗАЕВЪ.

Редакторъ «Новаго Времени» и «Вечерняго Времени» Борисъ Алексѣевичъ СУВОРИНЪ.

«НОВОЕ ВРЕМЯ» 40 ЛЕТЬ ТОМУ НАЗАД.

Новое Время

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПЕЧАТНИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 1
Воскресенье, 29 февраля 1916 г.

ВООРУЖЕННЫЙ СЕЗОН
ПЕРВОЕ ПОЛУЧЕНИЕ НОВОСТЕЙ
ИЗ ЧИЖИХ ПАРЖЕВСКИХ ДРОВОК
BOUTOUTS, MANTELETS, ROTONDS и проч.
КОСТЮМЫ и ЛАКОВЫЕ ПАШИНЫ (модель)

МАГАЗИНЫ
ПЕТРОВА И МЕДВЕДЕВА
С. Петербург, Горный пер., № 119, 120, 121.

СКОПИНСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНК
(исполняет и заказчик капиталом 975,000 руб.)

ДЛЯ НАХОДКИ МАТЕРИ
ПРЕЖДЕ ВРЕМЕНИ
2-й К. Суворова
Телеграфный адрес: 119-120-121

Содержание номера: «Еженедельное обозрение».—Телеграммы.—Вместо нашей программы.—Административные новости.—Среди газет и журналов.—Петербургская хроника.—Листок.—Театр и музыка.—Письмо к редактору.—Внутренняя известия и корреспонденция.—Заграничные известия.—Судебная хроника.—Фельетон: Недельные очерки и картинки — «Незнакомца». («Незнакомец» — псевдоним А. С. Суворина; под этим псевдонимом он печатал свои фельетоны в «Спб. Ведомостях» В. Корша). Над фельетоном № 1 сообщение: «На дилж мы начнем печатание романа-фельетона из современной жизни под названием «Новое Время», Незнакомца и К.».

Из фельетона «Недельные очерки и картинки» в этом первом номере «Нового Времени»
А. С. Суворина:

«Для меня лично — в журналистике все: вся жизнь, все надежды, все радости. Я давно стремился к тому, чтобы иметь литературный орган, — вот, пожалуй, пятнадцатилетнего скитальчества, я, наконец, в своем доме... Приютить ли он меня лучше, чем тв квартиры, где я стою, — не знаю и ничего предугадывать не могу.

Путнику, отправляющемуся на пароходе в открытый океан, естественно думать, что он придет благополучно к своей цели. Она далека; волны и бури отбывают его от неа; пароход может погибнуть, и пловец отправится на морское дно или не доплывет до него, попадет в пасть акулы, ищущей своей добычи. Путник думает об этом, но думает эта мелькает тенью, то появляясь, то исчезая, она, наконец, совсем разбавается, когда он ступит на твердую землю. Наше плавание трудное и опасное. Цель от нас дальше; пароход наш — бумажные листы, океан — общественное мнение, столь же переменчивое, как погода, но у нас с вами не бурное. Напротив, оно такое тихое, как прибрежная зыбь, и почти не шевелится и не волнуется само, трещит, однако же, волнения от своего органа. И какого волнения?

Политическая страсти у нас не горят, ничего мы страстно не желаем,

Скопичинский городской общественный банк...
ДЛЯ НАХОДКИ МАТЕРИ...
Скопичинский городской общественный банк...
ДЛЯ НАХОДКИ МАТЕРИ...
Скопичинский городской общественный банк...
ДЛЯ НАХОДКИ МАТЕРИ...

НОВОЕ ВРЕМЯ
Контракт в К...
Наша жизнь...
Наша жизнь...
Наша жизнь...
Наша жизнь...

Снимок с первой страницы первого номера «Нового Времени», — Воскресенье, 29 февраля 1876 г.

по быть, еще молодая, одна краснорыжая, другая блондинка, цвета колоса ржи, с таким ослепительным цветом лица, который покупается только в самых дорогих парфюмериях, в щегольских туалетах, где шелк, бархат, мех, дорогие отдалки и модная бездельница представляли изумительное сочетание, ту капризную игру моды, которая не оправдывается никаким смыслом, но чем-то покоряет себя, — проходя мимо Кашалотова, замедлили шаги, и на мгновение остановили взгляд великодушных черных глаз, с такими рясинами и бровями, каких природа дала еще не научилась, но какія, в неограниченном количестве, длают все уважающія себя парикмахерския.

Кашалотов замечил это, но проводил их глазами, полными пренебрежения. Давно прошло то время, когда он таял под ласковой улыбкой красавицы, а сердце его трепетало и замирало от восторга, желанія и неуверенности в своих силах. Теперь сердце это так сбросило жиром, что уже не трепетало, а замирало оно уже не по прежнему, а только в тех случаях, когда у Кашалотова захватывало дух от нового свалывающегося куна, и когда, весь во власти тревожных и волнующих переживаний, с которыми врывались в его дла невротичные, умопомрачительные барышни, он оставившись наедине с самим собою, тяжело отдувался. ухал:

— Ух! Ух! Ну, и деньжищ! И казалось ему, что он физически ощущает тяжесть новых, прильвших к нему капиталов, что они давят его, пригнетают к землі, и вот-вот, того и гляди, раздавят, и он так и издохнет под их бременем.
А рядом росла удивительность, что люди — народ — дрян, что дорожка нег на озвѣтъ ничего нѣтъ и, что захоти только да трахин мощной, так, залось, что даже в глаза тебѣ смотреть будет, и за деньги кого захочешь, того и купишь: все дѣло въ цѣнѣ и въ товарѣ. А человеческая совесть и честь — тот же товар, который подороже, а который и подешевле, а на послѣдній конец все едино, все равно.
А про женщин и говорит нечего. Этим уж так на роду написано, чтобы товарачи начнешь — зароешься, да и товарачи этот денежный, за пару серег любую купишь, и еще не будет звать, как благодарить тебя.

Почти с этими мыслями смотрѣлъ Кашалотовъ вслѣд мимо прошедшим красавицамъ. Но всетаки онъ вывелъ его изъ ми оцѣнѣнїи и нерѣшимости, напомнивъ наивнаго которому тоже была замѣшана женщина, и которое вот-вотъ грозило у него сорваться, если онъ не найдетъ способоу водѣйствовать именно на эту женщину.
Онъ почти вырвалъ свой локоть у швей-

цара, — во всѣхъ, даже мелкихъ, проявленїяхъ своей личности, онъ былъ и хотѣлъ быть грубымъ съ людьми, находя, что стѣсняея съ ними не стоить, потому что и за стѣсненїе деньги платятъ.
Но были и исключенїя. Съ людьми силѣ, влїянїя и власти Кашалотовъ умѣлъ говорить по-иному, тогда онъ скорчиваея, съживаея. Каповное лицо, почему-то къ Кашалотову не богатые, и тонъ рѣ- тѣла сокращался, и онъ рѣ- становился искательнымъ и робкимъ. Обычно наглые глаза, утрачивали свою жесткую остроту, и въ нихъ читалось простодушіе съ неадекватной и неопасной хитрости простаго полутемнаго человека, дошедшаго своимъ умомъ и завоеваннаго своею настоящимъ положенїемъ энергїей, здравымъ смысломъ и трудомъ.

Именно такою мнѣнїи о Кашалотовѣ были люди сильные, влїятельные и властные. И въ голову имъ не приходило. мнѣнїе это, цѣлкомъ и совершенно готовое, создалъ и вѣдрилъ въ нихъ самъ Кашалотовъ. И когда онъ гулялъ передъ простакъ, мужчиною-самородкомъ, Ивана-дурка, въ сказкѣ, она искренно восхищались имъ, и чѣмъ грубѣе, безыскусственнѣе была лезть его, тѣмъ болѣе умилала она и трогала. И вѣрли въ нее, лоясь на удочку именно этой грубоети и безыскусственно-

пи къ чему мы энергично не стремимся, ни къ чему мы не относимся съ сильной ненавистью. Мы живемъ ровно, день за днем, волнуясь только своими маленькими печальми и радостями, перемѣщенными съ мѣста на мѣсто на іерархической лѣстницѣ, паденїемъ или повышенїемъ нашего кредита, нашего состоянїя, нашихъ акцій и облигацій. Надо полагать, что гигиенеты очень довольны такимъ спокойствїемъ нашей жизни и готовы трактаты о гигиеническомъ времяпровожденїи à la russe.

Но вы, какъ органъ печати, вы волнуйте это море... Я всегда думалъ, что, если мы даже спимъ, то спимъ чутко, задремывая при каждомъ звукѣ, нарушающемъ ту общественную тишину, о которой въ полицейскомъ протоколѣ ничего не говорится, но много говорится въ печати. Общественное мнѣнїе все-таки чего-то ждетъ, чего-то желаетъ; та скука, то тоскливое настроенїе, которое испытываютъ столь многіе, та апатія, которая заставляетъ опускать руки и порождаетъ безцѣльную вранью, говорить намъ о томъ, что люди чего-то ждутъ и ждутъ иногда лихорадочно, нервно. Мы словно въ ожиданїи поѣзда, отъѣздъ котораго отсроченъ на неопредѣленное время. Заниматься некогда и нечѣмъ, пассажиры спуютъ взадъ и впередъ, безцѣльно, медленно, чтобы только бить время, или сидятъ, понуривъ голову, или ѣдятъ, чтобы занять руки и желудокъ. Но вы не скажете, что это мертвые люди. Зазвонитъ колокольчикъ — и посмотрите, какъ всѣ они зашевелились, какъ оживутъ, какъ забьются и заговорятъ... Я вѣрю, что общественное мнѣнїе все-таки живой организмъ, все-таки сердце не перестало въ немъ биться, лучшія чувства не отучились высказываться, хотя и робко...

Мы вмѣстѣ съ нѣмъ будемъ желать, будемъ поддерживать въ немъ тѣ его чувства, которыя кажутся намъ лучшими, тѣ мысли, которыя даютъ образованїе. Мы будемъ служить честнымъ людямъ и честнымъ стремленїямъ, откуда бы они ни выходили...

Въ этихъ строкахъ вся наша политическая программа.

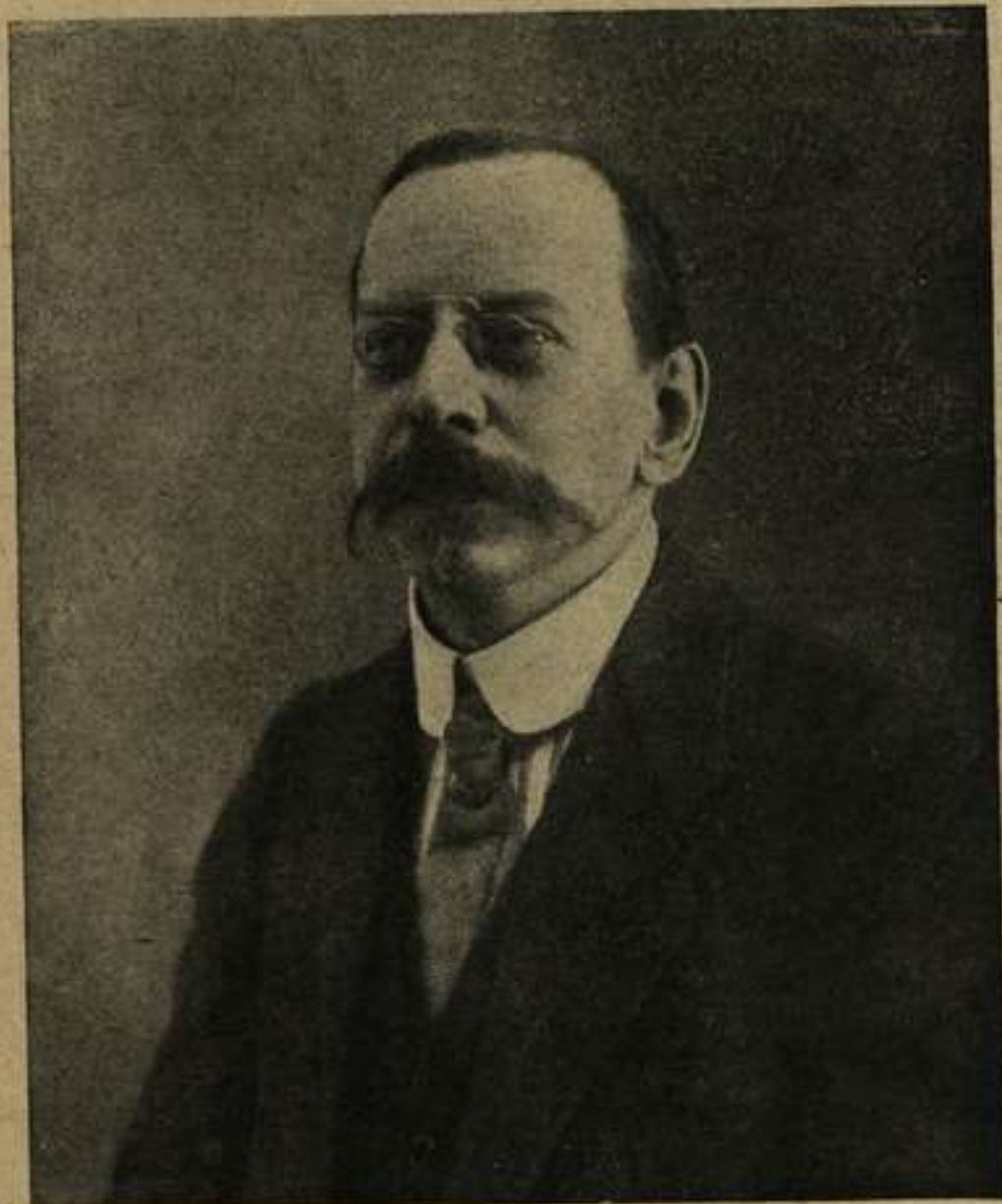
мертвая хватка, оны уже неучитли, что дой разбрасывать иными способоу никакими сре поддержки. Очень общи что и у непоуязвима точноторая владѣтаторую теперь Ксе-какія преуже сѣлалъ,

Кабинет А. С. Суворина, оставшийся в томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при жизни Аленсыя Сергѣевича. Въ настоящее время это кабинетъ главнаго редактора газеты, М. А. Суворина.

мертвая хватка. Разъ намѣтивъ себѣ дѣль, ныхъ прихлебателей, «преданный человекъ» тирю и пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ. II, онъ уже неуклонно шелъ къ ней, твердо чекъ», по аттестации Кашалотова, все про- однако, при такомъ скромномъ содержаніи, Воть около этого ожерелья-то и завер- вѣри, что дойдетъ, если по дорогѣ будетъ моташии баричъ, котораго только изъ жа- имѣетъ капиталъ въ банкѣ, тысячь до тѣхъ мысли Кашалотова. Купить бри- разбрасывать золото и устранять тѣми или лостя еще принимала нѣкоторые дома, а въ трехъ сотъ, и слазилъ своими туалетами. ливное ожерелье представилось ему дѣ- ными способами мѣшающахъ, не брезгая другіе уже не выпускали, справедливо опас- Главнѣй же вкусъ ея — брилліанты, ко- ломъ легкимъ, а подарить его было и того никакими средствами, могущими обвѣщать ясь за столовое серебро и драгоценности,— торыхъ у нея довольно большое количество легче; нѣсколько затрудняла мысль о рѣд- поддержку. уже навелъ нѣтъ нужная справки и доло- и даже рѣдкаго качества. Между прочимъ, кости и художественности, но и на ней не сообщилъ преданный человекъ, уже долго остановился Кашалотовъ: какъ за что и у неподкупнаго сановника нашлась ступня и Кашалотова, назѣрно, приметъ, давно дама эта мечтаетъ о приобрѣтеніи хорошиа деньги да не купить хорошую уязвимая точка. Это и была та дама, ко- что съ сановникомъ у нея отношенія самыя брилліантоваго ожерелья, не какого-нибудь вещь! II Кашалотовъ завернулъ въ ювелирный торая владѣла сердцемъ сановника, и на ко- деликатныя, романтическія и сентимен- ожерелья изъ тѣхъ, что можно видѣть въ любой витринѣ любого ювелира, а такого, магазинъ, окна котораго блестяли разло- Кое-какія предварительныя развѣдки онъ зована, воспитана и живетъ очень скром- чтобы, дѣйствительно, являлось и цѣннымъ и женными на нихъ драгоценностями и без- рѣдкимъ художественнымъ произведеніемъ. дѣлушками.

Очень ободрило его то обстоятельство, жилъ Кашалотову, что дама очень до- сообщила преданный человекъ, уже долго остановился Кашалотовъ: какъ за что и у неподкупнаго сановника нашлась ступня и Кашалотова, назѣрно, приметъ, давно дама эта мечтаетъ о приобрѣтеніи хорошиа деньги да не купить хорошую уязвимая точка. Это и была та дама, ко- что съ сановникомъ у нея отношенія самыя брилліантоваго ожерелья, не какого-нибудь вещь! II Кашалотовъ завернулъ въ ювелирный торая владѣла сердцемъ сановника, и на ко- деликатныя, романтическія и сентимен- ожерелья изъ тѣхъ, что можно видѣть въ любой витринѣ любого ювелира, а такого, магазинъ, окна котораго блестяли разло- Кое-какія предварительныя развѣдки онъ зована, воспитана и живетъ очень скром- чтобы, дѣйствительно, являлось и цѣннымъ и женными на нихъ драгоценностями и без- рѣдкимъ художественнымъ произведеніемъ. дѣлушками.

Секретарь редакціи «Новаго Времени» Николай Ивановичъ АФАНАСЬЕВЪ.

Полина Яковлевна ЛЕОНТЬЕВА, завѣдующая главной конторой газеты съ 3-го дня существованія «Новаго Времени» (съ 4 марта 1876 г.).

Группа сотрудников газеты «Новое Время».

Въ центрѣ перваго ряда—главный редакторъ М. А. Суворинъ. Направо отъ него: редакторъ «Нов. Вр.» М. Н. Масаевъ, В. В. Гей, М. П. Хохловъ, М. О. Меньшиковъ, Л. К. Поповъ («Эльпе»), Ф. Ф. Борнгардтъ, Направо отъ М. А. Суворина—редакторъ «Нов. Вр.» Б. А. Суворинъ, Н. И. Афанасьевъ, Н. Ю. Жуковская, В. А. Попова, д-ръ С. К. Андроновъ, С. П. Добрачевъ. Во второмъ ряду слева: Б. В. Юрловъ, А. А. Плещеевъ, П. Р. Кукъ, К. Г. Алексеевъ, А. С. Резановъ, Ю. Д. Ефляевъ, Н. И. Жухинъ, И. Л. Солоневичъ, В. А. Николаи, Г. А. Симаконъ, Е. Е. Тевиневъ, А. А. Борисовъ, А. И. Коростелевъ, К. С. Тачинкинъ, М. Н. Блаковский. За вторымъ рядомъ, сытая слева: Я. Я. Наумовъ, Л. Н. Афанасьевъ, С. С. Маркъ, Ю. О. Сошинскій, Н. Н. Венгцель («Бенедиктъ»), В. В. Розановъ, Г. А. Магула, Е. А. Философовъ, И. Ф. Мануйловъ, А. П. Богачевъ, С. К. Карастелева, К. Я. Шулленичъ, Н. И. Вознесенскій, Д. Н. Вергунъ, А. М. Ренниковъ, А. А. Бурнакинъ, И. И. Лазаревскій. Внизу сидятъ: Н. С. Павловскій, С. В. Карцевъ, А. П. Тушинъ, А. И. Шаталовъ.

Съ фотограф. Е. Л. Дроздовской.

Фирма э
и Кашалот
своими слу
покупать в
тели съ нис
Хозяинъ
тозь оказа
— Купи
чего не ку
жите въ м
Хозяинъ
и, передъ
аркис мн
выбрать т
оигъе, как
бросить:
— Цѣл
— Шит
Кашалот
нулъ фут
— Что
Мнѣ надо
И пока
съ витрин
шалоту е
— Эту
нечно, и
— И х
Кашалото
кажи.
— Луч
Да и чего
маніе на р
всѣ плати
часть тако
— Не
ворю тебѣ
— Шит
Кашалот
поднялся.
рая презр
продажа,
— Эхъ
я,— не за
— Все

СОВЕТЪ ТОВАРИЩЕСТВА А. С. СУВОРИНА «НОВОЕ ВРЕМЯ», СОСТОЯЩІЙ ИЗЪ 8 ВЫБОРНЫХЪ ЛИЦЪ.

Направо у стола первый—председатель Совета В. П. БУРЕНИНЪ. Дальше, считая отъ него,—М. М. ИВАНОВЪ, Б. В. ГЕЙ, М. А. СУВОРИНЪ, Б. А. СУВОРИНЪ и А. И. КСЮНИНЪ. Члены Совета А. И. Гучковъ и членъ Г. Думы Н. П. Шубльиской будутъ помѣщены въ слѣдующемъ Приложении.

Фирма эта была старинная, извѣстная, валь умиловитивъ нѣсколько растеряв-ного было той нарядной и свободной отъ занятой публики, которая наполняетъ сол-сумму, то понижая ее, и, уже входя въ обшпрный, свѣтлый залъ, заставленный витринами съ драгоценностями, остановил-ся на двухъ стахъ тысячахъ.

Хозяинъ выступилъ впередъ, и Кашалотозъ сказалъ:

— Купить сегодня, можетъ быть, и не-чего не куплю, а посмотреть надо. Пока-жите вы мнѣ бриллиантовое ожерелье.

Хозяинъ досталъ нѣсколько футлярозъ и, передъ Кашалотозомъ засверкали ихъ яркіе многоцвѣтные огни. Кашалотозъ выбралъ тѣ, что были побольше и покра-сивѣе, какъ ему показалось, и коротко бросилъ:

— Цѣна?

— Пять тысячъ.

Кашалотозъ пренебрежительно отки-нулъ футляръ.

— Что вы ко мнѣ съ дрянью гбзете! Мнѣ надо вещь.

И пока приказчикъ торопливо убиратьъ съ витрины коробки, хозяинъ поднесъ Ка-шалотозу еще футляръ и сказалъ:

— Эту вещь могу рекомендовать. Ко-нечно, и цѣна не та: тридцать тысячъ.

— И хорошо, да не доже,—задохнулъ Кашалотозъ.—Получше, милый другъ, по-кажи.

— Лучше нѣтъ,—сказалъ хозяинъ.— Да и чего еще требовать? Обратите вни-маніе на работу: каркасъ золотой, гнѣзда все платиновые, парижскій фасонъ, сей-часъ такого и на заказъ не сдѣлаютъ.

— Не то,—сказалъ Кашалотозъ.—Гс-ворю тебѣ,—дороже нужно.

— Нѣтъ дороже.

Кашалотозъ сердито двинулъ стулъ и поднялся. Съ секунду онъ молчалъ, уѣ-рая презрительно негодующимъ взоромъ продавца, и наконецъ, прокричалъ:

— Эхъ, ты, бриллианщикъ! Зналъ бы я,—не заходить бы къ тебѣ.

— Всегда у насъ покупаете,—пробо-

— Покупка покупкѣ рознь! Дешевыхъ-почему сторону Невскаго и Морской въ хорошую погоду, отъ двухъ до пяти ча-сами только къ тебѣ и забзжать. А вотъ созъ, похдобила вещь,—такъ тутъ тебѣ и крышка.

И запаливая шубу, Кашалотозъ рѣши-тельно двинулся къ двери, и такъ хлоп-нулъ ею, что задребезжали стекла.

На улицѣ онъ успокоился. Было чуть-чуть морозно. За жемчужнымъ туманомъ, магазинами, конторами и торговыми учре-жденіями, розовѣло солнце, и въ ждѣніяхъ. Кашалотозу бросилась въ глаза доска съ фамиліей извѣстнаго ювелира, и въ близости, съ которой обратился къ нему джентльменъ-приказчикъ въ безукориз-ненномъ костюмѣ и съ приборомъ черезъ всю голову.

онъ торговался самъ съ собою, то повышая сумму, то понижая ее, и, уже входя въ обшпрный, свѣтлый залъ, заставленный витринами съ драгоценностями, остановил-ся на двухъ стахъ тысячахъ.

— Деньги хорошия,—разсуждалъ онъ про себя,— да вѣдь, и дѣло того стоить. Не подмажешь—не поѣдешь, а заварилъ кашу, не жалѣй масла.

Кашалотозъ никогда не былъ въ этомъ магазинѣ и сразу почувствовалъ, что его встрѣтили здѣсь даже съ нѣкоторымъ не-довѣріемъ, связаннымъ въ изысканной и близости, съ которой обратился къ нему джентльменъ-приказчикъ въ безукориз-ненномъ костюмѣ и съ приборомъ черезъ всю голову.

Кашалотозъ объяснилъ:

— Надо ожерелье для подарка, вещь должна быть исключительная, цѣна можетъ быть очень высокая.

— Тысячъ восемь, десять? — освѣдо-мился приказчикъ.

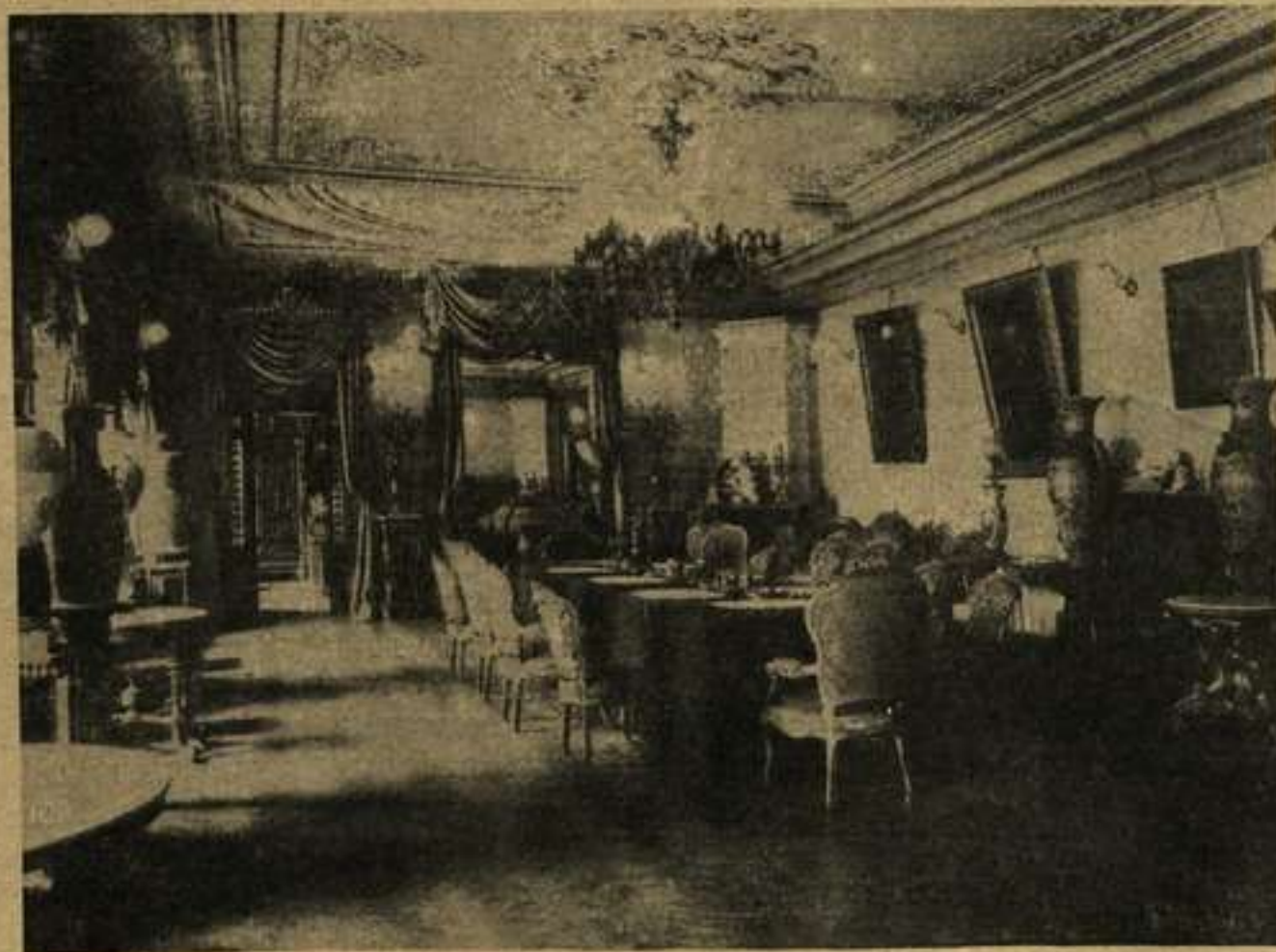
— Выше,—сказалъ Кашалотозъ.

— Двѣнадцать, пятнадцать,—съ отѣн-комъ ласковой почтительности въ голосѣ допрашивалъ приказчикъ.

И также коротко, но уже сердито бурк-нулъ Кашалотозъ.

— Выше!

Ему вдругъ захотѣлось вырваться, обо-рвать приказчика, показать себя, какъ онъ это любилъ дѣлать съ людьми, завистливи-ми отъ него и преклонившимися передъ его деньгами. Но онъ вспомнилъ, что тутъ его совѣтъ не знаютъ, да и вѣдливость мага-зина, по-барски роскошная и солидная, импонировала ему. И почему-то пришло на умъ, что вѣдь еще такъ недавно и шито не зналъ его. Темный маленькій человекъ, безъ образованія, безъ связей, сидѣлъ онъ въ заголустѣхъ незримымъ, потихоньку пле-тущимъ свои сѣти, правда, уже жаднымъ и цѣпкимъ, но еще совѣтъ неумѣлымъ, совѣтъ не сознававшимъ тайныхъ въ

Залъ зазданій Совета товарищества А. С. Суворина—«Новое Время».

несть силъ наукомъ. И можетъ быть такъ бы и всю жизнь прозавать ему мѣстнымъ сабнымъ кулакомъ, какъ прозавать его отца, какъ прозавать его дѣда.

Но разразилась война. Всколыхнулась Россія, какъ могучее море въ бурю забушевала и на хребтѣ волнъ своихъ вынесла новыхъ, невиданныхъ дотогѣ людей. Кинула въ кровавую рѣку войны, навстрѣчу мукамъ и смерти миллионы людей, сразу выдвинула доселѣ невиданную и неслыханную, изумившую и удивившую мѣръ безсметную рать страстотерпцевъ, великомучениковъ и героевъ, а за ихъ спинами выдвинула на театръ другой войны, на театръ быта, на театръ скудной и осучной, немелкой и скорбной жизни иную, тоже грозную, но низкую и грязную рать грабителей и мародеровъ, точно вымела ихъ изъ глубинъ мрачнаго подполья, изъ современныхъ безднъ народнаго бытѣя.

Лились кровавыя рѣки, и лились золотые потоки, и золото ихъ было все въ крови, и окровавлены были руки тѣхъ, которые прикасались къ нимъ.

Но ярко блеститъ золото, и глѣблю, и заскоро звенитъ оно, и жадно тянется къ нему человечество. Тысячелѣтними воспитало оно въ себѣ только одну неизблемую и не знающую пререканій вѣру, — вѣру въ золото и его несокрушимое могущество.

Вотъ тутъ-то и понадобились Кашалотовы. Явилась неотложная, не ждущая нужда въ людяхъ жаднаго, ненасытнаго брюха, крѣпкого затылка, маденькой и темной совѣсти, грязныхъ, небрезгливыхъ рукъ, тяжелыхъ и цѣпкихъ, привыкшихъ за горло хватать добычу, а ухвативъ, уже не разжимать кулака, въ людяхъ ума тупого, тѣлоупорнаго, неповоротливаго, но сильнаго наивностью и тѣмъ, что весь онъ устремленъ только въ одну сторону и понимаетъ только одно: наживу, — и тамъ, гдѣ манитъ его нажива — для него все, и уже, не останавливаясь, пойдетъ онъ къ ней, и, не задумываясь, выхватитъ ее изъ грязи, изъ крови.

Драгоценнѣе былъ такой человекъ для блоручекъ, и каждый разъ, дѣля богатую добычу, бросали они щедрую подачку Кашалотову. Но, съ каждымъ разомъ становился онъ все самоувереннѣе и, наконецъ, понялъ, что не ему нужны, а онъ нуженъ, и почувствовалъ свою силу.

Захолудство осталось гдѣ-то далеко, и похоже было на нелѣпый глупый сонъ, а самъ онъ уже давно былъ въ столицѣ, ворочалъ миллионами и дѣйствовалъ на свой страхъ и рискъ, и ужъ не ему теперь, а онъ людямъ бросалъ жирный кусъ отъ щедротъ своихъ, когда нужно ему было найти поддержку въ знатности, вліяніи и высокомъ положеніи.

Задумался Кашалотовъ, перенесся въ прошлое и машинально далъ снять съ себя шубу пожелтому солидному лакею, котораго позвалъ приказчикъ, понявшій наконецъ, что передъ нимъ настоящій покупатель.

Съ десятокъ бриллантовыхъ колецъ заскверкали на бѣлыхъ бархатныхъ экранъ.

Кашалотовъ почти не разсматривалъ вещей, онъ только тыкалъ пальцемъ и коротко ронялъ:

— Почему? Цѣна?

И когда называли ему цѣну, онъ пренебрежительно моталъ головой и повторялъ все одно и то же слово:

— Выше.

Почти шопотомъ приказчикъ отвѣчалъ, указывая сначала на одно, потомъ на другое кольцо:

— Десяносто, сто тысячъ.

Кашалотовъ взялъ въ руки футляръ съ стотысячнымъ кольцомъ и довольно долго разсматривалъ его. Камни сверкали, играли, перливались, точно смѣялись надъ Кашалотовымъ. Неудовольные, изысканные и коварные.

— Можетъ быть хороши, а можетъ быть и нѣтъ, кто ихъ разберетъ, —

Наблѣтъ редактора «Новаго Времени».

проползало въ умѣ у Кашалотова.

И только одно становило его вниманіе. Посрединѣ не сверкала и не переливалась, а загадочно темнѣлъ волшебной глубиной огромный четырехугольный изумрудъ.

— А это зачѣмъ тутъ? — сказалъ Кашалотовъ, — мнѣ думается, лучше бы и адебъ одинаковый.

— Помилуйте, — возразилъ приказчикъ, — это рѣдкостный изумрудъ. А будь на его мѣстѣ брилланты, такъ ему и цѣны бы не было.

— Какъ такъ не было бы цѣны? — переспросилъ Кашалотовъ, — этого бытъ не можетъ.

— Т.-е. цѣна конечно есть, — поправился приказчикъ, — только очень высокая.

— А какая? — спросилъ Кашалотовъ.

— Приблизительно такой камень одинъ стоитъ тысячъ сто.

Кашалотовъ помолчалъ, подумалъ. Сто тысячъ деньги, конечно. Но не въ его привычкахъ, останавливаться передъ расходами тамъ, гдѣ дѣло пахнетъ миллионами. Главная это экономія, да и не нужна она ему.

А война-кормилица не вѣкъ будетъ. Это при ней, магушкѣ, умные люди деньги лопатами гребутъ, а безъ нея опять все съежится, въ мѣрку свою войдетъ.

— Вотъ что, — сказалъ Кашалотовъ. — Ты мнѣ эту дрянъ отсюда выковырай, а на мѣсто его такой же бѣлый камень поставь. Когда будетъ готово?

— Точно такого камня не могу предложить, — сказалъ приказчикъ. — Меньшихъ разбѣровъ есть.

— Меньшаго не могу, — сказалъ Кашалотовъ. — И какъ это такое нѣтъ? Диви бы я съ тобой торговался, такъ вѣдь нѣтъ.

Кашалотовъ возвысилъ голосъ, и уже не замѣтилъ, какъ перешелъ на свое привычное — ты. Онъ даже чувствовалъ себя разсерженнымъ. За послѣднее время привыкъ онъ не терпѣть отказовъ въ своихъ желаніяхъ и капризахъ.

— Прощу васъ за мной, — сказалъ приказчикъ, и взявъ оба ящика, повелъ Кашалотова въ комнату рядомъ. Это была роскошно обставленная гостиная, въ мягкихъ коврахъ и въ плюшевыхъ портьерахъ, смягчавшихъ своими темными, зеленовато-синими тонами позолоту мебели и тяжелыхъ рамъ, висѣвшихъ въ простѣнкахъ картинъ.

Приказчикъ предложилъ Кашалотову сѣсть, поставилъ передъ нимъ понравившееся ожерелье, позвалъ продавщицу, и самъ вышелъ.

— Я, право, не понимаю, мосье, — говорила продавщица, неизмѣнно храня на

выхоленномъ, подкрашенномъ и принудительномъ лицѣ привычную любезную и искательную улыбку, — почему вамъ не нравится этотъ камень. Бѣлый камень на его мѣстѣ не произведетъ такого эффекта. Зеленый камень отражается въ соседнихъ камняхъ и увеличиваетъ игру цвѣтовъ, и притомъ, изумрудъ — это такой прелестный камень, онъ притягиваетъ охоту: кто не остается съ изумрудомъ, тотъ никогда не испытываетъ нужды въ деньгахъ. Впрочемъ, ваша дама, я думаю, вообще ни въ чемъ не можетъ нуждаться.

— Видимое дѣло, — согласился Кашалотовъ, поймавъ ея послѣднюю мысль: — не худо бабѣ живется, ежели на подарокъ ей сотни тысячъ выкладываютъ.

— Если блондинка, — продолжала продавщица, — изумрудъ прямо необходимъ. Изумрудъ такъ идетъ къ блондинкамъ.

— А чортъ ее знаетъ, — отозвался Кашалотовъ, поглядывая барышню въ недоумѣніе.

Но она очень скоро нашлась.

— Многія красятъ волосы, мосье, — сказала она. — Въ Парижѣ дамы никогда не носятъ всю жизнь одинъ цвѣтъ, тамъ это просто считается неприличнымъ. При томъ это очень молодитъ, оубѣждаетъ и обновляетъ лицо. Ваша дама, безъ всякаго сомнѣнія, красавица и молодая.

Кашалотовъ не успѣлъ отвѣтить. Вошелъ приказчикъ, бережно неся въ рукѣ глубокой серебряный подносикъ, на которомъ лежали золотой пинсезъ-шпички и пять крупныхъ чистѣйшей воды бриллантовъ. Приказчикъ осторожно взялъ одинъ изъ нихъ шпичкомъ и, медленно поворачивая его то въ одну, то въ другую сторону передъ Кашалотовымъ, сказалъ:

— Вотъ это лучший нашъ камень. Такими, повѣрьте, не найдете не только въ Петроградѣ или въ Москвѣ, но даже въ Лондонѣ.

— А въ Парижѣ? — спросилъ Кашалотовъ.

Приказчикъ махнулъ рукой.

— Помилуйте. Парижъ дѣло особое, тамъ берутъ широкъ, вкусомъ, отдышкой, модой, а настоящихъ большихъ цѣнныхъ тамъ не ищутъ. Это поляка противоположность Лондону. А вотъ у насъ въ Россіи соединено и то, и другое, и рѣдкій камень, и оубава художественная.

— Ну-ка, примѣръ, — сказалъ Кашалотовъ.

Выннули ожерелье и убѣдились, что всѣ брилланты меньше изумруда.

— Не годится, — сказалъ Кашалотовъ, — самъ видишь, разбѣръ да тотъ. Давай другіе.

— Крупнѣе нѣтъ, — сказалъ приказчикъ, — есть мельче а дороже, а крупнѣе нѣтъ.

— Какъ же такъ, братецъ мой? — съ недоумѣніемъ спросилъ Кашалотовъ, — а еще говоришь, что у другихъ и не найти такого товару, какъ у васъ.

— И совершенно вѣрно, — сказалъ приказчикъ, — такихъ камней, какъ у насъ, въ Петроградѣ ни у кого не найдете. Да и вообще бриллантовъ теперь мало. Петроградъ переживаетъ бриллантовый голодъ. Спросъ громадный, а предложенія нѣтъ.

— Что? Что ты сказалъ? — переспросилъ Кашалотовъ, ухватившись за остановившую его вниманіе мысль. — Какъ это такое ты говоришь?

— Говорю, спросъ огромный, а предложенія нѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Раньше ты тутъ одно словечко ввернулъ. Какой голодъ, ты говоришь?

— Бриллантовый голодъ.

— Я думалъ ослышался, померещилось, — сказалъ Кашалотовъ. — А выйдить, онъ это въ серьезъ. Ну и, мое почтеніе, огорошилъ ты меня!

Приказчикъ съ некоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Кашалотова.

А тутъ все никакъ не могъ успокоиться. Онъ уже забылъ про ожерелье, и не смѣлъ на тѣ камни, которые, по очереди, одинъ за другимъ вертѣлъ передъ его глазами приказчикъ.

— Ну и штука — капитана Бука! — вслухъ разсуждалъ онъ самъ съ собой. — Ахъ, дуй васъ горой! Чтѣ голодъ, — это мы и сами знаемъ. Дровяной голодъ — разъ, мучной голодъ, — два, мясной голодъ — три, и ужъ, покажу я, куда ни шло, сахарный прибавь — четыре. Хотя я, по своему разумію, такъ полагаю, что, ежели у тебя хлѣбъ есть, да еще и мясо тоже, такъ безъ сахару не околѣешь. Сладости, — это одно только баловство. По нашимъ мѣстамъ въ старину о сахарѣ-то и не слыхивали. Мужики-то всего, можетъ, какой-нибудь десятокъ лѣтъ съ сахаромъ чай пить стали, да и то больше въ прилажку. А рѣчь-то я все-таки къ тому веду, что эти четыре голода дѣло извѣстное. Не мимо нашихъ рукъ оно шло. Сами около этихъ голодныхъ-то кормимся.

Кашалотовъ громко захотѣлъ. Онъ смѣялся злорадно, весело и самоудовольствованно и долго не могъ перестать, къ великому недоумѣнію приказчика, котораго не понималъ, чему онъ смѣется.

— Бриллантовый голодъ, — отдуваясь, говорилъ онъ, — ну, и народъ! А вѣдь послушать, съ голоду умираютъ, бѣтъ бѣдникамъ нечего. Разокажи-ка мнѣ всю подмостную, хотя бы про Кашалотова, къ примѣру сказать, — на семи слободахъ прокляли бы, кровопийцей бы назвали. Нѣтъ, други мои милые, — выходитъ, Кашалотовъ-то ужъ не такъ виноватъ. Сами-то вы тоже хорошие гуся. Холодно-голодно, батюшки-матушки, умираемъ, а у самихъ бриллантовый голодъ объявился. Бриллантовый голодъ, — ха, ха, ха! Ну и публика, не стоитъ и бублика. Брилланты ей понадобились. Жрать нечего, а бриллантами облопались. Всѣ брилланты слопали, хо-хо-хо-хо!

И такъ было злорадно, тупо и нагло самодовольно лицо Кашалотова, что даже приказчику, который весь поглощенъ былъ мыслью не выпустить изъ рукъ покупателя, стало какъ-то не по себѣ.

— Кто носить брилланты, — сказалъ онъ, — тотъ не думаетъ ни о голодѣ, ни о холодѣ. Богатымъ людямъ все равно, сколько платять. А деньги теперь дешевы.

— Это ты вѣрно, — согласился Кашалотовъ. — Подешевѣли денежки-то. Я что-то и не запомню, когда были такъ дешевы. Вотъ развѣ, можетъ, въ японскую войну, да только въ разумъ я тогда еще не вошелъ и былъ какъ бы на манеръ глупаго

теленка, сидѣть какія дѣлать нуть-то на и вывалъ, да что въ окош

— Не понасе это ожприказчикъ. — обратителъ вчистѣйшей вамъ бразил

— Ты мнети, — сказалъ мелкоты не ную величин

свести можкой, либо ст не нужно, м дрянъ, мелоч

около этого руки. А что къ чему. У

итъ съ ст такъ какъ такъ и загор зажмурься, деть.

— Помилчикъ, — какъ стое стекло наши брили

Вліяніе в п

Настоя въ исторіи теріальны которой ст рону. Она леммой — мѣсто, кот крашенія товара. В

Отделение главной конторы Товарищества А. С. Суворина «Гоголе Время» для приема подписки на газету и объявлений. В глубине—главный книжный магазин Т-ва. На переднем плане — главноуправляющий книжными магазинами Т-ва (Москва, Одесса, Харьков, Ростов-на-Дону, Саратов)—Яковъ Илларионовичъ Кормилицынъ.

теленка, сидѣлъ у себя въ дырѣ, кой-какія дѣлшки, такія, что нонѣ и плюнуть-то на нихъ не захотѣлъ бы, обмозговывалъ, да думалъ, что только и свѣту, что въ окошкѣ.

— Не понимаю, чѣмъ вамъ не нравится это ожерелье,—гнулъ свою линію приказчикъ.—Великолѣпная вещь! Вы обратьте вниманіе, какой блескъ, камни чистѣйшей бѣлой воды. Не предлагаю вамъ бразильскихъ брилліантовъ.

— Ты мнѣ передъ глазами-то не верти,—сказалъ Кашалотовъ;—я, братъ, мелкоты не вижу, у меня глазъ на крупную величину. Десятинъ пять сотъ лѣсу свезти можно, это вижу, вагонъ съ мукой, либо съ сахаромъ—это и говорить не нужно, мимо глазъ не пройдетъ, а эта дрянн, мелочь—не нашего ума дѣло. Ты около этого стоишь, тебѣ и книги въ руки. А что блестятъ, такъ это мнѣ ни чему. У меня въ столовой люстра виситъ съ стеклянными побрякушками,— такъ какъ пустятъ электричество, вся такъ и загорится, радугами пойдетъ, хопъ зажмурься, почище твоего ожерелья будеть.

— Помилуйте, — возразилъ приказчикъ,—какъ же можно сравнивать простое стекло съ брилліантомъ? А ужъ про наши брилліанты и говорить нечего, камни тому—дуры.

Вашей супругѣ очень понравятся.

— Эко, сказала! Супруга моя еще рыломъ не вышла такія вещи носить. Я ужъ забылъ, когда ее и видѣлъ-то, сидитъ тамъ у себя, въ захолустѣ, пишетъ у родителей съ ребятами. Денегъ я имъ высылаю вволю, но обижаю, по триста рублей въ мѣсяцъ отваливаю. По нашимъ мѣстамъ, да по ихъ дремучести, имъ ни пропитъ, ни проесть столько, а мнѣ-то ужъ будто, при теперешнихъ моихъ капиталлахъ, да знакомствѣ, этакая баба и нектати. Разводиться хочу. Да вотъ все никакъ времени не выбору. Съ деньгами это, конечно, дѣло плевое. Да по-ра-то горячая. Война-то, матушка, не вѣкъ будетъ. А я, видишь, какой. Вотъ еще и съ этой дрянью самъ вожусь. Думалъ, велико ли дѣло, бабѣ подороже цану курпортсгаръ, перстень, скажемъ такъ. А бабѣ подай самую что ни на есть необходимую вещь. Не иначе, какъ бабы этотъ брилліантовый голодъ устроили, пошли брилліанты и говорить нечего, камни тому—дуры.

Брилліанты, конечно, покупаются Брилліантовый голодъ у нихъ! Да, голодайте, больше всего дамами, и для дамъ,—ска-чортъ васъ дери, ежели вамъ охота, а залъ приказчикъ,—но только это совѣмъ я, при моихъ капиталахъ, не желаю! Мнѣ не глупо, а даже очень умно. И дешево за мои деньги—вынь да положь. На дѣньги, и уходятъ скоро, а тутъ цѣнная вещь, и цѣны своей она никогда не потереяетъ. Ожерелье это я вамъ совѣтую взять; а вмѣсто изумруда мы вамъ брилліантъ вставимъ.

— Не хочу,—сказалъ Кашалотовъ.— Да и съ передѣлкой возиться, что за охота. Было бы такое, какъ мнѣ надобно, а бы сразу купить.

— Брилліантовый голодъ,—развелъ руками приказчикъ.—Большой величины камня ни у кого не найдете, за это рубчаюсь, а ожерелье, если желаете, на дняхъ приготовимъ. Есть у насъ одно въ работѣ. Принадлежало книжнѣ Карнаухо-вой, чудная вещь, контрировано платиной, рисуюнокъ старинный. Ей отъ прабабки досталось, фамильная драгоценность.

— Вотъ это еще похоже на дѣло,—сказалъ Кашалотовъ.

И, взявъ въ свою шубу, сопя и отдуваясь, онъ говорилъ при почтительномъ молчаніи приказчика, продавщицы и одѣ-лавшаго его лакея:

— Самъ-то я къ тебѣ ужъ больше не поѣду, дошлаго челоуѣка пришлю, упарили вы меня тутъ, семь потовъ согнали.

Путаюсь въ полахъ своей шубы, спу-скался Кашалотовъ по лѣстницѣ, поддержи-живаемый лакеемъ. На площадкѣ стоялъ провожавшій его приказчикъ, которому казалось невѣжливымъ уйти, не выслу-шавъ всего, что угодно было высказать богатому и тароватому покупателю. Пред-упредительно распахнулись широкія дветри подъезда, и почти на рукахъ внесли и усадили Кашалотова въ поджидавшій у подъезда автомобиль лакей со швейцаромъ.

Сердито онъ крикнулъ шоферу:
— Домой! Да духомъ домчи!

Маркъ Басанингъ.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

Вліяніе войны на отечественную промышленность.

Настоящая война, безпримѣрная въ исторіи по своимъ ужасамъ и материальнымъ потерямъ, имѣетъ въ нѣ-которой степени и свою хорошую сторону. Она поставила насъ передъ дилеммой—чѣмъ заполнить то пустое мѣсто, которое оказалось послѣ прекращенія притока сюда германскаго товара. Выписывать его изъ другихъ

странъ невозможно за дальностью разстоянія, изъ-за слишкомъ большой дороговизны по доставкѣ его, не говоря уже о разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, какъ, напри-мѣръ, запрещеніе Швеціей транзита и т. п.

Жизнь, однако, идетъ впередъ и выдвигаетъ свои требованія, которые въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, во время войны, даже увеличились. Въ такомъ случаѣ является вопросъ,—а не попробовать ли самимъ дѣлать то, чѣмъ

до войны снабжала насъ въ такомъ изобиліи Германия. Опытъ показалъ, что это не невозможно.

Въ числѣ многихъ предметовъ, которые изготовлялись въ Германии, одно изъ видныхъ мѣстъ занимали копировальные множительные аппараты, получившіе въ Россіи право гражданства подъ названіемъ «Ша-пирографы».

Можно смѣло сказать, не впадая въ ошибочное преувеличеніе, что въ Россіи нѣтъ ни одной Войсковой

Части, которая не знала бы, что такое «Шапирографъ» или Шапирографская лента. Это ихъ неизмѣнные друзья, которые приходятъ имъ на помощь, когда надо печатать указы, циркуляры, повѣстки и проч. бумаги. Арміи, находящейся на театрѣ военныхъ дѣйствій аппараты «ША-ПИРОГРАФЪ» необходимы, какъ снаряды и какъ все то, что способствуетъ побѣдѣ надъ врагомъ. Мы не говоримъ уже о разныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства, начиная съ

самых крупных и кончая самыми мелкими, какъ напримѣръ: Волостныхъ и Сельскихъ Правленійхъ, Становыхъ Приставовъ и проч. и проч. Они въ безъ Шапирографовъ не могутъ обойтись, какъ безъ самой необходимѣйшей части ихъ канцеляріи.

Чтобы найти какой-нибудь выходъ изъ создавшагося положенія, фирма Торговый Домъ ЗИВЪ и К^о, въ Петроградѣ, и Москвѣ въ рукахъ которой до войны находилось Главное

Представительство этихъ аппаратовъ и получавшая Шапирографы въ Германіи, приступила къ изготовленію Шапирографовъ здѣсь. Раньше въ маломъ масштабѣ, а потомъ постепенно расширяя дѣло.

Своими рабочими и исключительно только отечественнымъ сырымъ матеріаломъ, не прибѣгая къ помощи иностранцевъ, глава фирмы довелъ дѣло изготовленія этихъ аппаратовъ до совершенства. Опыты дали блестящіе результаты, которые превзошли са-

мыя смѣлыя ожиданія. Аппараты, изготовляемые фирмой ЗИВЪ и К^о, оказались не только не хуже германскихъ, но много лучше ихъ.

Энергія и труды, положенные фирмой ЗИВЪ и К^о, были громадны, но хорошій конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Въ лабораторіи и мастерскихъ фирмы ЗИВЪ и К^о, работаютъ русскіе рабочіе, употребляются матеріалы исключительно отечественные, ничего иностраннаго, ничего чужого, все свое.

Такимъ образомъ намъ удалось доказать, что въ исключительныхъ случаяхъ мы можемъ обойтись безъ поводыря. Мы можемъ сами ходить и творить то, что до войны намъ казалось недостижимымъ.

Россійская доблестная Армія наравнѣ съ отечественными снарядами получаетъ теперь и отечественные копировальные аппараты, изготовляемые фирмой ЗИВЪ и К^о, въ Петроградѣ и Москвѣ.

БИБЛІА

полная на русскомъ яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ художественными картинами, размѣр. кн. 208 венскими картинами, 6x4 верш., 2 толщ., вѣс. 9 ф., 1550 стр., въ прочн. красив. тисн. золотомъ полукожан. перепл. съ колленкор. футл., ц. 5 р. 50 к., съ перес. Евр. Рос. 6 р. 15 к., упак. 25 к. ПЕРВАЯ и ЕДИНСТВЕННАЯ въ Россіи ПОЛНАЯ иллюстрир. Библия. Эту великую книгу-книжку долженъ имѣть каждый. Адресъ: Петроградъ, Невскій пр., 133, Е. П. МАСЛЕННИКОВУ. Тел. 90-36.

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪЕМНЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЯ ЛАБОРАТОРИЯ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.
ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгій, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклерѣ, туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.
 Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪЕМНАЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕЗПЛАТНО.
 Одинъ флаконъ съемной вытяжки въ продажѣ стоитъ 2 р. 75 к. Пересылка съемею одного флакона—БЕЗПЛАТНО. 2/3-й почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика.
 Адресъ: Органотерапевт. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. 10, кв. 33. мѣр. адр. Москва, Калеслюндъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ!
 Вытяжка изъ съемныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическ. реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни
 А. Ю. ПИЛУДСКІЙ.
 НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинской).
 Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
 Приемъ и быстрое выполненіе заказовъ на всевозможн. ювелирныя надѣлы.
 Художественная работа. Цѣны въ конкуренціи.
 Телефонъ 168-95.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ, БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,
 а только по нашему изданію «Гимназія на дому», но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ
ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:
 Волноопредѣляющагося I и II разряда, на класный чинъ, высш. начальн. сельск., народн. учителя, аптекарскаго ученика, цы, на 4 или 6 классовъ гимназіи, на аттестатъ зрѣлости т. д.
 Тысячи лицъ успѣли уже благодаря изданію «Гимназія на дому», достигнуть намѣченной цѣли.
 Краткій проспектъ высылается бесплатно. Подробный за 15 коп.
Т-во „БЛАГО“ Петроградъ, Николаевская, 44-73.

НОВАЯ КНИГА:
Лаговъ, Н. М. АРМЕНИЯ
 Очерки прошлаго, природы, культуры и пр. VIII+134 стр., съ 28 рис., планами и картой страны (на обложкѣ), Петроградъ. 1915 г. Ц. 1 руб., съ перес. налож. плат.—1 р. 20 коп.
 Содержание: I. Др. періодъ. II. До нашихъ дней. III. Природа. IV. Населеніе. V. Культура. VI. ЭРЗЕРУМЪ, Эчмиадзинъ и др. гор. и монастыри.
 Изъ отзывовъ печати:
 Книга г. Лагова составлена съ любовью и знаніемъ дѣла, прекрасно изложена и снабжена многочисленными иллюстраціями. Для первоначальнаго знакомства съ исторіей и положеніемъ армянъ книга вполне хороша.
 Скл.: Т-во „Н. П. Карбасниковъ“, Пгт., Гостинный, 19

!!! САМЫЙ ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ и занятія въ семьѣ!!!
 Практич. руков. для юнош. Н. Н. Маѣева.
„ШКОЛА ВЫЖИГАНІЯ“
 Новѣйш. мет.: прост. (плоское) мованчі, глубоки и пластич. выжиганіа, по дереву, кожѣ, панкѣ и т. п.
 Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. (упаков. р. 7) к. Подуч. ма. благодарн. со всѣхъ конур. Россіи.
 Выписывать отъ автора: Петроградъ, Лубенская ул., 8, кв. 50. Книгопродавц. общ. скидка.

2-ое изданіе книги:
Д-ръ Н. В. СЛЕТОВЪ
ПОЛОВАЯ НЕВРАСТЕНІЯ,
 ЕЯ ПРИЧИНЫ И ЛѢЧЕНІЕ,
 значительно дополненное, съ 23 рис., Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Прод. въ лучшихъ книжн. магазинахъ.
 Складъ изданія у автора
 Москва, Садовая-Триумфальная, соб. домъ.

Гг. ОФИЦЕРАМЪ
ЭЛЕКТРИЧ. ФОНАРИ
 необычайно СВѢТЛО и ДОЛГО горящіе.
 Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗобрѢТЕНІЙ.

РУМЯНЕЦЪ,
 который никто не отличить отъ натурального, придаетъ „Вода здоровья“
„Eau de Santé“ соверш. безвредн.
 ВО ИЗБѢЖ. ПОДДѢЛКИ прод. ТОЛЬКО Пгтр., Коломенская, 27, соб. домъ, кв. 3. Складъ поды здоровья. Высыл. вложен. платеж. флак. 8 р., достаточ. на 3 мѣс. **ПРОБА БЕЗПЛАТНО,** но не высыл. Деньги впередъ не высылать. Первая посылка отправл. только черезъ 4-6 дней по случ. многочисл. заказовъ. Магазины на продажу не даю. Отдѣленій не имѣю. До востребованій не выслано. НИГДѢ НѢТЬ ПОКА НИЧЕГО ЛУЧШАГО.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ
 ишіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдолъ Дра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ
 Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства
СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.
 Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.
 Лабораторія КАЛЬТОКО, Москва. Отд. 109В.

Въ февральскихъ номерахъ **„ВѢСТНИКА МОДЫ“** помещено: 157 рис. дамскаго и дѣтскаго туалетовъ, 28 рис. рукодѣлій съ узорами, 88 выкроекъ. Причуды любви. Поѣздъ Эбботъ. Агитка. Раа. Дорни. Завтракъ и обѣдъ съ рецептами приготоленія. Хорошее расцоложеніе духа. Н. М. Дѣтскія игры. Дра П. Е. М. Угнѣна и косметика. Почтовый ящикъ. Въ изданіи журнала по 1-му марта распроданы. Принимается подписка съ 1-го марта на годъ, 1/2 г. и 1/4 г. Цѣна 6 руб. въ годъ. Петроградъ, Итальянская, 16.

НОВАЯ КНИГА
САДЫ-ГОРОДА И ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ АНГЛІИ.
 П. Г. МИЖУЕВА.
 Красивое изданіе. Больше 150 рисунковъ (8 цвѣтныхъ), плановъ и чертежей. Цѣна въ коллѣкторномъ переплетѣ 5 р. 50 к. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія—книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время», Невскій пр., 40.